

АЛЕКСАНДР ПРОТАСОВ НИ ПРИБЫЛИ, НИ УБЫЛИ

International

Literary

magazine

KRSCHAK

Александр
ПРОТАСОВ
НИ ПРИБЫЛИ,
НИ УБЫЛИ

200 хайбунов

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Александр
ПРОТАСОВ

НИ ПРИБЫЛИ,
НИ УБЫЛИ

200 хайбунов

俳

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(477)-32

П 83

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Ілюстрації в тексті — автора.

На обложці:

Берта Арт. Орхідеи. Ок. 1897

Протасов А.

П 83 Ни прибыли, ни убыли / А. Протасов — Друкарський двір
Олега Федорова 2024 — 312 с.

ISBN 978-617-8169-13-8

Открыв для себя хайбун, автор обрадовался, потому что увидел форму, которая удивительно соответствовала его собственным масштабам описания мира.

Вряд ли можно согласиться с встречающимся мнением, что хайбун — это такая литературная форма, где прозаический текст выступает как бы объяснением собственно хайку. Текст не есть объяснение хайку, напротив, хайку есть следствие, итог предыдущего описания, размышления, наблюдения. В нём скрыт сам посыл, троп, искра. Здесь сложная обратная связь.

Хайбун — это именно та форма, которая позволяет перекинуть мостик между тремя столбиками иероглифов японского хайку и нашим, выраженным кириллическими знаками, восприятием важного, истинного в окружающих, в нас самих, в природе.

УДК 821.161.1'06(477)-32

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)

ISBN 978-617-8169-13-8

© Протасов А., 2024

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

А иероглиф «хай» означает «игра, забава». Это не просто игра, а особого рода игра, которой утешают богов. То есть, в древности люди сочиняли прекрасные песни или стихи или музыку, чтобы утешать богов. Вот это «хай». Другими словами, хайку и хайбун — это утешение для богов! Кстати, «ку» означает «фраза» (или «фразы»), а «бун» — «предложение» (или «предложения»).

Изуми Маэда

ОТ АВТОРА

Признаюсь, совершенно случайно, читая и перелистывая сборник Моцуо Басё «Лирика», наткнулся на страницу, на которой было название следующего после ста страниц хайку раздела: «Хайбун». Стал читать и понял, что это именно та форма, которая позволяет перекинуть мостик между тремя столбиками иероглифических значков, больше похожих на каких-то насекомых, и моим/нашим восприятием важного, истинного в человеке, в тебе самом, в природе. Хайку, хоть и самого Басё, записанное кириллицей, наверное, латиницей — тоже, висит в каком-то безвоздушном пространстве, где не слышна волшебная музыка, которую японцу или китайцу нет необходимости озвучивать. А ещё я обрадовался, потому, что увидел форму, которая почти биологически соответствовала моим, именно моим, масштабам описания мира. Но форма не бескорыстна, она требует максимального сгущения впечатления как плату за благодарность читателя, не переутомлённого поисками сути написанного. Тогда, оказывается, что и кириллическое хайку уже не висит в пустоте, а призвано сюда, чтобы намекнуть на правильный путь к этой сути.

В каком-то смысле это меняет повседневность. Мелочи становятся значительными, случайности — событиями. И — форма. Поддержание формы — интересная задача и непростой труд.

Мне показалось, что летучие наброски, которые делаются на улице, в метро, лица разные, фигурки будут вполне соответствовать самой идее хайбун и хайку — попытке приостановить быстро текущее время. Один взгляд — и все изменилось уже,

а портретик остался. Человека, дерева, дома, улицы. Поэтому здесь, в книге, скорее, не иллюстрация написанного, а некое визуальное дополнение. Такое же краткотечное, как и повод для хайбуна.

Неяпонский, например, русский хайбун — это нечто совсем иное, здесь скорее не форма, но внутренняя идея сохранена. Может быть, отсутствие столетних традиций этого жанра в русскоязычном пространстве как раз и ближе нашему времени. Мудрость старого Басё мы скорее чувствуем, чем понимаем — XVII век — такая старина, Япония — такая даль!

Благодарности

Я благодарен Борису Марковскому за приглашение стать участником его проекта «Библиотека “Крещатика”», Елене Мордовиной за помощь в редакции и за идею самого сборника, ещё я благодарен моему давнему другу, профессору русской словесности из Токио Изуми Маэда, которая разъяснила, что такое ХАЙ в маленьком предисловии.

ХАЙБУН: ЗАМЕТКИ О ФОРМЕ

Начал писать хайбун, а чем завершить его, какими строчками хайку? Моя практика не позволяет согласиться с общепринятой концепцией, что хайбун — это такая форма, где прозаический текст выступает как бы объяснением собственно хайку. Сама проблема «чем завершить?» противоречит идее первичности хайку в хайбун. Во-первых, нет простой логики: объяснение предшествует в пространстве и во времени объясняемому. Технологическая карта создания хайбун, по моему, иная.

Сначала фиксируется некое наблюдение, факт, нечто из реального мира, а может быть, и из сна, памяти, ассоциации, впечатления. Может быть, здесь и есть разрешения противоречия с расхожим, что доминирует именно внутренний посыл: нет, толчок может быть самой разной этимологии. Вот, к примеру, у Басё: зашел к приятелю, тот уехал, в саду цветёт слива — «вон как пышно цветёт слива», хотя хозяин уехал и не видит её! А ему говорят: присмотритесь, слива-то в соседском саду. Что же здесь в доминанте, что послужило искрой, от которой родился хайбун? Думаю, что всё, что отмечено, да ещё и то, что, вроде, было незаметным фоном. Погода, теплое весеннее солнышко, а может, пели птицы? К тому же — самоирония такого «наблюдательного» поэта, который попал впросак.

Именно из описания, наброска этой внешней картины рождается заключение, в данном случае, такое:

Хозяина нет,
И даже слива цветёт
Лишь у соседа.

Может быть, здесь есть дух Хай, не только ирония, но, мне кажется, что более присутствует другой, пока безымянный, назову его — дух наивности, простого восприятия мира, простоты, лучше — естественности. Естественна фиксация факта, ведь я — созерцатель, я не вмещаюсь в течение бытия, я просто отмечаю некоторые события, прекрасно понимая при этом, что это только и всего лишь — маленькая часть мира.

Прозаический текст не есть объяснение хайку, напротив, хайку есть следствие, итог предыдущего описания, размышления, наблюдения. В нём скрыт сам посыл, троп, искра. Здесь сложная обратная связь. Опять же, у Басё есть пример. В «Монахине Сёсё» окончание прозаической части прямо переходит в хайку — «и разговор стал таким задушевым, что я, растрогавшись, произнес:

Задушевная речь
Монахини Сёсё.
Снегопад в Сига».

Все, что предшествовало хайку — отнюдь не объяснение того, что это было в Сига. Монахиня Сёсё вообще жила давно, задолго до автора, может, это и вообще просто легенда, а беседа происходит в местечке Оцу, с монахиней Тигэцу. Вот как перекинут мостик во времени и в пространстве. Вполне естественно перекинут.

Неяпонские хайку или хайбун — большой вопрос. Вопрос о форме. Формально форма сохраняется. Вопрос именно в несовместимости и несопоставимости формы. Если для японского языка так важно — пять слогов в первой строке, семь во второй и пять в третьей, то для русского — только, может быть, исключительно как упражнение в фокусах со словами. Да и что такое японский слог по сравнению с русским? Не просто разные конструкции — разные миры слово-, тексто- и речеобразования.

Наверное, у каждого народа, как и у каждого человека есть своё, врождённое чувство времяпространства. Различны критерии целесообразности детализации целого. Тогда — всё дело

в деталях? А может быть, в одной — главной? Да, но одна деталь — это уже не деталь, поскольку деталь суть часть чего-то. Разнообразие равно нулю, если все элементы идентичны друг другу. Мне интересно разнообразие более высокого порядка: разнообразие частных, скажем так: не разнообразие деталей в картине, а разнообразие картин.

Картина. Картина часто есть плод, большой работы, долгого времени. Хайбун подобен, скорее, скетчу, наброску, случайной репортажной фотографии. И кто сказал, что у репортажной фотографии нет философии? Причём, набросок может стать началом большой картины, большая картина — конечна.

Какова же философия случайного? И что можно сказать о возвышенном и бытовом, реальном, повседневном, что это за разные объекты, которые есть материал для хайбун? Объект — это окружающий и внутренний мир, но мне сразу возражат: они, эти миры не могут быть равноценны, тем более, для поэта! Это, видимо, подразумевает очевидность: внутренний мир выше, важнее. Отсюда и предмет хайбун: душевная работа, взаимосвязь чувств, переплетение внешнего и внутреннего.

Так, но почему хайбун не может быть частью дневника, созерцательного описания? В некотором смысле можно сравнить хайбун с чем-то вроде журналистской практики: проза, как факт, который взволновал, и хайку, как мораль сей басни. Конечно, это не «мораль» и не квинтэссенция (это было бы очень просто!), это больше, потому, что именно в этом заключении больше или меньше того, что Лорка называл дуэнде. Это, если хотите, показатель градуса, внутреннего напряжения всего хайбун. Десять тысяч вольт дают ослепительную молнию, вспышку, которая может осветить большое пространство, проникнуть вглубь бездны. Но и маленький фонарик с батарейкой в полтора вольта может осветить нам дорогу.

Мал светлячок,
Но так дорог
В тёмном лесу.

**Кисть Хокусая танцует фламенко,
Изображая простую лошадь.
Женщины стирают в реке. На горизонте Фудзи.**

В ДУХЕ ХАЙ

Прочитал в умной литературно-научной книге, что в хайбуне должен присутствовать дух «Хай», то есть ироническое отношение к самому себе, а может, и к окружению. Что бы это значило? Как-то Мацуо Басё написал хайбун о том, что у него в хижине есть тыква-горлянка, вернее, сосуд, из этой тыквы, то есть нечто более важное и полезное, чем просто высохшая тыква. Ирония, видимо, состояла в том, что тщательное исследование такого простого предмета, как бутылка из тыквы, к тому же пустая, намекало, что в хижине не так уж много материальных предметов. Может быть, он этим хотел подчеркнуть, напротив, богатство своего духовного мира. Сложно сказать, ведь дух «Хай» непросто. А может, Басё гордился своей свободой от вещей, тогда это было иронией по отношению к нам. А может, этот сосуд ему просто нравился, хотя и не наполненный. Вряд ли стоит задумываться о духе «Хай», когда приходит желание написать хайбун, а ирония рождается сама, если захочет.

Может, повезёт, и что-то подскажет: смотри!

Потом — нечто вроде итога, три строчки.

Хайбун как аккорд двух клавиш.

НИ ПРИБЫЛИ, НИ УБЫЛИ

Надо сказать, что Басё почти всё разложил, что называется, по полочкам, относительно геронтологических наблюдений. Жизнь в преклонном возрасте, полагал он, доставляет радость только тому, кто избавился от забот о прибыли и убыли, забыл о различиях между старостью и юностью, и обрёл в душе безмятежный покой. В его XVII веке, как он сам писал, «мало кто доползает до восьмого десятка», сейчас доплзших стало больше. Суть от этого не изменилась, но благодаря медицине и прочим факторам, появился некоторый избыток лет, который позволяет исследовать несколько больше, чем удалось самому Басё, он-то закончил свои путешествия в этом мире в пятьдесят. Правда, сами по себе, годы мудрости никак не добавляют.

Как у любого живущего существа, у человека мир делится на две области: я и внешние силы, природа, космос. Обе они важны и взаимодействуют между собой. Но, как показывают наблюдения, с годами всё больший вес приобретает внешнее. Всё важнее становится погода, климат и просьбы куда-то к Богам о благополучии и здоровье. И всё меньше занимают отношения с себе подобными. И всё реже появляется просьба: «Боги, усмирите моих врагов, покарайте моих недругов!» И что же это — прибыль или убыль?

Что не пришло, то
Уже не придёт, и нет
Разочарованья.

DUENDE

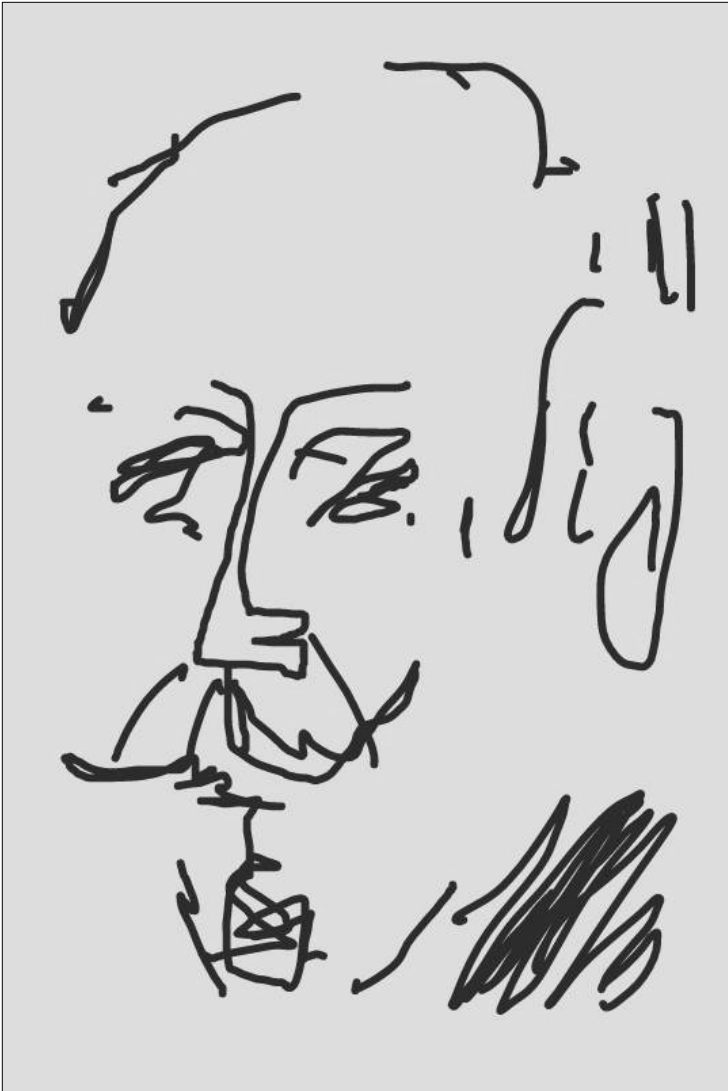
Как было ясно Федерико Гарсиа Лорке, дуэнде — это не вдохновение, это не Муза, даже не талант. Это то, что живет в крови. И, где-то не соглашаясь со своим другом Дали, он отрицал, что дуэнде — это Ангел, который движет рукой художника. Это страсть. Это полёт. Кто-то из персонажей его лекции сказал: у такого-то нет дуэнде, он хороший актер, но у него нет дуэнде. Это не совсем правильный подход. У него сейчас нет дуэнде или у него вообще его нет? Дуэнде — это запечатленный миг, оно может быть в одной единственной песне. За всю жизнь. Есть понятия, которые не подлежат определению. Что такое Вера? Вера — это Бог. Но Бог — это Бог. Можно сказать, что дуэнде — это дуэнде. Нет, дуэнде — это свобода. Свобода отношений между тобой и твоим Искусством, твоим Творчеством. И поэтому оно должно иметь форму. Кроме того, за дуэнде надо платить. Почти всегда — дорого.

Кисть Хокусая танцует фламенко,
Изображая простую лошадь.
Женщины стирают в реке. На горизонте Фудзи.

СВЕЧА ГОРЕЛА

Почему эти коротенькие, пяти- или трёхстрочные произведения поэзии, скорее всего, очень далёкие от оригинала в русском переводе, трогают душу? Скорее всего, потому что они созвучны самой природе ощущений. Они всегда кратки, как чувство нежности к падающему осеннему листку, восхищения — к лучу солнца сквозь облака, радости — при виде детей, играющих в песке. Да это весь мир! Мозаика мира. Немногим дано рассмотреть в отдельности каждый кусочек смальты. Да это и не нужно всем. Всем — достаточно видеть общую картину. Мир разнообразен. Стоит ли прозаическую часть хайбуна рассматривать как объяснение поэтического всплеска? Но если такая форма родилась, значит, автору она была нужна. Я думаю, что «Доктор Живаго» — тоже хайбун. Пастернаку понадобился целый роман, чтобы в конце прозвучало:

Свеча горела на столе,
Свеча
Горела.

ХАЙБУН КАК БРИКОЛАЖ

Было и, надеюсь, будет в природе такое явление — лит-арт салон «Бриколаж». Приходилось там бывать. Что такое «бриколаж»? Как оказалось, совсем не «бри» + «коллаж», а «термин, использующийся в различных дисциплинах, в том числе в изобразительном искусстве и в литературе, и означающий создание предмета или объекта из подручных материалов». В то время как коллаж — это техника создания... и проч., даже от слов разных происходит. Созвучие. Хорошо, подумал я, тогда хайбун — это совершенно бриколаж. Потому, что именно подручные вещи и служат главным материалом для хайбуна. Повод рождается из случая, серой реальности, мгновения бытия. Не грешит ли этот жанр преувеличением обыденного, частного? Так ведь все и состоит из частных, века — из мгновений, океаны — из капель. Частности и создают разнообразие.

Надо быть муравьём, чтобы
Знать всех обитателей муравейника
По именам. Иначе — очень похожеи.

ЭТЮДЫ УСТАЛОСТИ

И когда жизнь заставит принимать как счастье сто раз виденный кусочек улицы за балконной дверью, и только радости будет — наблюдать за сменой листвы на нескольких самых высоких деревьях, то зелёных, а то уже и пожелтевших, когда погода будет иметь только визуальную составляющую, и калоши станут не только антиквариатом, но ненужным предметом, несмотря на законный дождь, тогда вспомните, пожалуйста, эти пастели Яблонской, которые так мало значат сами по себе, но есть документы, свидетельства и справки о преходящести. Всего.

За окном на снегу
Чёрные ветки.
Кактус на окне пытается расцвести.

РУКА АНГЕЛА

Я стоял перед холстом. Мольберт стоял в саду. А яблони купались в медленном, почти неподвижном белом вихре. Цветы, ветви, зелёное, белое. Где-то позади — кирпичная стена. Белые покрашенные стволы деревьев. Сам не понимаю, что и как я писал. Кажется, не было ни одного сучка, ни одного листа, которые бы я писал индивидуально, стараясь отразить, запечатлеть. Меня очень удивило то, что получилась вполне достойная фовистская работа. Тёмный грунт сделал своё дело: получились такие вангоговские тёмные обводки, но генезис их был иным. Мелькавшие на заднем плане кирпичи оранжевого с розовым хорошо играли с зелёным. Что-то водило моей рукой. Не надо было думать, а просто отдаться на милость ангела.

Было холодно, когда я красил стволы дерев.
Сейчас это белое, стволов и цветов,
Мне досталось в награду.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Когда погиб один близкий человек, стал представлять просто, что он живёт теперь очень-очень далеко. Пространственное представление о невозможности встречи всегда оставляет надежду, ведь, в конце концов, любое пространство можно преодолеть. Но не время. Пространство всегда имеет конечность, время — увы. Времени в этой сказке вообще не было. Потому и была она сказкой.

Оказалось пространство
Добрее времени.
Сказка как путешествие.

Упала слеза.
Утешился простенькой
Сказкой.

НАТЮРМОРТ С ЯЙЦОМ

Сделал небольшую выставку на работе. Коллеги посмотрели. Это было перед Новым годом. Прошло дней десять. Уже после всех свят. Встречает одна дама с восьмого этажа.

— А этот натюрморт, где скрипка, яйцо, бутылка, что это означает?

— Ничего не означает, просто натюрморт, мёртвая натура. Интересное сочетание поверхностей, цвета.

— А яйцо было сырое или варёное?

— Вообще-то, это были склеенные скорлупки, чтобы не испортилось, долго писал. А что это меняет, если варёное?

Лифт открыл дверь, я вышел, так и не уяснив различий между сырым и варёным. То есть глубинного различия. Может быть, она имела в виду, что портрет живого яйца и мумии — это совсем разные вещи?

Каждый художник знает:

Форма и содержание —

Есть главный вопрос искусства.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДОЛГ

Солнце садилось за лес, над гладью большого пруда суе­тились мошки и птицы, мы сидели среди сосен и наблюдали летний вечер. Нам передавалась медленная леность движения суток по плавной траектории от тёплого к прохладному, от яркого к тёмному, от движения к покою.

Пред нами были этюдники с чистыми холстиками, и мы не могли никак начать работу. Хотя я знал, что как только начинаешь делать этюд, солнце стремительно катится, краски неба сгущаются, замедленный фильм заката превращается в мелькание скоростной съёмки.

— И не стала бы ничего писать, а сидела бы и смотрела, — сказала дочка, — если бы не художественный долг.

Голубой её этюд этого вечера хранится среди других. А я часто вспоминаю это объяснение необходимости выразить своё отношение к окружающему. И должен ли почувствовавший этот долг обязательно его исполнить? А что такое — исполнение долга? Казалось бы, просто: есть картина или нет картины. Нет, всё гораздо сложнее.

Открывший глаза, что-то видит,
Но день прошёл — ничто не задело.
Солнце садится.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ И РОМАН

Дневники — это впечатления, хайбуны, маленькие очерки — тоже, летучее что-то, недолговечное. Само по себе подмеченное явление может быть интересным и даже очень важным. Но только приходят новые, они, как геологические пласты, перекрывают прежние. И те, что ближе к поверхности современности, ещё кажутся почти живыми. Эта стратиграфия неизбежна. Но ископаемые впечатления уже как окаменелые кости динозавра — можно реконструировать, но оживить нельзя. Потому и пишется о большом событии роман, чтобы создать не только образ, но среду, атмосферу (литосферу, гидросферу), необходимую для тех, ушедших биоценозов. Надо теперь поместить туда героя и постараться сделать так, чтобы он там прижился.

Камни, камни.

Только песок и камни.

Пыль воспоминаний.

15.10.22

ЧАЙКА

Врезался в память рассказ один. Какая-то телевизионная передача про театр, актёров, искусство. Про актрису — она всегда хотела играть в чеховской «Чайке». Хотела-хотела, но не сложилось. Что-то другое играла. Постарела, оставила сцену. Но потом раздобыла какую-то старую кинокамеру, узкоплёночную, и стала играть, что хотела, и снимала сама себя в зеркале. То ли смешно, то ли вызывает жалость. Бог его знает, когда надо остановиться в поисках совершенства?

Хорошо чайкам, котам, собакам —
Весь онтогенез расписан. В голову не придёт
В старости прикидываться щенком.

02.10.22

КАК ВОЛОШИН ОБЪЯСНИЛ БАСЁ

Максимилиан Волошин, очевидно, для себя самого, написал такое не то размышление, не то поучение: «Написать прочувствованное, пережитое невозможно. Можно только создать то, что живёт в нас в виде намёка. Тогда это будет действительность. Пережитое — описанное — всегда только слабый пересказ, но не сама действительность». Это из «Истории моей души». Чтобы следовать этому поучению, про Басё и писать не надо. И так ясно.

Написал я так уже довольно давно, но потом подумал: все ли ясно? Действительно, Басё изображал своими иероглифами только намёк, только идею, но как знать, приводил ли этот неявный жест читателя на тот путь, который хотел указать ему автор? И так ли это важно — восстановить реальные события по одному намёку?

Получается, что реальность, с её разнообразием и конкретностью менее важна, чем летучее впечатление. Ни Будда, ни Христос, ни Магомет не сказали бы: делай так или так, а сказали бы: делай с любовью.

Пустота. Только старое дерево.
Дома, где жили мы, нет уже.
Весёлые картинки из детства.

ПРОСТО МУДРОСТЬ

Памяти М. Щиголя

С этим человеком я почти и не знаком. Встречались несколько раз за низеньким столиком в одной галерее, потом он привёз большую выставку и открывал её в большом музее. Потом в книжке одного своего друга увидел фотографии Миши ещё в молодости и узнал, что они давние друзья. Мудрость его была от решительности и чувства долга. Это важно — запечатлеть мудрую мысль, брошенную как бы невзначай.

Писать, писать, фиксировать. А вот он, а это был Миша Щиголь, сказал: «Ведь Христос ничего не написал...».

Ну и что получилось? И кто теперь знает, что он думал, даже факты, если они действительно были, исказили в этих записях те, кто писал. Надо было писать! Зря не писал. А древнее время ушло...

А может, ещё и не ушло?

* * *

Всё тот же мудрый Миша сказал, что ответственный художник должен ещё при жизни беспокоиться о судьбе своих картин... Что это? Забота о ближних, которые поставлены в сложное положение: продать, подарить, выбросить? Недоверие к ближним, ибо могут выбрать последнее? Или, может быть, это забота о пьедестале, вполне возможно, не совсем оправданная?

Нет, это просто ответственность, может быть — долг.

А мудрость и есть —
Сказанное между прочим.
Попробуй поймай.

ЕЩЁ ОДИН ПЛЕНЭР

Имею правило, традицию уже — в свой день рождения выбираться на пленэр. Пересматриваю иногда эти этюды: почти всегда была хорошая погода. Да ещё можно сравнить, что за осень была в том году или в другом. Вот, дубы по дороге на Круглик все жёлтые, потом никогда в эти дни октября такого не было, то ещё зелёные, то уже голые, всё облетело. Снега, правда, не было ни разу за последние десять лет. Может, раз-другой, в детстве. Один раз дождик немного шёл, пришлось собрать букет красных листьев да поехать на дачу, камин распалил, тоже хорошо было, хороший осенний букет получился. И сегодня пошёл — и набрёл на старый заброшенный сад. Большие яблони, в трещинах и морщинах. Каждая — как судьба человека. И яблоки ещё некоторые висят на тонких ветках. Но весь урожай на земле. Много. Да ещё плоды такие свежие, зимний сорт, с толстой кожей, с красным боком, лежать бы да и лежать им где-то в погребе, до весны. Но некому собрать, никому урожай богатый не нужен. Выбрал девять самых крупных и красивых. Вот и этюд закончил. Старая яблоня. Солнце то выходило, то пряталось, неопределённо как-то получилось — полусолнечный день. Собираться пора, палитру почистить, мольберт сложить. А что за звук? Знакомый, но давний, древний какой-то. Журавли летят! Два клина, прямо надо мной, высоко-высоко. Вот это подарок!

Старая яблоня.
Осень. Сад пуст.
Крик перелётных птиц.

Октябрь, 2022

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Октябрь. Утро. Раннее утро, когда свет ещё только рождается. Проснулся от шума и гама. Несметное количество грачей устраивают гвалт на деревьях, листья с которых уже давно облетели. Этот звук похож на тысячи ударов ореха об орех, что-то вроде «цок-цок», только на высоких регистрах и в сто раз громче. Смотрю в окно, сон ушёл. Под окном, как видно с высокого этажа, верхушки высоких деревьев все в этих черных плодах — грачи прилетели. Вот как всё в мире изменилось. То грачи были символом весны и возрождения, то выскочили на историческую сцену со своими неперелётными песнями в конце осени. Станным образом этот галдёж сливается с цветом, утренним, глубоким, ещё неясным. Деревья светятся по-особому, будто изнутри. И цвет попробуй угадай. Только индийская жёлтая, никакой однозначной охры или умбры! Скрытая желтизна осени, которая почти умерла. Есть такая семья красок, суть которых где-то глубоко запрятана. Белила на палитре — они и на холсте белила, или, там, бирюзовая, чуть светлее, чуть темнее на разбел, всё равно — она же. А индийская, или, там, индиго! Где-то в глубине скрыто такое напряжение! Индиго — это и тёмные тяжёлые тени в лесу, и прозрачные, но весомые тучи. Грачи эти, может, и в весёлую, яркую осень прилетали и галдели по утрам, не помню, не отложилось. Но, что-то сдвинулось окрест, пришла печальная осень, вполне подходящая для королей лиров, с этим их чувством заброшенности, брошенности, ненужности, недоумения — «Как они могли?!». Кажется, у грачей есть какой-то ответ.

Октябрь на исходе, часы уползли
Назад. Но птичий концерт —
По летнему времени.

30.10.22

СТАРЫЙ И СТРОГИЙ РЕДАКТОР

Е. М.

У меня есть друг. Не из тех друзей детства, а из тех, что согласно геометрии Лобачевского, то появляются вблизи, то исчезают. Бывает, надолго. Он намного моложе, к тому же — женщина. То я когда-то обучал его, то, как оказалось, мы жили в одном месте, но в катастрофически разное время. Будучи редактором одного довольно толстого журнала, а также и его автором, то есть писателем, мой друг имел и главного редактора, как некую управляющую силу. И материальную субстанцию, в образе носителя несколько асимметричной бороды. Все главные редакторы строгие. Поэтому им и доверяют такие должности. Критерии, которыми они руководствуются, становятся для одних ангелами-хранителями, а для других — строгими гонителями, прокурорами и отвергателями, мало кому известны и вообще туманны. Видимо, по большей части, как всегда и везде, основаны на простых человеческих симпатиях. Качество произведения, оно ведь вообще не подлежит никакой

оценке, тем более что существует ещё и время, которое выдаёт иногда такие оценочные пируэты... Но власть, которую им дала судьба (или может быть, их талант?) над писательскими судьбами, необъяснимо божественна. Через моего друга жизнь меня свела и с главным. Мы поспорили об этносах, и он что-то доказывал, ну прямо как из телевизора — о плохих империях и угнетённых ими хороших народах. Я исподтишка набросал его портретик: седая борода, как-то торчком в профиль и как-то неровно анфас, отсутствие лысины и глаза изпод низких бровей. Принципиальная позиция в споре имела результат — мы перешли на ты. И когда прощались, неким психо-оптическим эффектом образ его оказался настолько близко, что мог я подметить детали. Оказалось, что за бородой довольно молодое ещё лицо, глаза задорные, хотя и усталые. Я порадовался за своего друга: главный-то имеет перспективы стать мягче.

Писатели, паче — поэты
Так беззащитны.
И это — важная необходимость.

ТРЕТЬЕ ОТКРОВЕНИЕ (ОТ ВЛ. АФРИКАНЫЧА)

Оказывается, творение мира Богом продолжается, и все мы принимаем участие в этом. Сотворение Адама было делом не праздным, оказывается, нужен был соавтор. Это значит — Бог нас уважает? Или уважение ещё надо заслужить? Конечно, надо заслужить. Но как? Вроде бы Посланец его подробно пытался объяснить. Но, что такое — создание мира? И почему же мы так охвачены гордыней, мол, именно мы, люди соучаствуем в этом творении. А дерево? А пчела, а муравей? Конечно же, это вся биосфера. Божественность того, что, как сказал один философ, в божественном не нуждается.

Бригада строителей.

Коллектив.

Впереди (на коне) — архитектор.

30.11.22

ГАЛЕРЕЯ

Зашёл в галерею, которая потеряла уже такой статус и стала просто творческой мастерской моего старого друга, то есть без права демонстраций и продаж. Надо было отдать несколько своих работ для выставки в декабре. Друг мой уже ушёл, был вечер. Меня встретила новая со-хозяйка помещения. Отдал работы в чёрном большом пакете. Но увидел на полке одну свою старую картину и потянулся к ней. Хозяйка меня одёрнула. У них тут готовилась какая-то вечеринка. И люди не те, и формат вечеринки не тот (теперь это — party), и картинки на стенах уже другие, не те, к которым привык. Что грустить об ушедшем? Надо просто не сильно показывать окружающим, что это был и твой, хотя и ушедший мир. Или — присоединяться к новому. Зашёл в старое пространство, где уже новое время, а я — всё со старым расстаться не могу.

Вещи, стены, почти все остаётся.
Мир ушедшего времени.
Старая арт-галерея. Не ждут.

МИСТИК

Бывают загадки простые, а бывают мистические. То есть те, за которыми, кажется, есть некий особый, а может, и угрожающий смысл. Вдруг получаю от такого поэта малых форм Саши С. несколько книжек. Он пишет хайку и маленькие рассказы. И издаёт их в маленьких книжечках, маленьким тиражом. Эти книжечки были похожи на предыдущие. Весёленькие обложки. На титульном листе книжки была дарственная надпись и дата — май 23. Станным, нет, загадочным было то, что на клапане обложки, внутри, под портретиком автора были даты жизни: 1957–2023. Неужели умер? Тогда кто же мне её прислал? И что значит дарственная подпись? Откуда? Оттуда? Написал знакомым, они спросили у своих друзей. Нашёлся даже человек, который книжечку верстал. И сказал, что просто автор так попросил сделать. Сам себе отмерил. Может, решил дожидаться лета, когда будет тёплая вода, да утопиться в Днепре? Но какой-то ответ нашёлся. В маленьком рассказе — наблюдении из книжечки: «В какой-то момент он понял, что жизнь подходит к концу. Мир таял со стремительной скоростью...». Приём, конечно, интересный. Если растает, значит был пророком, если нет — можно в следующем году написать 2024. Это совершенно ни к чему не обязывает. Но получить книжку, якобы Оттуда, это интересно!

Друг мой, друг, я очень
И очень болен. Мир,
действительно тает.

2.07.23

МОРСКИЕ КАМЕШКИ

Перебирая библиотеку дачных полок, наткнулся на небольшую книжечку, оказалась, для детей, ещё и под названием «Сияет солнце над Невой» (стихи ленинградских писателей). Подумалось: Бродского, конечно же, нет. Действительно — не оказалось. Восемьдесят пятый год, понятное дело, среди Поэтов здесь ещё не числился. Большими таким буквами напечатаны стихи, в Минске почему-то, а не в Питере, издана. Наугад пробежался, ага, есть материал для философствования местечкового. Вернее — дачного. *«День за днём волна морская этот камешек ласкает. Помнит камешек, когда-то был он грубый, угловатый».* А теперь — *«Тронешь камешек рукой, нежный, шёлковый такой. Пахнет морем, пахнет сказкой... Вот, что можно сделать лаской!»* Хорошая поучительность, только далека о правды. Чтоб он стал кругленьким, похожим на другие, шёлковым, такие штормы требовались! Такой абразив! Вот и Бродский сбежал от этого ласкового моря-берега. Решил остаться угловатым, не захотел стать шелковатым. Зато причислили к Поэтам. Или — ЗА ТО? Как-то видел, арабы скинули на средиземноморский пляж самосвал мелкобитого стекла, за зиму будет после штормов целый пляж стеклянных шёлковых шариков.

Чтоб оживить полено,
Папа Карло долго кромсал его
То ножом, то стамеской.

30.05.23

БУЛОЧКА

Пригласил нас Петрович на выставку. К себе, в мастерскую. Оказалось, что это выставка одной картины. Картина стоит на столе в углу, мы сидим и слушаем байки под водку. У него в мастерской байки в основном про жизнь художников, в старину, лет пятьдесят назад. Молодым бы послушать, а то мы и сами кое-что помним. Вот Петрович представляет картину, а мы вроде как худсовет. У худсовета сложная задача: надо что-то говорить о том, о чём говорить вроде и не надо, потому что и так всё видно. А видно вот что: четыре тётки сидят на какой-то остановке автобуса в далёком 1973 году, выставили на продажу для проезжающих по трассе всякие незатейливые продукты. Можно сказать — социально-геронтологический портрет с натюрмортом. Почему такая древняя история? Потому что попался ему на глаза старый набросок, сделанный где-то в творческой командировке, с датой, правда, без места. Впрочем, остановки и тётки везде были очень похожие. Один член худсовета, подставляя стаканчик под струйку из бутылки, заметил: «А что это за формализм? Вот та бутылка»

с белой жидкостью, вероятно, с молоком, она почему висит в воздухе?». Худсовет присмотрелся, действительно — висит. Можно сказать, парит. Действительно — формализмом попахивает. У одного там люди парят, хотя далеко и не ангелы, а тут бутылка. Чувствую, как Петрович, по старой памяти, занервничал и несколько напрягся. И, чтобы отвлечь внимание, стал рассказывать, какой странный случай с ним приключился. Главное — в каком смысле — странный? Шёл он по улице, не спеша, в сумке что-то приятное из гастронома нёс. Вдруг навстречу девица, отметил, что могла бы быть хорошей моделью. Поравнялась и деньги ему протягивает, рука машинально деньги взяла, но мозг удивился.

— Это что, и зачем?

— Возьмите, может, булочку себе купите...

Худсовет загалдел и решил, что все мы — ветераны!

Старый портрет, на старой бумаге.

Старуха смотрит внимательно и терпеливо.

Давно, уж, наверное, померла.

15.03.23

ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ

Существует научный принцип, называется принцип Реди, был такой учёный лет триста назад. Доказал очевидное: всё живое — от живого. Частные проявления: не может гора родить мышь и нельзя ожидать от мухи слона. Это — некоторые ограничения принципа. Но, в самом общем виде, закрыл он навечно всякую алхимию, мол, из морской грязи не может возникнуть какой-нибудь червяк. Нельзя ему возникать! Живое от живого, хорошо, понятно, само себя тиражирует. Да ещё и как! А мёртвое? Вот, например, звёзды, солнца далёкие, светила? Одни рождаются, другие взрываются, умирают, угасают. А издалека, с расстояния пары световых лет — очень похожи, как, например, стая саранчи, или, там, стая рыб — много и одинаковые на вид. Но от звезды не рождается звезда. Оказалось, что воспроизведение звёзд, или облаков, или рек — ещё большая загадка, чем самовоспроизведение кошек, инфузорий или людей. Многие маститые учёные считали, да и считают, хотя подтверждений нет, что жизнь носится в космосе в виде каких-то микромумий на лучах солнечного ветра. Туда-сюда. Прилетит на приличную планету — и семена прорастут. Жизнь, мол, вечна. Ей возникать не надо. Но звёзды же возникают! Совсем не надо переносить куда-то в туманность Андромеды, засушенную звезду или планету, чтобы там возникла новая галактика. Так и жизни, ей не надо летать по космосу (может, только сильно разумным), она воспроизводится везде, где есть на то условия, ну, и немного везения.

Всё небо в облаках,
Таких похожих друг на друга.
Где ж помещается их инкубатор?

Июль, 2023

ИСТИНА

Если бы Понтий Пилат имел возможность задать свой вопрос не тому проповеднику, который был так измучен и которому было явно не до философских дискуссий, а монашествующему философу Дунс Скотту (если бы Пилат прожил ещё 1200 лет), то философ ответил бы ему:

— Истина состоит в соответствии представления представляемому.

В таком случае, главным вопросом становится не вопрос об истине или истинном, а о том, как и откуда берутся эти представления. Но есть и ещё более важный вопрос: насколько свободен человек в своих представлениях? Тогда — истина состоит в свободе?

Нет! Истина — в вине.
Пришлось Пилату сказать:
Виновен.

10.12.23

**Город как книга.
Тысячи букв, каждая, как муравей.
Главное — подчиняться порядку!**

РАЙ

Какую религию ни возьми, везде есть свой Рай. Своё место отдохновения души, упокоения. Где-то далеко, на небе, скорее всего. Думаю, что для первых изобретателей рая космос, там, где звёзды, был слишком хаотичен, а небо — уже некие предпосылки к порядку, впрочем, небо — это ближний космос. Рай — вещь весьма упорядоченная, организованная. В противном случае, того Древа и Змия вообще бы никто не заметил, как, впрочем, и Адама. Кроме того, условности, условности... Масса особых условий. Например, обязательное условие смерти. Это как у Маленького Принца: тело слишком тяжёлое, чтобы таскать его за собой по всяким Раям. Потом — эти положительные характеристики. Из ушедшей жизни! Ведь надо принимать во внимание, что все оценки очень относительны. Как измерить баланс, как установить, что преобладает именно положительное, знать бы вообще, что это такое — абсолютно положительное. Как соотносить мгновения, секунды счастья с ужасной тяжестью груза от совершённой маленькой подлости. Не говоря о большой. Кроме того, организация требует управления. Главный, надо понимать, уже не справляется со всеми этими адамовыми потомкам и их штучками. В каждой мечети, синагоге, церкви, костёле пребывает Его менеджер, который пытается регулировать, направлять, отсеивать. Парадокс из разряда абсолютных: те двое были наказаны изгнанием из Рая за дегустацию плода от древа добра и зла, а вся конструкция процедуры получения обратного билета как раз и строится на определении баланса. Между теми же добром и злом.

В хижине одинокой, в тумане
Странник пытается спать.
Да мешают тёмные воспоминанья.

19.01.22

ДОПОЛНЕНИЕ СЮЖЕТА

Маленький Принц, как известно, путешествовал, почти что как Чичиков, облетал планеты, только безо всякой корысти. На одной он встретил жадину, обычного капиталиста. Тот подсчитывал свои нелепые богатства и вёл статистический учёт светил. Не более эфемерное богатство, чем банковские деньги. Вообще, эту планету можно было и пропустить, ибо, попав на Землю, Маленький Принц нашёл бы здесь гораздо больше ярких примеров. Например, такой. Надо было мне зайти на вебсайт банка, что-то посмотреть там по своему счету. Попалась такая деталь. Есть у меня там небольшая копилка, куда сбрасываются мелкие остатки денег при покупках карточкой. Начисляются какие-то проценты. И как хитро придумали играть на слабостях алчущих натур. В маленьком окошечке стремительно мелькали цифры. Это мои цифроденьги, моё дополнительное, из ничего взятое богатство! Процесс обогащения буквально ошеломлял своей наглядностью. Я заворожено наблюдал за процессом собственного обогащения, пока не опомнился и не посчитал, что за несколько последних минут стал богаче на 0,00001 копейки. Но, подумал я алчно (на что и рассчитано!), а если бы у меня был миллион! То могла бы выйти целая гривна! Жалко, что нет миллиона. Впрочем, есть. Где-то в коллекции свидетельств времени лежит в папке купюра в миллион украинских купонов. Плод могучей инфляции девяностых. Неплохо было бы и сейчас повесить где-то на площади такой, уже обратный счётчик: бегут циферки, сколько каждую минуту съедает инфляция.

Коварна арифметика —
Равно безучастно считает
Монеты и звёзды.

ХАОС

Один бывший киевлянин, что, впрочем, к нашему предмету отношения не имеет, поделился научной мыслью. Есть такое свойство систем — эмерджентность. Это значит, что у системы свои законы существования, а у её частей, составляющих — свои. Это ещё и экологический закон. Например, для популяции мышей важнее всего — размножение и выживание, а для всей экосистемы — чтобы популяция птицы пустельги исправно поедала мышей, да и своих птенцов исправно отдавала на съеденье каким-нибудь хищникам. Ну, ещё чтобы бизоны траву поедали, хотя траве совсем этого и не хочется. Как ни странно, этими противоречиями частностей целое и существует. Но он привёл мне более интересный пример, есть ещё эмерджентность движения, или — развития, жизни во времени. Вот движется стая рыб, каждая, в принципе, свободна, плывёт куда хочет. Но стая как целое мигрирует по своим стайным делам, может быть, в тёплую литораль, на нерест. И с точки зрения стаи, как целого, движения отдельных рыб хаотичны, беспорядочны, бестолковы.

Но и успешная активность всей системы налицо — нерест начался. Правда, налетают всякие хищные птицы, дельфины разные, но и тут стая, хотя и состоит из отдельных обезумевших от страха рыбок, совершает такие движения, что хищнику ухватить добычу нелегко. Что же оказывается, некоторая доля хаоса просто необходима? Хаос как необходимый элемент порядка! Не один диктатор думал (некоторые даже радели о благе народа!), что надо всех только построить, повернуть головами к единой цели — и цели этой, как священного Целого, быстро достигнем. Промахнулись. Слишком затратно энергетически это установление порядка там, где хаос почти что необходим.

Товарищ К. Маркс, спасибо,
Что воспели хаос капитализма.
Жалко, что Коба
Ни хрена Вас
Не понял.

12.08.23

НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Сонце сідае.
Не забути попрощатися.
На всякий випадок.

О. Спренцис

Ситуация дома на сегодняшний день: есть электричество, вода двух сортов, батареи тёплые, даже лифт время от времени работает. Ну и что? Это же нормально, нормальная жизнь. Да, нормальная мирная жизнь, а сейчас военное положение, хотя и не военное расположение. И веерно-аварийные отключения. От нормальностей жизни неуютно, потому что постоянно ждёшь перехода к реальному (нормально-военному) состоянию, когда нет света и тепла. И что такое норма и патология в социуме? Интересно, что в любой экосистеме можно вполне определённо сформулировать, что есть норма отношений. А в социуме, оказывается, нельзя.

Мелочи жизни
Так очевидны. Даже
Нельзя сформулировать.

6.11.22

НЕРАЗРЕШИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Все ругают империи. Все ругают разных правителей, большинство из которых любят понятие вечности, мучаясь в неразрешимом противоречии конечности бытия и необходимости вечного почитания и вечной власти. То обратят они свой взор на пирамиды, то на обелиски, то на Великие стены, то на прирезание земель, то на стеклянные мосты, то на подземные базары. Увековечивание — одна из основных функций власти. Сакральность и вечность! Но дело это недешёвое и потогонное. И здесь второе и главное противоречие. Читаю во вступлении к биографической книжке о Владимире Набокове: идёт авторка (из мест европейских сама) по Питеру и видит и «чувствует», что весь этот («в общем-то, прекрасный»!..) город построен на костях простого люда Российской империи. Второе наблюдение: идём с другом по широкой улице Мадрида: «Боже, это же сколько надо было наgrabить, чтобы построить такой город!». Опять же, насколько отвратительным

человеком был Ирод, но обеспечил народу тридцать лет мирной жизни, настроил городов и храмов, и крепостей — как никто больше на Земле Обетованной, хотя и повелел поубивать младенцев: ради уничтожения одного, но с большим избытком (не то легенда, не то слух, исторических доказательств нет). Или первый император Цинь, мало того, что создал, собственно, Китай, так ещё и огородил его стеной в одну тысячу километров, да целую армию вечных глиняных солдат с собой в загробье прихватил! Но вот беда — когда все равны и все счастливы, ничего от этого счастья на память не остаётся, а когда деньги и власть концентрируются, получают пирамиды. Может, пять-шесть тыщ лет назад они тоже выглядели нелепо и слишком затратно, но теперь в голой пустыне хоть есть на что посмотреть.

Если пролетарии всех стран
Наконец соединились бы, то
Где найти место непреходящему?

НОЖ ФАРАОНА

В одной усыпальнице археологии нашли необычный предмет, как для времён бронзового века. Железный нож. Такой предмет мог иметь только фараон. Это и был фараон, правда, уже в состоянии мумии, намного ближе к вечности. Где-то на саркофаге, говорили археологи, было и написано египетскими рисуночками, что фараон весьма горд был этим оружием. И было чём гордиться, ибо, легенда гласила, что нож был сделан из небесного металла — прямое свидетельство божественности фараона. Действительно, анализ показал, что металл имел редкость много примесей никеля к железу, просто это был металл небесный, космический, точнее — метеорит. Как это было и кто его нашёл, какой египетский геолог, как его ковали, этот редкий металл, уж никто не узнает. Этот космический нож перекинул мостик. Пришлось как-то Экзюпери посадить срочно самолёт в Сахаре на одном плато, осмотрелся он: плато было необычное, со всех сторон его были обрывы, оно было как огромный стол в пустыне. Поэтому ничто не могло, во всяком случае, в ближайшие миллион лет, попасть сюда извне, кроме как с неба. Вот и смотрел он на эти камешки. Камешки оказались тяжёлые, камешки были метеоритами. Те, что падали в пустыне, заносило песком, а здесь, наоборот, они обдувались сахарскими ветрами и могли годы и годы свободно и радостно смотреть на родной свой космос. Если помните, на одном портрете Маленький Принц изображён художником-сказочником, со шпагой, она, наверное, была из очень никелевого железа. Это и понятно, у этих фараонов, принцев происхождение божественное.

Бог его знает, кто
Большие мифотворцы — учёные или жрецы?
Жизнь путешествует по вселенной.

САМОЗАРОЖДЕНИЕ

Вокруг всегда можно найти некоторые занятные детали. На кухне жена упорно борется с мушками-дрозофилами, отлавливает их пылесосом на стенах, тычет трубой в потолок, пылесос гудит. Прямо арена боевых действий. Расследование показало, что причиной их появления и возрастающего обилия стала сгнившая морковка, в ящике для овощей. Думаю, это замечательная задача о самозарождении жизни. Все лето было жарко, овощи лежали в холодильнике. Не было и мушек. Но стоило положить на балконе какой-то несвежий кусочек бана-на, они уже тут как тут. Гипотезы здесь две. Первая проста: они, как было известно ещё в XIV веке, самозарождаются в гниющих овощах. Либо, во втором случае, надо признать, что мы живём в постоянном, хотя и простому глазу невидимом потоке живых существ. Вследствие этого родительские пары вездесущи, как воздух атмосферы, им всегда только не хватает субстрата для организации нового очага жизни. Может ли быть такое бытовое наблюдение поводом для хайбуна? Обе гипотезы, по-моему, весьма поэтичны. Возникновение жизни, живого из неживого. Или — поток жизни, который охватывает, может быть, всю вселенную. Может, и охватывает. Но все равно, он же должен иметь свой исток.

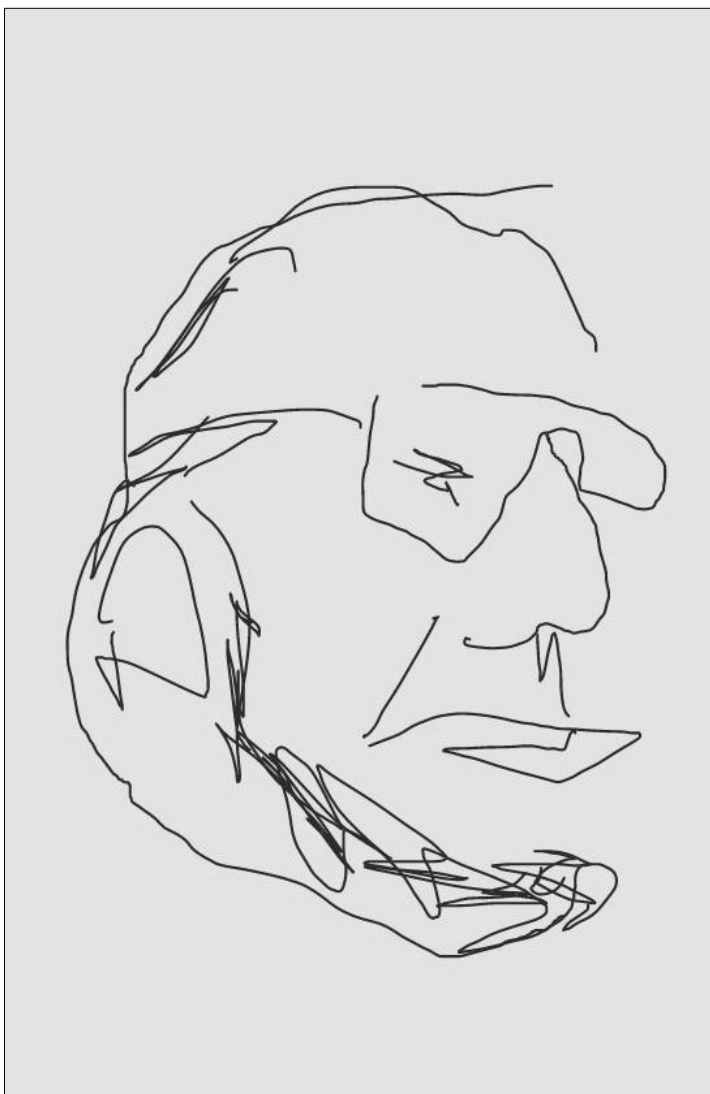
Размышляя о хранении овощей.
Легко прийти к задаче об устройстве
Вселенной. Старый профессор.

ЗНАКИ

Есть целая наука о знаках — семиотика. Знаки, знаки, везде эти знаки. И значки. Так ли они просты, хотя призваны упростить, запаковать информацию? Полетели на Луну, поставили флаг — знак, собачка ногу подняла под деревом — знак. Один бит информации — красный-зелёный, светофор подал всего один знак, а потоки транспорта туда-сюда. Машин с флажками и государственными гербами много вокруг, вроде бы, привычные знаки, но обратил внимание. Государства знак, но почему-то в каком-нибудь семидесятом в голову не приходило вывешивать гербы и флаги на своём доме, в огороде, на машине. В этом и так преуспевало государство. Это его знаки. А теперь? Там герб на футболке, там забор в цветах флага, там герб в виде чего-то или что-то в виде герба. Люди стали ближе к государству, или государство — это я? А суть государства не изменилась. Она вообще никогда не меняется.

Осенью бывает Парад планет.
Идёт и Земля. С пёстрым флагом
И транспарантом «За Мир!»

02.10.22

ПАУКИ И ГОРМОНЫ

Бездна каких-то химических веществ вокруг. Вот кирпич, из которого построен дом. Он имеет такие-то свойства, благодаря своим веществам, которые позволяют ему пережить тысячи лет и, если повезёт, даже остаться в стене дома, на радость археологам. Но кирпич, со своими силикатами, ничем и никем не управляет. Лежит себе, да и помалкивает. Но есть и другие вещества. Как наработает какая-то железа некоторое количество тестостерона! И как понесётся слон по саванне, круша деревья, в поисках слонихи. Ура! Нашёл! Гормон устремился к нулю, и смотрит слон на просеку в саванне, чешет хоботом лысину — нафига я это всё поломал? И так всегда. Одни вещества командуют: поешь, другие: попей, третьи: поспи, четвёртые: с кем. Хорошо, что у человека есть разум, он как-то корректирует весь этот процесс, правда, далеко не всегда успешно. А вот у пауков слабовато с мозгами: после некоего подвоя полового акта у паучихи настолько низкий гормональный статус, столько ненависти вдруг вспыхивает, что она паука этого несчастного просто съедает.

Зоология, ботаника, минералы...
Всё из чего-то
Да состоит.

15.12.22

АЛФАВИТ

На странице путевого блокнота рядом с этими записками силуэт Алькасара. Родилось по дороге из Мадрида в Толедо. Но нет тут никакой географии. Ни Мадрид, ни Толедо здесь ни при чем. Пришло в голову, наверное, потому, что я листал словарь, а там алфавит.

Представился алфавит как город (ага, вот и Мадрид, и ещё неизвестное мне Толедо).

АБВГДЕ — въезд в город через ворота, похожие на Триумфальную арку, красивые парадные улицы. Правда, здесь ещё какое-то Ё, не то выкрутас некий архитектурный, не то просто недоразумение. Что-то вроде Каса Мила, шедевр модерна. Правда, одинокий. Хорошие дома, особняки. Зелень парков и газонов. ЖЗИКЛ — кварталы попроще, спуски, подъёмы, деревьев поменьше. МНОПРСТ — рабочие кварталы, фабрички, магазинчики, пьяненькие по вечерам. УФХЦЧШЩ — развалюхи, и адреса точного нет, не каждый помнит, что раньше — Ц или Ч, а Щ — вообще какой-то чуждый элемент, во всех языках этот звук из других делают, более основательных. ЪЫЬ — это уж точно какие-то трущобы!

ЭЮ — небольшой райончик на окраине, около выездных ворот — Я. Через них можно выйти из города в поля, в природу, но войти можно только через ворота А. Надо сказать, что во многом, сказочка родилась от неуверенного знания всего алфавита (как русского, так и испанского), но все-таки, никто не будет спорить, что все буквы со своими характерами.

Город как книга.

Тысячи букв, каждая, как муравей.

Главное — подчиняться порядку!

ЖИЗНЕННЫЙ СЛЕД

Почему-то вспомнилось детство, в котором была любимая книга, называлась «Книга вожатого». Когда-то давно были такие дети-пионеры, а у них были вожатые, старшие ребята или уже осмысленные тётки-педагоги. Книга была привлекательна тем, что освещала, по сути, все стороны детской жизни — от любимых книг (они там были нарисованы на полях рядами — это отдельный рассказ) до советов, как построить шалаш и разжечь костёр из сырых дров. Но самое главное — между строк (а может, и в строках, не запомнилось) сквозило: ты должен прожить так, чтобы оставить след в жизни! (Работай, учись и живи для народа, Советской страны, пионер!) То время преуспело с внушением как истин, так и иллюзий. Впрочем, что же тут иллюзорного? Всякая жизнь не проходит бесследно для биосферы, она, биосфера, вообще существует этими следами. Но где взять чувство меры?

Художник отправил в вечность
Две вещи:
Картину и впечатленье.

ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ

Мы все проживаем равную жизнь. Слоны и мыши рождаются, плодятся, стареют и умирают. Но слон живёт медленно, а мышь быстро. Даже младенец, проживший всего несколько часов (им тоже иногда не везёт), равен столетнему старцу. Он умер, значит, он познал суть жизни! Они оба умерли и теперь равны. Но мы хотим жить долго, значит, хотим жить медленно. Если бы кто-то умудрился прожить тысячу лет, жизнь его была бы так тягуча, что с точки зрения обычных короткожилых окружающих была бы похожа на смерть. Жизнь камня так неинтересна с точки зрения амёбы.

Время. Время опять
Заставляет вспомнить о
Бурном потоке и тихой заводи.

ЗЕМЛЯКИ

На каких-то тропках жизни встретил земляка. «А! Земляк!» Хорошо иметь земляка. Можно поговорить о той стране, которая уже давно не наша, оккупирована. Не то чтобы не та, но принадлежит уже другим мальчикам. Которые будут её вспоминать и рассказывать внукам, как она была хороша. Бог знает, что мы приобрели и что потеряли. Что ещё обретём. Как там сказал Джон Донн? Человек не остров. Земляк — это как веточка знакомого дерева, принесённая волнами океана к твоему берегу. Почему же не остров? Ещё как — остров!

В море ушёл моряк.
Думал, к зиме вернётся.
Оказалось — на целую жизнь.

ВАЛЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

Отдых. пляжный туризм. Море. Отель. Народ разный, в лифте молчишь, не знаешь, на каком языке пожелать доброго дня. Южная природа. Пальмы, бугенвиллии в розовых цветах. В целом — неплохо. Даже хорошо. Но моя соседка по столику Валя всем недовольна! И морепродуктов мало, и пляж на ночь с вечера закрывают, а ей как раз с восходом солнца до зарезу искупаться. Нет свободы! Нет достойного питания! И что-то по ночам страшно гудит! (Она в номере одна). Все это известно не только мне, но и администрации отеля. Она требует своего, оплаченного. Надо сказать, кое-чего добилась. Неприятный тип? Сутяга! Но навело на мысль. Основная масса если чем-то и недовольна, то тихонько приспособилась к окружающей среде, не желая омрачать себе отпуск, и эта среда так и остаётся такой, какой есть. А вот эти вали упорно стараются изменить среду под себя. И часто недовольство приводит к прогрессу! Кого-то же не устраивал низкий уровень метаболизма в анаэробных условиях архейского океана, и что? — появился фотосинтез! Кислорода уже полтора миллиарда лет — завались!

Из чего рождается светлое будущее?

Из ненависти некоторых

К настоящему. Допустим — к деталям...

ПУТЕШЕСТВИЕ МОНТЕНЯ

Мишель Монтень с друзьями путешествовал по Европе. Время шло к концу XVI века. Остались записки, которые сначала потерялись, а потом нашлись. Первую часть их записывал некий его слуга, а может секретарь. Он, то записывая впечатления хозяина, то от себя, всё время сравнивал немецкие или швейцарские города и городки со своими родными — французскими. И, надо сказать, отзывался о них весьма благосклонно, без особой критики. Европа у него выглядела вполне европейски: гостиницы, харчевни, перемена блюд, чистые постели, всякие технические изобретения для комфортной жизни. Тут тебе и наблюдения за одеждой и танцами, тут тебе и о нравах. Две истории, были записаны рядом. В местечке Монте-ан-Дер состоялось повешение, что, в общем-то, по тем временам дело было не из ряда вон. Но преступление было необычно. Несколько девиц (сразу несколько!) задумали переодеться мужчинами и так продолжать свою жизнь в мире. Одна из них, Мари (другие где-то затерялись), стала вполне успешным ремесленником, ткачом. И вот, в этом местечке влюбился он/она в некую женщину, и они поженились, прожив потом счастливо четыре-пять месяцев. Но нашёлся кто-то, кто узнал девицу и суд приговорил её к повешению. На что она ответила: «Лучше раз отмучиться, чем вернуться к девичьему состоянию!».

Прошло четыреста лет, нравы изменились, и просвещённый европеец скажет: «Какая средневековая дикость!» В некоторое оправдание и свидетельство снисходительной тогдашней терпимости вторая история. Опять же, некая Мари, имела, видимо какой-то гормональный сдвиг, было на подбородке немного волос, была у неё кличка Бородатая Мари. Но в один прекрасный день, она, сделав усилие, прыгнула, и, как пишет повествователь, у неё вдруг от этого открылись мужские орудия. И кардинал (!) Де Ленонкур, епископ Шалона, перекрестил его, дав имя Жермен. Но жениться Жермену не посчастливилось, хотя борода стала густой. Местные девушки сочинили песенку, предостерегающую делать слишком широкие шаги, тем паче — прыгать. Только и всего. Но оправдать или смягчить средневековые нравы мне, пожалуй, не удаётся: дальше была запись такая. Некие португальцы устроили однополые бракосочетания, в церкви, полагая, что одни и те же молитвы благословят разные варианты браков. Идея не получила поддержки: опять же — повесили. Не было чётких, видимо, установок из какого-то управляющего тогдашним миром центра.

Природа и Бог, творцы Биосферы — правы.
Но чуть патологии — не помешает:
Священное разнообразие.

ОБЕЛИСК

Удивительна эта перемена. Казалось, ещё вчера лес улыбался всеми своими листьями: жёлтыми (от лимонного до почти оранжевого), красными, розовыми — и фон ещё где-то был зелен. Даже в пасмурный день земля, усыпанная листвой, под пологом леса, правда, уже с прорехами, но таким же сияющим, создавала чувство праздника. Небольшой мороз и чахлый снег сделали своё дело — подстерегли забывшую об осторожности осень и сотворили в природе некое интерсостояние — ещё не зима, но уже... уже можно только вспоминать о празднике. Купы бурой травы ещё имели форму, как и деревья цвета умбры, лишь с редкими, случайными вкраплениями жёлтого, но это была уже графика. Осталось добавить белого фона. Пока тропинки были ещё как-то свеже жёлты, хотя и отдавали тёмной охрой, можно было идти, ещё шурша листьями, втапывая их в осеннюю грязь. Не только цвета, но и запахи пропали. Запахи грибного таинства поглощения всей этой массы листьев, старых веток и упавших деревьев. Тропинка вела по неширокой просеке и упиралась в бетонную стену или высокий забор. Лесок-то

был мал, зажат между домами, заборами, тем был и печален. В конце тропинки высился огромный дуб с серым, чуть розоватым стволом-колонной и толстыми сучьями. А под ним была одинокая могилка. С металлическим обелиском, увенчанным красной пятиконечной жестяной звездой. Неизвестный солдат. На могиле в низкой оградке были пластиковые цветы ядовитокрасного ненатурального цвета, и вокруг из-под жёлтой листвы выползал вечнозелёный барвинок. Что за лес был здесь в 41 году? Кто копал и кто засыпал? Уже неважно. Дубу этому лет многим за сто, значит, когда копали, выбирали ориентир. Думали, верили — вернутся! Много старых засохших уже дубов в этом урочище, а этот стоит. Охраняет.

Ещё вчера — листопад.
Сейчас — голые ветки
Мёртво торчат в небо.

27.11.20

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

Одна из немногих церквей (немногость выглядела странно на фоне церквостроительного бума в последние годы, в период провалившегося и преданного анафеме атеизма). Неоклассицизм на фундаменте 800-летней давности, кое-где из стен плинфа торчит. Чтобы не пустовало здание, было в нём и хранилище соли, и музей прикладного искусства. От старых росписей ничего не осталось. Новые станут интересны лет через сто.

Но одна заставила остановиться, сначала не понял, почему. Тайная вечеря. В узком простенке. Не было простора, поэтому художник поместил всех 12+1 (вернее, 1+12) по кругу, за круглый стол. Вопреки традиции и её философии. Какой пример ни возьми — хоть Леонардо да Винчи, хоть Дали. Вот Христос в середине стола, от него, по какому-то ранжиру — апостолы. Иуда с краю притулился. Противопоставлен. А тут — по кругу!

— Кто главный? Где Иуда, нехороший человек?

Круговая порука. Как-то общему настрою христианства противоречит.

— Художнику просто места не хватило.

Нарушен устав заседания.

Стол кругл. Где председатель?

Впрочем, так устроена и Галактика.

МАНИПУЛЯЦИИ СО ВРЕМЕНЕМ

Зимнее время, летнее время. Власть имущие, те, кто устанавливают законы, они думают, что могут легко и просто повелевать временем, заставляя миллионы людей переводить стрелки часов то туда, то сюда. Солнцу, конечно, никакого дела до этого нет, как и моим биологическим часам. Что бы там не показывали стрелки часов, солнце клонится к закату, и я последними словами поминаю тех, кто заставляет меня думать, что ещё 3 часа, хотя я вижу, что уже 4, а может, и 5. Весь организм противится этим манипуляциям, но и пытается добыть, как всегда, немного пользы. Из пятнадцати хронометров, присутствующих в доме, включая те, которые всегда стоят (два экземпляра), трёх в телефонах, четырёх в компьютерах, я перевожу только три, чтобы не выпасть из социальной среды, и не стать тайм-изгоем. Кроме того, компьютерные переводятся автоматически, вследствие их рабской природы относительно всемирного конспирологического кошмара. Остальные зимой живут по летнему времени. Когда у меня в комнате, как и в природе, дело идёт к полудню, а я ещё так мало сделал из намеченного, я вспоминаю, что на кухне ещё только 11 часов, собственно, ещё утро. Эта находка целого часа вселяет некий оптимизм. Хотя я и скорблю об изнасилованном времени.

Белые ночи,
Как извинение года
За куцый зимний денёк.

МИР РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Что-то с Миром происходит. Когда-то, ещё в студенческие времена, на лекциях по философии в порядке критики буржуазных философских течений сообщили нам, что на Западе широко распространено учение о так называемом «обществе массового потребления». Понять это в нашем собственном обществе не массового потребления, или массового непотребления, или массового потребления избранными, было довольно сложно. Потом осколки этого заморского счастья пришлось повидать, что было ещё до того, как оно, также осколками, пришло и к нам. И вот что заметил: кроме массового потребления чего-то осязаемого, в виде товаров, предметов, добавлялось в список потребляемого ещё и веселье.

— Мы поехали туда-то, в этом городе было так весело!

Хорошо, что весело. Это же естественно — стремиться туда, где весело. И чтобы не было другого времени, кроме весёлого. Я вспомнил, что когда-то на картах возле городов были

такие кружочки (называлось — экономическая карта), каждый сектор кружочка что-то означал. Например, машиностроение или лёгкая промышленность, тряпки шьют, или % горнорудной. На уроке географии надо было знать, что где делают, где и что добывают. Но потом интерес к этой области знаний как-то угас. Теперь в кружочках — сколько развлекательных центров, сколько ресторанов, баров. Куда-то ушло это производство, а с ним и человек Работающий. Пришёл человек Весёлый. Был труд чем-то главным, и даже славным, теперь стал вынужденным, чтобы только обеспечить веселье. Вынужден работать, чтобы получить бонусы на настоящую жизнь, ту, где весело. И некая поэзия труда стала смешной. Смешная жизнь.

Радостные стружки из-под рубанка.
Жалко, что внук никогда
Не увидит

КОГДА ВСЕ РАВНЫ

Мне один человек, бывалый, годами не вылезавший из геологических экспедиций, как-то рассказывал о своих полевых впечатлениях.

— Много интересного повидал. Но самое интересное, как оказалось, люди. И пейзажи как-то слились в один, может, помню только одно утро, когда туман над рекой, большой рекой, не то Амур, не то Енисей, да один вечер на берегу океана. Но сколько было разных людей! От эпических судеб до маленьких летучих случаев. Одно время работали небольшой группой, довольно долго, как-то все сработались, все обязанности сами собой распределились. Одна, такая домовитая, стала матерью-хозяйкой, супчики варила, заботилась о диете, но и чарку к столу не забывала. Да вдруг сошлась с одним из наших, поженились. И стало всё как-то по-другому. Она ему и «птичка», и «кисонька», и «чего бы ты съел, дорогой»? А мы как-то осиротели. Со всеми вытекающими для состояния сиротства последствиями. Хорошо, когда все равны. Впрочем, это как для кого.

Любовь, любовь. Просто —
Вариант искусственно-
Естественного отбора.

ИЗ ИСТОРИИ ДАЛЁКИХ ОСТРОВОВ

Попалось в одном письме Ван Гога, Эмилю Бернару. Художник пишет художнику. Письмо из Арля, 1887 год. «Я только что прочитал книгу — впрочем, совсем некрасивую и плохо написанную. О Маркизских островах, но с раздирающим душу рассказом об истреблении целого туземного племени антропофагов, в том смысле, что, скажем, раз в месяц они съедали одного индивидуума. Белые, истинные христиане, чтобы положить конец этому варварству, не нашли лучшего средства, как истребить и племя туземных антропофагов, и то племя, с которым оно воевало... Затем оба острова были аннексированы и погрузились в сплошное уныние... Ты молодец, что думаешь о Гогене!».

Действительно, мудрое, хотя и неординарное, а в чём-то и затратное решение. Нет антропофагов, нет их жертв — нет проблем! А главное — установился мир!! Пришло ещё: вот какая история с географией — будучи заморской территорией Франции, эти острова сейчас как бы формально, политически, являются частью Европы.

Душные ночи на этом Таити,
Думал Гоген. Как там вангоговы
Уши? Там-там вдалеке.

17.02.23

КУСОЧКИ ВРЕМЕНИ

Сын одного очень почитаемого учёного, рассказывая в одной статье для научно-популярного журнала об отце, в большую заслугу ставил ему то, что учёный мог очень мудро и правильно распоряжаться предоставленным судьбой временем. Суть методологии обращения со временем было в том, что он использовал самые маленькие его кусочки. Надо понимать, эта фрагментация времени зависела больше от обстоятельств, чем от него самого. Ещё вспомнился сюжет из биографии одного писателя, который, работая в каком-то муниципалитете, писал романы. И если, бывало, он закачивал роман, а до выхода на работу оставалось полчаса, он начинал новый. Он написал их штук двадцать. А я как-то по-особенному люблю эти кусочки времени. Даже поймал себя на том, что если у меня только одна работа, она становится нудной, и я берусь за что-то другое. Это нельзя назвать неусидчивостью. Оказалось, что я пошёл дальше других кусочников: разнообразием дел сам фрагментирую время. Правда, двадцатью романами похвастаться не получается.

Жизнь — лоскутное одеяло.
Вся из кусочков времён и пространств.
Да и сама — лишь кусочек.

Разбитое зеркало.
Каждый кусок
Отражает вселенную.

О РОСТЕ КАМНЕЙ

Как-то мне рассказывал один ветеран, была у них с друзьями в курилке полемика. Разделились, как обычно, на три партии. Одна доказывала, что камни растут, во всяком случае, могут всё больше и больше вылезать из земли, вторая отрицала, мол, они не живые и расти не могут, третьим, как всегда, было пофиг, растут они или не растут. Конечно, всё было основано на эмпирических обобщениях, скорее даже на впечатлениях. Вполне допускаю, что могли быть обстоятельства, когда камень всё больше и больше выходил из земли, но вероятнее всего, это землю или ветром уносило, или водой. Могло быть и наоборот: оседала пыль, ветер приносил песок — и камень как бы уходил в землю. Медленно, конечно, не как в воду, когда только круги по поверхности. Во всяком случае, спор, с какой стороны ни посмотри, был спором диалектическим: спором о динамичном и стабильном, о движении и неподвижности. Опять же, мог бы добавить старина Эйнштейн, — относительно кого? У меня есть два маленьких растеньица в горшочке. Называются Литопис, то есть растения-камни. Среди камешков какой-то

южной пустыни, действительно, могут спрятаться — не заметишь. Самое интересное, что в отличие от многих, они как-то совершенно не растут, видимо, подражая камешкам. Но в один прекрасный момент плоская верхушка расходится и из щели вылезает новое растение, а старое, как оболочка, постепенно усыхает. Вроде всё остаётся на своих местах, но всё равно — движение. А кактус, что стоит рядом, он вообще загадка. Кактус совсем не растёт, но под множеством колючек я не могу понять, жив ли он. Впрочем, его внутренне состояние никак не отражается на декоративных свойствах — одни колючки, а кому принадлежат, растению или мумии, неважно. А насчёт жизни камней была ещё не так давно теория, что все эти фоссилии, ископаемые окаменелости — это особый мир существ, страшно медленно обитающих в разных стратиграфических слоях Земли.

Чем больше движенья,
Тем больше жизни. Что за бурная
Жизнь у молний!

06.02.22

ДЕНЬГИ

Трудно найти в нашем окружении другую такую субстанцию. Что ни возьми: книга, стол, дом — всё обладает внутренним содержанием, внешними свойствами. Всеми атрибутами материальности. Они не только осязаемы, они ещё и выполняют какую-то функцию. Тем и ценны. А что деньги? Даже осязаемость их как-то растворяется в недрах кассового аппарата. Существование денег есть результат какой-то совершенно невероятной договорённости между людьми. Скорее вынужденной, чем осмысленной. Но в силу того, что деньги стали среди людей чем-то вроде потоков энергии в экосистемах, так или иначе каждый сталкивается с ними. И взгляд на это явление у всякого свой. Одни чувствуют всю сложность связей и уважают деньги, как мерило возможностей. Другие просто любят. Третьи, к коим и себя отношу, понимают их только в овеществлённой форме. Этот тип, наверное, самый примитивный, ближе всего к исконному «деньги — товар». Деньги, которые долго невозможно превратить в вещь как-то теряют свой смысл и ценность. Кроме того, я заметил, что есть два типа людей: одним денег всегда не хватает, и они этим постоянно озабочены, другим всегда хватает, они даже откладывают, но потом не знают, что с этим осадком делать.

Посмотрите биографию Басё:

Семья имела пять тысяч ку хорошего риса.

Но получилось — тысяча хайку.

КОРОЛЬ ЛИП

Надо ли возвращаться оттуда... Где уже слышно, как шумит куст и трава на берегу Стикса? И свет идёт откуда-то, неизвестно откуда, да и свет ли это? Может быть, даже чувствуется запах воды. Если есть река Забвения, то она должна впадать в море. Чего? Забвения же или, наоборот — Памяти? Ничего странного в этом нет, в этом неизбежном и постоянном применении принципа актуализма, и в этой путанице пространств и времён. Что ещё остаётся делать, как ни полагать, что и здесь, и там, всё устроено одинаково. Мы ничем не отличаемся от древних египтян с ихними Озирисами. Ни у жизни, ни у смерти никакой загадки нет. Есть только некоторое недоразумение относительно временных отсрочек. Наверное, гуманное было слово: «Не трогайте его. Не надо возвращать его на дыбу жизни!». Жизнь после страдания. Если исключить память. Повешиваемого вытащили из петли. Как жить после этого, чем жить? Счастье гонимого. Упоение страданием, как после этого жить? Вдруг смертельно больной встал с постели и пошёл себе. Сад, улица, солнце. Думал, вот счастье. А оказалось, что страданий не хватает. Жалости к себе не хватает, неприязни к миру, который оказался не столь милосерден, как хотелось. Знал хотя бы, от чего умрёт. Теперь — опять эта неизвестность.

Терминальность процессов и
Цикличность — не совместимы.
Но сколько было хороших круговоротов!

31.10.23

ВЕРНАДСКИЙ, ИЛИ ПОПУЛЯЦИЯ МАЛЕНЬКИХ ПРИНЦЕВ

Так получилось, что не один раз я возвращался к биографии Вернадского, его трудам. Вот, пришлось пройтись по датам его пребывания в Крыму. Место сконцентрировало время. От первого знакомства, ещё в XIX веке, до последнего отъезда, после Гражданской войны. И как-то пришло на ум, что всегда он был в гостях, в чужих, хотя и очень дружеских домах. Свой дом хотели построить — не получилось, время оказалось не то, хотя место прекрасное — скалы, море вдалеке, народ вокруг — все свои, всё интеллигенция. И вся жизнь его прошла в движении, то ли искал он что-то и никак не мог найти, то ли просто была экспедиция по планете Земля. Киев, Москва, Харьков, Питер, Полтава, какие-то Шишаки, Батилиман, Симферополь... Очень типично для маленьких принцев. Бывал на разных континентах — и нигде не было своего настоящего дома. Потому и создал сам себе свою планету Биосферу. Это мы думаем, что она существовала 4 миллиарда лет, а на самом деле это он её для себя придумал и построил. Наверное, их где-то там, в Мироздании, целая популяция Маленьких и Больших — тоже — Принцев. Есть и мальчики в жёлтых шарфах, есть и старики. Путешествуют между планетами, создают потом и изучают разнообразные миры.

Думал, что сказку лётчик придумал.
Про самолёт, змею и пустыню.
Оказалось — просто жизнь космоса.

18.04.23

ХИТРЫЙ ПОРТРЕТ

В отеле, где мы уже не раз останавливались, приезжая в этот прикарпатский курортный городок, много картин. В столовой целая коллекция натюрмортов: цветы и предметы разные. Всё выписано с большой тщательностью. Сразу видна женская рука. Как относиться к этому желанию передать всё в точности, фотографично? Есть целое направление в живописи — гиперреализм: написать так, чтобы было реальнее, чем в жизни. Что такое вообще — реальность? Картина сама по себе — тоже реальность. В коридорах висят пейзажи, в гораздо более условной манере: всё холмы да речки, вода в этих речках, правды ради стоит заметить, не течёт. А выделяются из общего богатства галереи портреты. На втором этаже, несколько выпадая из пейзажного ряда, появился портрет козака. Скажу вам, по живописному уровню не сильно он отличный от пейзажей, но чем-то останавливает, словно какое-то живое шевеление в траве, когда идёшь по лесу, вроде бы такому тихому, почти безжизненному. А дело в том, что козак этот, лет ему так под пятьдесят, как раз в возрасте начала мудрости, хитро усмехается себе в усы, как положено, обвислые, и даже подкрученные

на кончиках. И глаза — с прищуром. Да и усмешки как-то этой под усами не видать, а чувствуется такая ирония, сама по себе, как улыбка Чеширского кота. Вот, например, остановился и попробовал я сделать зарисовку с портрета, всё просто: усы, оселедец — а не получается, сделал несколько набросков и сдался. А он всё понял и только усмехается, мол, нас, таких хитрых, просто так не отобразить. А пришло в голову: вот он, образ истинного, нормального гражданина любой страны, хоть бы и этой, хоть за морем. Никому этот хитрый козак не верит на слово, послушает радиоточку, да сам и в ютубе посмотрит, что там первоисточник говорит, послушает и ту информацию, и другую, а сам составит своё мнение. И есть у него своя политическая платформа, свой взгляд и на то, и на другое. И делает что-то не потому, что так сказали (сверху, сбоку, снизу), а потому, что сам понял, что так надо, что это правильно. И никакой тут хитрости особой нет.

Ирония чем-то похожа
На хитрость. Только она
Бескорыстна.

08.10.22

В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

А я ещё помню этот склон Владимирской горки, который обращён был к площади Ленинского Комсомола и Пионерскому парку (прямо как бы два в одном). Его срыли. Неизвестно, куда пристроили такое количество земли. Притулили здание музея. Это куб с цилиндром сверху, широкие ступени ведут к подобию храма, справа — каскад водопадов, но с водопадами всегда какие-то проблемы. Вернее, с водой. Сейчас каскад сух, и это скорее выглядит нормой. Как оказалось, мало есть фундаментальных сценариев для разных цивилизаций. Атрибутика всё та же: божества, герои, храмы, поклонения, низвержения. Ещё при устаревшей советской власти бывал там, уж не помню, по какому поводу, может, из любопытства (бывал же я в синагоге). Озадачила избыточность образов. В центре была голова вождя, нет, голова была в аэропорту Борисполь, а здесь — в полный рост. Но где-то сверху тоже (дополнительно) парил вождь. Ну и что? В любой церкви можно найти множество Никол или Иисусов. А что сейчас? Поразило пустотой больших интерьеров. Уходят эпохи и оставляют после себя пустоту. Разные эпохи — разные типы пустоты. На стенке, по-современному просто и незатейливо, наклеенные на мраморе стены — фотографии, повествующие об истории музея. Руководители страны с каменными партийными лицами рассматривают макет-проект. И десяти лет не прошло, как храм стал изгоем, а думали, что на века.

Сколько минаретов вокруг
Византийского храма ни строй,
Не получится мечеть.

ИЗБРАННОСТЬ

Как-то мне один человек, которому поставили неутешительный диагноз, высказал весьма парадоксальную мысль.

— Ты понимаешь, ведь по большей части люди не абсолютно здоровы. Но при этом они худо-бедно доживают до своих 70–80 потому, что коридор относительного здоровья, или, скорее, приемлемого нездоровья довольно широк. Иначе бы популяция людей просто вымерла. И вот, когда тебе объявляют неутешительные результаты биопсии, то ты как бы попадаешь в некое число избранных. Избранных, понимаешь! Пусть и в печальную когорту, но особенных, выпавших из этого коридора. Во всяком случае, информационно, ты выше многих и многих, потому что знаешь, во всяком случае, с большой вероятностью, от чего придёт твой конец. Ведь эта загадка — от чего? Как и другая — когда? Эти загадки управляют жизнью.

Избранным открывается
Кусочек жизненной тайны.
Хорошо, что пока не вся.

02.05.23

СПОР

Мы, в общем-то, и не спорили. Может, потому что тема возникла случайно. И неожиданно, во всяком случае, для меня. Я в письме упомянул одного знакомого, уже ушедшего в мир иной, и что дед его был хранителем большого и красивого музея. Наверное, где-то в душе я хотел похвастаться, что знаком был с таким человеком, дед которого был вот таким человеком! Но получил ответ, что, хотя внук за деда не отвечает, но дед был коллаборантом и написал в одну газету совсем нехорошую, статью про музей и картины. А мог и не писать. Наверное, мог, но почему-то написал, тем сотрудничая с нехорошей властью. Я сразу не ответил, а потом как-то и расхотелось отвечать, спорить, обосновывать своё. Что спорить о человеческих судьбах? Для моего корреспондента оценки были абсолютны, для меня — в чём-то относительны. Прочитал, к примеру, о заботах одного известного учёного, сильно он когда-то озаботился судьбой Академии наук. Пришла одна власть, подписала указ, мол, Академии быть, сменилась власть — отменила указ, а он, академик, к этой власти: нет, не отменяйте!

Пришла третья власть, похерила и первую, и вторую, вместе с Академией, он опять к третьей власти — надо сохранить. Пришла четвёртая власть, опять проблемы, он в завшивленном вагоне едет за тридевять земель доказывать, что дело хорошее, пригодится и этой власти. И что? С точки зрения четвёртой он был коллаборантом в кубе. А у него просто был долг — и чхать он хотел на все эти власти. Впрочем, все четыре пропали пропадом, а пятая воспользовалась плодами его трудов. И что тут считать, и кого обвинять? Но спорить расхотелось.

Погружение в долг.
Ни надежды, ни простого расчёта,
Просто дело. Надо закончить.

P.S. Академия, созданная Вернадским, жива до сих пор.
(Просто факт.)

2.05.23

О ПОЛЬЗЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КНИГ

Словами «о пользе» обычно озаглавливаются всякие назидательные повествования, но в данном случае я о том, что полезно сопоставлять историзмы. Правда, не совсем ясно — кому это полезно. Во времена Петра Первого было осуществлено много всяческих реформ, хотя большинство не коснулось главных насущных людских проблем. Читаю анализ у Акунина: всё дело в том, что создавал он и создал милитаристскую империю. У военной империи, наподобие Римской или Тауантинсуйу одна забота, одна функция: захватывать и расширяться. Агрессивность как противодействие, прямое или гипотетическое, агрессии извне. Прошло триста лет, а как будто и не прошло. Опять имперские захваты территорий, опять — богатства — на ветер войны, опять милитарный патриотизм, опять простой народ в жопе. Исторические книги, вообще-то — не для анализа и не для сравнений, а для фактов.

Колесо истории
Как символ
Циклических перемен.

БАЗАР

Это суета и кажущееся беспорядочное движение людей рождает чувство чего-то вечного, неистребимого и непреходящего. Сколько было разных революций, войн, невзгод, а базары были, есть и будут. И не только потому, что надо кушать одним и заработать деньги другим. Торжище — это место концентрации оптимизма. Я много лет приезжаю, заезжаю на этот базар. Большая оживлённая дорога, дачный посёлок. Это не броуновское движение — у каждого своя цель, свои задачи. Свой план. И очень важный. Вот тётка продала свой творог и покупает пряники, дачники в дачных одеждах шныряют в поисках чего подешевле, и я иду по своему маршруту: сначала за творогом к Людмиле, потом в мясную лавочку к другой Людмиле, к Оксане за сухарями. Мне приятно быть узнаваемым покупателем. Даже слух о налёте ракет, который должен быть в двенадцать, передаётся как шелест по базару, но доверительно, по-семейному, с полным желанием помочь, оградить. Если бы я услышал это предупреждение в городе, я бы пожал плечами и пошёл дальше, но здесь, на базаре! Это как Глас, которому следует верить.

Купи — продай
Какая там прибыль!
Весёлая толкотня.

19.01.23

МЫ

Ещё давно, когда приходилось заниматься педагогикой, при первом знакомстве с группой студентов, в список, который мне подавал староста, я вписывал телефоны ключевых фигур, все были мне не нужны. Староста, несколько, на взгляд, не оболтусов, которым можно будет передать, что, мол, лекции не будет, или что надо подготовить семинар, или отложить. И тогда подумал: «Вот, социум внедрил-таки принцип из замятинского романа «Мы»: уникального номера достаточно, чтобы идентифицировать особь. На практике ничего больше и не надо». Теперь сам попал в такой социосюжет. Зашёл забрать посылку из интернет-магазина, паспорт поближе положил в карман, будут же спрашивать, мой ли это заказ. Никто не спрашивает. Отвели как неопытного (показать, научить) к специальному терминалу (интересно: сам пункт выдачи — комнатуха, полная драных коробок, а терминал! — чудо техники, и стоит, наверное, кучу долларов!). Давайте, гражданин, щёлк-щёлк — введите свой номер телефона. Никакого паспорта, никакого имени. Никакой судьбы. Удобно! Осталось только записать номер в виде тату на запястье, как-то, где-то это уже было.

Почему-то так хочется
На рынке, где сало и хлеб,
Знать по имени продавцов.

03.02.23

БЕЗ ДОМА

На выходе из метро появилась как-то, ближе к зиме, странная фигура. Даже не фигура, а что-то бесфигурное. Сидит на ступеньках женщина, пледом каким-то укрыта, вся собрана в комок. Тележка перед ней. Как-то прямо на дороге. Но все обходят, сторонятся даже. В подземном переходе, здесь, где вход в метро, свет не выключают, как в окрестных домах, в целях военной экономии, всегда светло (чуть не написал — и уютно). Сидит утром, сидит вечером. Ничего мне не известно о её судьбе, но печалей, наверное, много. За день проходят мимо тысячи людей. Вряд ли равнодушно. Видел, деньги оставляют, еду какую-то. Вспомнился рассказ одного альпиниста о восхождении на Эверест. Одна сломала ногу. И сидит в снегу. Как-то помогали, сочувствовали, но забрать, эвакуировать не могли, сами все на грани: Эверест — это уже почти космос. Похоже, и наша жизнь сейчас тоже почти космос. А со стороны вроде и не скажешь. Вот сейчас сижу, сочиняю, лампа горит, электричество есть, вода есть, даже горячая. Племянник из-за океана прислал чудо энергетики — зарядную станцию: заряжай теперь мобилки, правда, если есть чем зарядить саму зарядную. Может, ещё и солнечную батарею пришлёт. А всё равно, очевидный космос.

Космос. Космос. Если жизнь летает
От планеты к планете, как насчёт
Экспорта милосердия?

21.01.23

КОЛОКОЛА ЗВОНЯТ

В недалёком соборе с утра звонит колокол, сегодня воскресенья. Созывает прихожан на службу. В этой обязательности, настойчивой повторяемости что-то для меня есть отстраняющее. Не довелось мне увидеть полного цикла: религия — атеизм — религия, только часть, но параллели бросаются в глаза. Жрецы всех эпох, всех конфессий, что христианства, что коммунизма, наставляют, всё учат и учат, как надо жить. Кто прав, кто нет. Нет бы рассказывать о простых чудесах. Закончилась служба. Больше не звонят.

— Шо, мамо, яку нову інформацію в церкві отримали?

— Да я, Галю, не за інформацією, а на людей подивитися. Ось, Марусю зустріла.

Осень 2022. Трускавець

КАТАРСИС

Древние греки придумали. Что-то философско-театральное. Мол, очищение души через её страдание. То ли конвергентно сами додумались, то ли импортировали, но подхватили многие. Чего бы стоило всё христианство без тех самых мучений Христа и, вслед за ним — многих его последователей? Да и не только: всем рекомендуется, хоть евреям, хоть индусам, хоть китайцам, чтобы хоть немного очиститься. Очевидна в концепции прямая, если не экспоненциальная зависимость: чем больше страданий, тем больше очищения. Несостоятельность идеи очевидна, ибо со времён неолита можно было бы уже четыре или пять ноосфер соорудить. Пока — ни одной. А страданий — много вагонов и масса маленьких тележек. Но почему-то живуча эта надежда. Мол, вот, закончится война, и всё будет по-другому! Иллюзии войны. Иллюзии тёмного времени, иллюзии тёмной материи. Зачем вспоминать о катарсисе, если вал страданий пошёл на убыль, а война уже в прошлом? В этом грандиозная ошибка истории, историков от политики, скорее, когда некто пытается очистить души масс посредством навязчивых напоминаний о прежних страданиях минувших поколений. Наверное, здесь маленькая деталь — в рецепте терапии катарсисом должно быть красным карандашом подчеркнuto: «Страдания — собственные».

Страдание способствует очищению.
Очищение невозможно без загрязнения.
Для этого придумали грехи.

8.11.22

**Берёзы в недоуменьи застыли,
Будто пришли на бал новогодний
В ярких сентябрьских сарафанах.**

ИНЕЙ И ТРАВА

Осень была долгой, сухой и живописной. Озадаченно отметил для себя, что в этом году ни разу не открывал зонтик. Климат Средиземноморья пришёл к нам. Но движение Земли по орбите неумолимо приближает к зиме. Вот и увидел, что внизу, на равнине, где ещё новостройки не совсем уничтожили первичный ландшафт, трава стала сизой, покрывшись на земле иголочками льда. Но стоит только солнечному лучу коснуться этой травы, и от этих айсбергов, как на взгляд микроба, не остаётся и следа. Почему же из всего, что было за окном, а там живёт бурная суета деталей полуурбанистического пейзажа! — краны, дома кубических пропорций, самосвалы, уже немного оставшихся бурых кустов, лесок — охра с фиолетовым, почему глаз выбрал именно эту маленькую полянку с сизой от первого инея травой?

Утро. Иней прячется в тень.
За домами — виденье сугроба.
В лето трудно поверить.

ВЗГЛЯД ИЗ УШЕДШЕЙ ВЕСНЫ

Сейчас, когда я вспоминаю какие-то кусочки этих апрельских дней, мне кажется, что было чувство какого-то выздоровления. Как будто прошла какая-то зимняя болезнь. И мне кажется, что я вижу самого себя, как на той старой фотографии — в каком-то бушлатике и форменной ученической фуражке. Этот мальчик, то есть я, идёт через раннеапрельский день, и нет никакого ландшафта. Только весенний ветерок и лужи, в которых морщится вода, и от этого почему-то становится радостно и, хотя снега давно уже нет, только сейчас понимаешь, что зима кончилась.

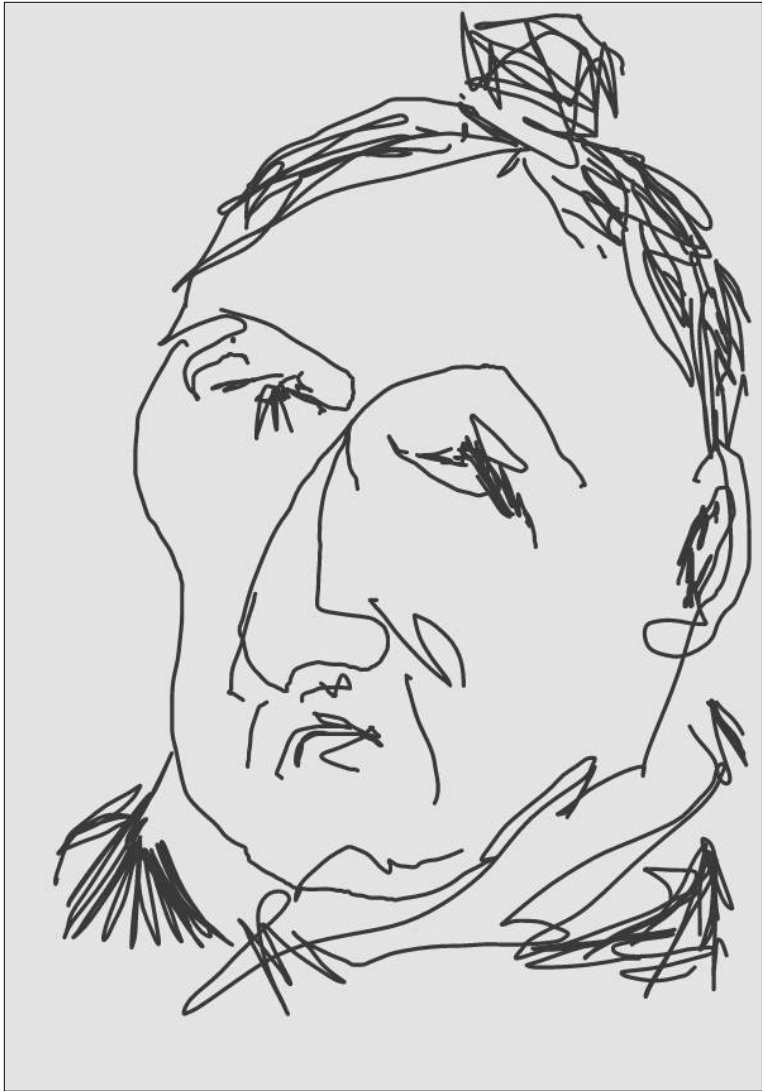
Весенняя рябь на воде
В детстве так волновала.
Теперь — вижу просто лужу.

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ОСЕНИ

Если согласиться с Бродским, то избыточность прекрасного мира и есть первопричина искусства. Старый сад. Это уже само собой поэтично. Но сад осенний. Голубое небо, не блёклое летнее, а чистое, как отражение в звонкой, хрустальной, холодной воде. А за садом, как глыба жёлто-зелёно-оранжевой скалы на берегу небесного моря, тополя и клёны. Тени фиолетовые. А дерево — передний план — старая яблоня, уже без листьев. И ствол — старый, серебром и розовым отдаёт. И трава — уже сухая, палевых оттенков. Какие-то дальние звуки на фоне тишины голубого и охры. И всё это не вместить ни в память, ни в этюд, ни в стих. Для чего так много? С избытком. Переполнено всё осенью.

Яблоня усыпала листьями
И плодами землю вокруг.
Старый сад. Запустенье. Печаль.

18.10.22

ШОРОХ

В том городе, почти призраке, нет, скорее, выборочном призраке, есть много заброшенных зданий. Бывшие санатории для простого люда (путёвки за 30% стоимости, а 70 — от профсоюзов), всё — в прошлом. Один такой, ископаемый, передо мной. Ворота на манер усадьбы под Тамбовом, помещика средней руки. Ржавчина, но бирюзовость древней краски ещё видна. Три столба ворот — и листья сухие ветром пригнало, какой-то сюжет знакомый, Осмёркина напоминает. На заднем плане стены серые, дыры окон с матовой темнотой. Вдруг что-то зашуршало, зашуршало. Ветерок чуть-чуть. То листья посыпались. Падают, падают. И где источник этого шуршания? В каком месте? Может, когда отрывается лист от ветки — щёлк, щёлк? Или, когда падает к своим уже успокоившимся под деревьями собратьям и встречается с ними? Аплодисменты каждому благополучно приземлившемуся.

Расхожее — жёлтая осень, пусть — золотая.
Нет — палевое, розовое, умбра.
На солнце тепло, но свет уже холоден.

15.10.22

ПЕРВЫЙ СНЕГ

У живущих в средней полосе есть некое предчувствие смены времён года. Конечно, его задаёт солнце. Как перелётным птицам. В голове сидит секстан, который постоянно измеряет угол солнца над горизонтом. Это космос, это вам не погода «в среду» или завтра. Это наклон оси. Это положение относительно плоскости Галактики.

Его ещё не ожидали. Но снег этого не знал. Взял да и пошёл. То ли вместо дождя, то ли в дружной с ним компании. Уже было не понять. Парашютики снежинок плавно закружились, и было весело и грустно наблюдать за их полётом, особенно сверху, с высокого этажа. Земля ещё была не готова. Да, они быстро таяли, но на превращение каждой снежинки в малюсенькую каплю земля растранивала накопленное за лето тепло. Поэтому первые, авангард, смело умирали за то, чтобы земля остыла и погрузилась в сон, уже не сопротивляясь холодному нашествию. В этом не было никакого насилия, все было очень естественно. Земле тоже надо было отдохнуть. Когда я вышел на улицу, в мокром асфальте отражались берёзы лихорадочной желтизны и кое-где вдалеке мелькали прямоугольники припорошенных снегом крыш, которые уже становились голубыми, что тоже указывало на солнечный угол, уменьшавшийся к вечеру.

Берёзы в недоуменьи застыли,
Будто пришли на бал новогодний
В ярких сентябрьских сарафанах.

12.11.22

РАЗНАЯ ОСЕНЬ

Осень мне кажется самым разнообразным временем года. Самым пёстрым, с разными настроениями. День был не холодный, но серый, хотя тучи были синими. Скорее — цвета индиго. Голые осины трепетали последними листьями, вывернутыми наизнанку, на белую войлочную сторону. Деревья были, словно слепцы с бельмами, как у Брейгеля.

Толпа безнадёжных осин
С белыми листьями наизнанку.
Слепая несчастная осень.

АКТИВНОСТЬ

Кажется, я нашёл главное противоречие лета. Такое замечательное утро! Оно вспоминается таким чудом из детства, когда впереди был целый бесконечный день, и без каких-то сложных забот. Что теперь? Радость постоянно омрачается какой-то вымученно необходимой активностью. С этим летом что-то надо делать! Устраивать отдых (не только себе, но ближним), организовывать полевые работы (в прямом — на даче, и переносном, научном смысле). Масса забот. Никому в голову не придёт задуматься и озаботиться: с этой зимой надо что-то делать. Сиди себе под зелёной лампой и спокойно работай. Это не противоречие лета, а противоречие года.

Где оно — беззаботное красное лето?
Осталась лишь
Жаркая оболочка.

ОСЕНЬ

Утренняя равнина за окном была наполнена туманом, сквозь который на земле проглядывал маленький иней. Ноябрь уже. Пора! Солнце поднималось, и деревья окрашивались утренней своей проявляющейся, как на фотобумаге, желтизной. Деревья кучками торчали из тумана, как острова. Всё было на разбел, как у художника Труша, Ивана. Но надо было заниматься другими делами, а не отображением этих островов. Поначалу мне было это досадно. Сложен был, слишком сложен и туманно неопределён пейзаж, и я даже, в каком-то смысле, обрадовался, что есть оправдание, оправдание не делать этюда. Почему бы просто не постоять, не полюбоваться пейзажем, так же, как делаю я это в зале, где звучит, а вот и отзвучала, музыка? Ничего не надо ни отображать, ни запечатлевать.

Город полз из-за горизонта. Как медленно приближающаяся беспощадная татарская орда. Как белая эпидемия строений. Но болезненное шевеление самосвалов было уже и рядом. Я понимал, что уж скоро придётся наблюдать, как городской массив будет поглощать, уничтожать, как удав поглощает свою задыхающуюся жертву, и эту равнину, и эти деревья. И этот туман и острова. Подумалось: почему-то раньше я мог вдохновляться силой созидания. Радоваться успехам каменщиков и плотников.

Осень уйдёт, растворится,
Как этот туман, этот пейзаж,
Радуйся, пока не ушёл он.

ЗИМА

Вот и пришла зима. Снег закрыл изуродованную машинами землю. Землю, на которой уже почти не осталось деревьев. Равнина становилась полем. Площадкой. Жёлтые самосвалы стали свозить бетон. Лес вдали, на северо-западной окраине равнины был сер в сером тумане, и только казалось, что где-то он отдаёт лиловым, как это бывает весной у берёзовых рощ. Там и берёз-то не было. Ещё только рождалась бестолковая суета человеческого созидания, но взгляд все цеплялся за остатки былого пейзажа, такого зыбкого в зимнем тумане... Мне ли не знать, что лет десять назад здесь тоже были строения, но и тот пейзаж оказался эфемерным. Строения пропали, и равнина помаленьку начала покрываться лесом. А теперь, вот, и лес пропал. Мне остаётся только наблюдать.

Моё окно — аквариумное стекло,
Разделило
Два таких разных мира.

БЕЛАЯ НОЧЬ В ФЕВРАЛЕ

С. Сытнику

Есть фрагменты этого мира, которые не подлежат никакой интерпретации. Их нельзя выразить ни в музыке, ни стихами, ни на полотне. Зыбкий снег весь в точках от капли с веток деревьев. Свет. Как описать этот свет? Техно-оптически довольно просто: рядом с домами теплицы, которых много и которые ночью зажигают свет, и он отражается от низкого зимнего тумана. Поэтому свет, как бы не имея источника, создаёт атмосферу нереальности, создаёт белую ночь — все освещено, и невозможно понять почему. Кружево веток на фоне нереально светящихся домов. Капли, капли. Звон капли, без всякой там классической весны, а просто так, от оттепели, которая уже привычна в эту тёплую зиму. Иллюзия того, что все это подлежит словам, абсолютна. Слова — это то, что можно описать как ощущение. Но нет ощущений, есть снег, в точках от капли, есть машины, покрытые снегом, есть двор, есть звон капель. Дома, деревья, машины в снегу изображены светом, который идёт ниоткуда. Это и есть эффект белой ночи. Свет ниоткуда. Он просто есть. А солнце ещё далеко-далеко, поэтому это белая ночь белого тумана.

Свет — главный источник иллюзий.
Сквозь туман трудно ему пробиться.
Потому и творит разные чудеса.

ВРЕМЯ INSIDE

Лето так быстро прошло. Вчера ещё было 32 градуса, сегодня — 15. Вот и наступает время *inside*. Время, когда уже не хочется бежать на воздух, пусть и горячий, но «свежий» воздух. Пусть даже в прохладный и мокрый, и дождливый день. Летом так хочется поскорее вырваться из скорлупы дома, любого, пусть даже лёгонького, дачного. Простор. Так нужен простор! Хочется моря. Да что там море — океана! Не столько из-за воздуха и синевы, сколько из-за очевидной видимости округлости Земли. И чтобы горы были за спиной. Хочется писать о колебаниях температуры, о дожде, растениях, движении облаков. Все происходит вовне, это время внешней, внеэкологической жизни. Расширяющаяся вселенная!

Но вот, заохлодало и задождило в конце августа. Стало меньше света и больше теней. Скорлупа регенерирует. Птенец, оставивший гнездо, обогащённый внешним опытом, хочет погрузиться в свой мир, уподобясь Монтеню. Чудесные волны жизни! Многолетний опыт жизни в той части мира, где обычно смена времён года подсовывает тебе любовь к нудному дождю, который оправдывает тягу к письменному столу, зелёному абажуру, да хоть бы и к выпиливанию лобзиком.

Качнулся маятник осени.
Хлопнула дверь. Здравствуй,
Внутренний Мир.

МАЙ ЗЕЛЁНЫЙ

На Змиевых валах в этот холодный и дождливый май было непривычно зелено. Дубы ещё совсем недавно оделись листвою, которая была ювенильно нежной, жёлто-зелёной. Казалось, что это какие-то парковые композиции, созданные искусной рукой садовника. Но куст бузины на развилке полевых дорог был ещё светлее, совершенно солнечно-зелёного цвета, с шапками белых соцветий. И весело пели сверчки, почти заглушая птиц. Даже сосны, вечные сосны, щеголяли кронами в оторочке новых ярко-зелёных хвоинок.

Ах, как недолго
Радоваться маю.
Смолка скромно цветёт.

ЛЕТО УХОДИТ

Уже август. Какое-то очень поэтическое время. Но в чём его поэзия, не очень понятно. Лето и лето, месяц и месяц. Преддверие осени? И что из этого? Уже какое-то не лето, но и март — уже не зима. Но согласитесь, в августе гораздо больше милой грусти, чем в любой другой части года. И удивляет, что в августе может быть жарко. Это днём, а ночи уже прохладны, и утро может встретить зябким туманом. Что бывало со мной в августе? Вроде ничего такого особенного и не случилось. Может быть, только в облаках, вечерних облаках — всё чаще фиолетовые тени. Как лёгкие тени под глазами сорокалетней. Тени ещё так невняты, но уже намёк на совершенно иное состояние. И природы, и тебя самого. В августе есть какая-то усталость, появляется тяга к созерцательности. И что важнее? Предчувствие смен, от одного к другому — и дальше, дальше... Или возникающее ощущение повторяемости всего. Всё было и всё будет, хотя и немножко по-другому.

Вот август. Звёзды
Ярче стали.
В небе холодном.

ПЕСОК

Из всех субстанций, которые меня окружали всю жизнь, наверное, только две могут претендовать на звание вечных. Это вода и песок. Они всегда текли где-то рядом, и было понятно, что так было всегда. Были когда-то в ходу водяные часы, песочные бытуют до сих пор. Тихий океан, Чёрное море, Байкал — вода как образ, совокупность воды, как новый самостоятельный объект, становится символом. Песку повезло меньше — только пустыня, да и то не всякая, и пляж, да и то не каждый. Но песок имеет два своих особенных свойства — впитывает солнце и насыщается водой. Я стою в музее перед шишкинскими «Песками» и ощущаю этот летний день. Не через дымку горизонта, не через запах сосен, но через горячий песок. Солнечный косогор и человек, блаженно утопающий босыми ногами в горячем песке. Это и есть квинтэссенция нашего лета. Песок, он течёт как вода, он выравнивает неровности земной поверхности, он засыпает хижины, и уставшая женщина должна

каждый день бороться с этим стремлением своей вселенной к песчано-тепловой смерти. А этот союз песка и воды! Отошла волна — и полоса мокрого песка тверда, как дорога. Откуда он взялся, этот микроскопический кварцевый бисер? Когда ты лежишь на чёрном пляже на Тенерифе и где-то далеко, если не закрыли облака, проглядывает вершина Тейде, понимаешь, что вот он, источник базальта, который был горой, стал камнем, стал чёрной песчинкой... Так можно дойти до чёрных молекул, но откуда эти прозрачные кремниевые икринки? Где те горы из кварца, которые распались на мириады окатанных временем кусочков? Пусть бы они сверкали на закате — нет, все развалились, оплыли, уподобившись растаявшему айсбергу. Вот где она, связь воды и песка! И что за чудный мир кварцевых гор мы потеряли!

Из мокрого песка слепил
Колобок, как летний
Снежок. Можно и крепость.

ПЛОДЫ СИРЕНИ

Как-то никогда не задумывался об эволюции фенологии. Вот, к примеру, мезозой — цветение первых ангиоспермовых, собственно, цветение только-только ещё эволюцией изобретено. Но уже показывает нам оно, что наступает мезозойская весна. Динозавры начали откладку яиц, значит наступает лето. У мелких млекопитающих начался период гона — это осень, и так далее... Но что мезозой? Миллионы лет. Тут год от года всё меняется, рушатся былые фенологические каноны. По инерции ещё пишут в календарях: «если на Стефания идёт дождь, значит, лето будет дождливым». Это было подмечено, может быть, и правильно, годами наблюдений, но три века назад, когда действительно на Покрова земля могла быть покрыта уж снегом. Но я до сих пор по инерции пользуюсь старой фенологической формулой: цветение сирени — это значит, что весна окончилась и настало лето. Но уж замечено, в последние годы, что

происходит взаимопроникновение весны и лета, и это упраздняет всякие границы. Но когда б она не цвела, это — радостное событие, может, даже в городе, где её не так уж много, не говоря о дачных посёлках. Только вот после цветения остаются некрасивые жухлые метёлки, которые, правда, если их не обрезать (а я это делаю летом на даче, лазая по шаткой лестнице, которую не к чему прислонить, ибо сиреневые деревья тонкие и ненадёжные), то появятся маленькие плоды в виде стручков. Эти никому не нужные плоды своим некрасивым видом напоминают о прекрасном концерте цвета, который отзвучал, как музыка, открывая дорогу в лето.

Музыка лета, цветение
Трав. Отнюдь не для
Красоты. Для плодов.

11.06.23

ОПЯТЬ ПРО АВГУСТ

Может, и про август, а может, и про что другое. После вчерашнего дождя, сырости и неюта было так спокойно наблюдать за неподвижными облаками и синим небом между ними. Ветер куда-то улетел и спрятался, наверное, так далеко, что не осталось и следов. Тишина и неподвижность. Что в этой неподвижности? Что в этом тихом дне? Хорошо бы сидеть на берегу тихой речки, вода в которой течёт еле-еле. Подумалось ему, что в такой день хорошо, наверное, умереть. А может, наоборот — жить. Жаль, что нельзя одновременно.

Эвклидова обязательность:
Параллельно идут
Дни августа и твоя жизнь.

3.08.23

МАЛЕНЬКИЙ СОКОЛ

От большой равнины, которая простиралась, почти как море, от нашего дома до дальних отрогов города, был такой вроде как маленький залив почти нетронутой природы в материке новостроек и новых домов. Между домами была бурая прошлогодняя трава и редкие деревья. Весна только начиналась. Я делал на балконе утренние упражнения для глаз, переводя взгляд то на ближние, то на дальние предметы, то бросая короткий взгляд в самые дальнее уголки горизонта. Что за странное движение в воздухе? Движения там происходили часто: пролетали грачи над деревьями, а то срывалась с дерева сорока, ещё по утрам часто куда-то низко пролетали военные вертолёт. А здесь — трепещет нечто, быстро-быстро машет крыльями, как бабочка почти или как колибри. Да это же пустельга, маленький сокол! Как говорят орнитологи, теперь они запросто селятся на больших домах, соборах, трубах старых

заводов, только всё равно за добычей надо летать за город, в поля. Что-то очень живое, настоящее и необыденное было в этой охоте среди домов на клочке прошлогодней жухлой травы, где, наверное, бегали мыши, за которыми охотился маленький сокол. Для меня этот клочок равнины, ещё не застроенной земли, вдруг из плоского жухлого разнотравья превратился в некий объём, наполненный утренним воздухом, в закрытый, будто хрустальными стёклами, фрагмент какого-то забытого, но такого дорогого мне мира. Я надеюсь, что городские соколы никогда не опустятся до положения городских голубей-попрошак, и будут летать за своей добычей, как бы далёк не оказался этот мышиный луг. Они же соколы.

Только небо и полёт. Жаворонок
Поёт. Весна. Только он высоко,
А может, просто песня чеширского жаворонка?

19.04.23

ДЕТИ, УБЕГАЮЩИЕ ОТ ГРОЗЫ

Мостик, пейзаж, тёмное небо. Сгущается туча, даже не туча, а всё небо вдруг превратилось в тёмную декорацию какой-то драмы, может, и придуманной, но очень тревожной. Дети бегут от грозы, и я с ними, весь в тревоге. Не так от предчувствия, как от неожиданности. День был так хорош, и мы с детьми беспечно пошли за ягодами в дальний лес. Казалось, ничто не предвещало. Скорее всего, предвещало. Надо было посмотреть на барометр, может быть, с вечера наблюдать за облаками и закатом. Но этот неожиданный мир был так радостно непредсказуем! Какие победят гены, куда пойдёт эволюция? А вчера пошёл мартовский снег. Но ещё с утра в интернете висело объявление: «Ожидается мартовский снег. С 12 часов». Пришёл, как по расписанию. И к чему это может привести, если путать причину со следствием?

Боже! Ты посмотри!
Всё бело за окном.
Неожиданная зима.

СУМЕРКИ

Зимние сумерки, часа четыре. Никакого тебе заката, никакого тебе цвета. Только серый день постепенно сгущает свою серость и становится незаметно сумерками. И градиент этого серого не уловить на глаз. Но какое-то чувство улавливает. Это даже не чувство, это воспоминание. В городе сумерки особые, это когда уже немножко хочется, чтобы зажглись фонари. Но фонарей никто не зажигает почему-то, и тогда приходят сумерки. Фонарей теперь стало слишком много. А из всего своего детства помню только один уличный фонарь. Не было их как-то в нашем городке, наверное, считалось роскошью. И фонарь этот запечатлелся почему-то только в одной картинке, одном сюжете. Как если бы режиссёр делал раскадровку и после тёмной-темной перспективы улицы вставил бы следующий сюжет: ветер раскачивает фонарь, а тот мотается в снежных траекториях, сам же их и освещая, и видно, что снег летит горизонтально. Метель, вьюга. Драматично. Но это уже после сумерек.

Сумерки с фонарями не дружат. Сумерки тем и хороши, что фонари, даже если они и есть, ещё не включены, не горят и не вмешиваются в мои отношения с этим интересостоянием «день — вечер». Здесь тонкая вещь: день и ночь, они живут самостоятельно, они сами — явление, в них есть какая-то композиционная законченность, они живут вне тебя, это тыходишь в них, как в какое-то особое пространство. Сумерки — это, скорее, ты сам, немножко заблудившийся во времени суток. Я иду между больших серых домов, сегодня они сами больше похожи на какие-то сгущения серой материи, и нет ни одной звёздочки, ни света. Потому что наша часть города вся в сумерках. Потому что война, потому что кому-то надо, чтобы мне было страшно. Одиноко.

Красное солнце садится,
Синий снег в глубоких тенях.
Сумерки, вечер, ночь. Цепь неизбежного.

6.12.22

ПЕРВЫЙ СНЕГ НОВОЙ ЗИМЫ

Первый снег. Первый от чего, от какой точки отсчёта? Если по иудейскому календарю, то первый в этом году. По григорианскому — в этом году уже был, в январе и даже в марте. Сейчас середина ноября. Тепло и пасмурно. Но выпал снежок, так ещё, просто намёк на зиму. Теперь, пожалуй, легче будет закончить мою картину, с таким же неуверенным снегом. На холсте — 1 марта, тоже снежок, как тревожный фон, приснеженные поля и дома-новостройки. Только не могу уже больше, чем полгода изобразить эту стаю чёрных птиц, которые тогда кружили за окном. Как стая мелких и злобных бомбардировщиков. Ещё этот сегодняшний снежок — естественный символ приближающейся зимы. которая в этот год сильно пугает мирное население. Своим холодом, неуютностью и неизбежностью. У Ван Гога над полем чёрные птицы, большая стая. Я всегда хотел узнать, вороны это или ворóны у него, а может, грачи? В те, вангоговские времена наши грачи зимовали на юге, улетали туда осенью. Они были экологические мигранты. Некоторые отголоски этого факта можно наблюдать в картине известного художника Саврасова «Грачи прилетели».

Графика осеннего снега
Тонкая вещь,
Почти паутина.

16.11.22

СНЕГ НА КРЫШАХ

Зима, зима. Она стала такой переменчивой. Как-то всегда казалась долго-счастливой, да так и было на самом деле, снег выпадал в ноябре и лежал себе до марта. Мороз, вьюга, быстрые сумерки. Теперь как-то не так, пожалуй, только сумерки остались. Но ещё выпадает снег, хотя и временно. Он шапками на крышах, и мне с высокого этажа эти шапки на дальних коттеджах за деревьями напоминают гравюры Хиросигэ, и сразу видно, что этот снег недолговечный. Картинно много, но ненадолго, как на одиннадцатой станции Мисима по дороге Токайдо, над голубой речкой, которая не замёрзла, да и вряд ли замёрзнет в японском климате того века, в котором Хиросигэ и жил. Я смотрю по утрам в окно на дальние домики, однообразие заснеженных крыш которых вдруг стало подчёркивать этих домиков многоцветье. Смотрю на дорогу, по которой утром снуют рабочие с недалёкой стройки. Сепией прорисованные деревья стали как кружевная ширма на снежном фоне. Напоминает ещё что-то... Конечно, это же брейгелевские «Охотники», от которых, правда, остались только вторые планы: катки, коньки, заснеженные крыши домиков, в которых сытая и весёлая жизнь того счастливого века, в котором жил художник.

Снег — зимний хамелеон,
То принимает форму крыши,
То обернётся вьюгой.

НАД ГОРЫНЬ-РЕКОЙ

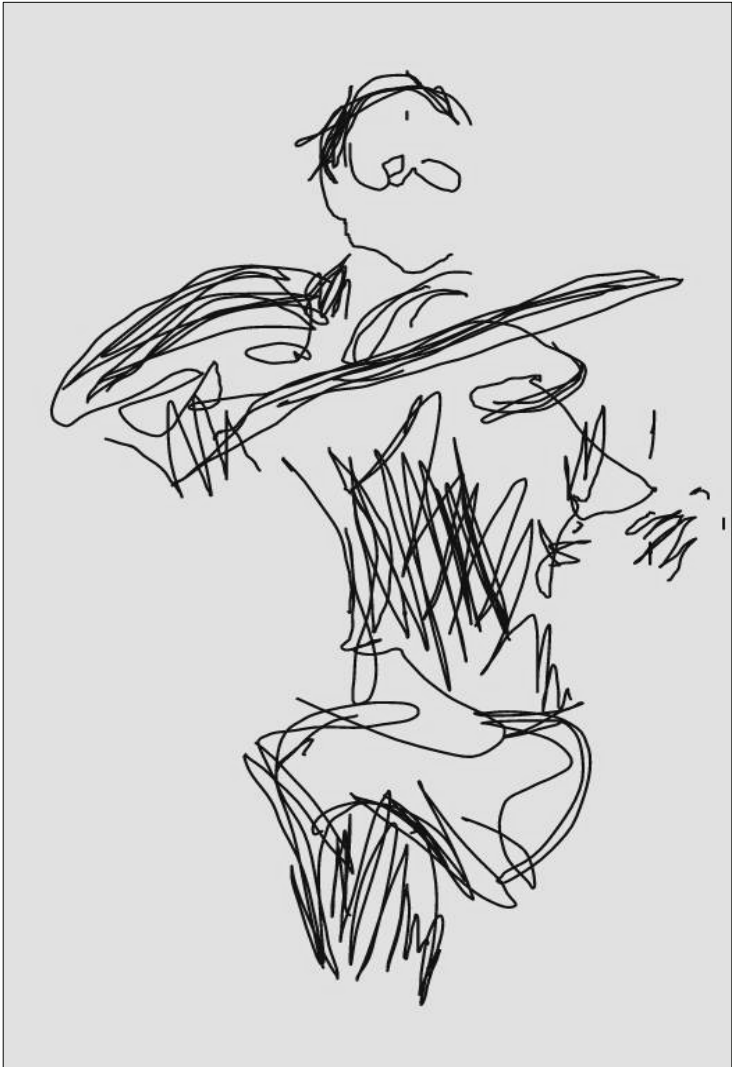
Хотя все местные говорят Гóрынь, с ударением на первом слоге, приезже-посторонние называют её Горынь. То есть первые как бы связывают название реки с горами, горными высями, а другие — с каким-то горением, что ли. Высокий крутой берег сухого луга, на обрывчике которого я сижу, свесив ноги к воде, это левый берег, а пологий — правый. Это причуды меандров. Когда-то, наверное, бывали такие паводки, что весь этот луг, аж до речки Гнилой Рог, где сейчас водоём атомной электростанции, которая голубеет близ горизонта, заливало вешними водами. Вот было море! Спину греет сентябрьское солнце, тёплое, хотя уже и поворачивает к вечеру. Не хочется думать о делах, да и вообще ни о чём. Просто смотреть, как течёт вода. Как в её переливах отражаются травы на том берегу. Изредка с ближней ивы падает лист и летит долго к воде, вращаясь, наподобие бумеранга, а потом уплывает по течению. И стремится куда-то на север, как остроносая маленькая ладья. На сухом лугу сухая трава розово-фиолетового цвета, уже не летнего, а дети всё равно плещутся в реке, не подозревая, что осень уже пришла.

Блик на воде, ещё один.
Хотя солнышко — в спину.
Зеркальца маленьких рыбок.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

День в начале октября, с чистым неярким небом. Трава пожухла, приобрела более благородный, серо-коричневый цвет, в отличие от летнего легкомысленного, и лишь кажется, что она умерла навсегда. Редкие деревья торчат по сухому лу-гу, ещё чуть тронуты какой-то болезненной желтизной. Но эта желтизна — скорее, свет, чем растительные пигменты. Свет солнца, которое сильно снизило угол распространения лучей. Долго ездил по пригородным дорогам. Нет осеннего сюжета. Где эти красные виноградники, лианами по соснам? Где этот багрянец? Нет осени, как нет и пейзажа, который не был бы изнасилован человеком: то мусор, то ЛЭП, то забор. Нашёл поляну на холмах, да и то, заставил себя примириться с локальным антропогеном. Долго стоял и смотрел на траву, на одинокие груши, которые что-то не собирались наряжаться в красные и оранжевые листья, как у них принято осенью. Белел какой-то забор, в облаке пыли прошмыгнула машина по грунтовой доро-ге. Но солнца было много, и было все-таки хорошо. И осень бы-ла, уже была в этой болезненной зеленоватой желтизне.

Настройся на осень.
Ни домов, ни заборов.
Ветер в листве.

ОСЕНЬ КАК ИСКУССТВО

Осень, с её светом, тёплым цветом — нет, с богатой мозаикой цвета, её холодом, как время, специально выделенное природой для адаптации к морозу зимы, она вполне вписывается в открытие Иосифа Бродского, который на основе изучения Венеции, то как чайного сервиза, то как водяного существа, лишь ненадолго вышедшего в атмосферу, заключил, что искусство есть избыток того, что не может вместить ни душа, ни глаз, ни мозг. Избыточность, сливки красоты и приводят к идее выражения её в других терминах, в упаковке всего многообразия в один стих, одну картину, один снимок, одну любовь. Только вот, объём сливок определяется ещё и объёмом души. Парадокс в том, что этот избыток всегда неизмеримо больше. Он вообще бесконечен. В этой относительной малости рецепиента и есть, наверное, его счастье.

Вчера было жёлто, оранжево,
Голубизна. Сегодня лишь
Белое небо. И голые ветки.

РУЧЕЙ

Вода течёт и течёт. Я заметил, что после маленького переката или даже водопада, масштаба двух спичечных коробков, вода успокаивается, образуется маленький плёс. Потом опять ступенька, опять маленький плёс. Струйки на перекате перемешиваются, сплетаются. Очень похоже на дерево, которое растёт над ручьём и чьи корни размыла вода — такое же сплетение, и в том же направлении, как и вода течёт.

Маленький водопад
Поёт непрестанно.
Трели воды.

МАГИЯ ЗИМНИХ КРЫШ

Заснеженные крыши. В городе они сродни заснеженным полям. Снег принимает форму рельефа, и только мелкое кружево вороньих следов может разнообразить их вид. Но я смотрю на картину Гюстава Кайботта с этими парижскими крышами и понимаю, что снег — только необходимый фон, а всё дело в туманном воздухе оттепели. Дело совсем не в географии и не в городе. Просто эта геометрия по-особенному организует пространство и время зимы. Прямоугольнички ватных крыш убегают по склону, кое-где туманная зелень сосен. Зимняя дорога.

Что хаос зелёного
Лета! Геометрия
Радует. Крыши. Снег.

15.12.23

**То хочется бежать, догоняя что-то,
То тихого созерцания.
Печка погасла почти.**

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВОД

В гимнастике Ци-Гун, которая начиналась для меня с каких-то случайных, чуть ли не подпольных книжечек, дошёл до больших странностей. Совершенная отсебятина, никаких уже ни Ци, ни Гун. Но я ничего специально не придумываю, картинки приходят сами, что-то эти каналы — Инь и Янь — действительно открывают. Или закрывают. Как и откуда пришло такое видение, трудно предположить. Наверное, из подсознания, а может, из давних воспоминаний, в 25 колене. На базе, опять же, самозарождения ритуала, который пришёл когда-то раньше, тоже сам собой — самопревращения в некий сосуд, и потом омовения его изнутри за счёт то циклональных, то антициклональных движений воды, конечно же, воды священной, мне привиделся ярко освещённый южным солнцем двор, небольшой бассейн, скорее похожий на колодец. Вокруг него люди, в свободных таких одеждах, человек двенадцать, значит бассейн не такой уж маленький. А мы, вдвоём, на ступеньках какого-то дома, немного как бы свыше, наблюдаем. Вдруг вода в бассейне начинает медленно раскручиваться, потом быстрее — образуется воронка. Антициклональный вихрь. Все в страхе отшатнулись: что за странное и немного жуткое явление?! Засуетились, замахали руками, потом застыли в страхе. И только мы вдвоём понимаем причины и догадываемся о следствиях. И смотрим с такой спокойной полуулыбкой. На этих простакнов.

Задремал возле речки,
Журчит вода, направляема той же силой,
Что лепит галактики.

НЕСКОЛЬКО КАЛОРИЙ ДОМАШНЕГО УЮТА

В бывшем Музее русского искусства, который стал просто Киевской картинной галереей, у меня есть несколько любимых вещей, на которые я, когда был студентом, ходил смотреть довольно часто, а в последнее время что-то только вспоминаю. Огромное полотно Ивана Шишкина «Пески». В этот летний полдень, в запах сосен, песчаный, пропитанный солнцем косогор как-то умещалось все моё детство, да и мечты юности о том, что там, за горизонтом. Там маленький человек бредёт по этому горячему песку — и я перевоплощаюсь в него и сам бреду под солнцем, закинув башмаки на палке за спину. Есть там ещё портрет Ивана Крамского, скорее, не портрет, а образ в пейзаже. «Созерцатель» называется. Из припорошенного первым снегом лесочка выходит мужичонка в лаптях, и взгляд его устремляется вдаль, но видит только самого себя. Что там Сократ

в мраморе, что Сенека, что Спиноза! Это сама квинтэссенция философии. Человекоцентрической вселенной. Но сейчас мне ближе другое полотно. Что за жанр — интерьер, натюрморт, портрет? Архипов, «Хмурое утро», так, кажется. Печка горит, огонь за приоткрытой дверцей архиповскими огромными мазками, от печки тепло идёт, дымком пахнет. Стол под окном, дед с бабкой пьют чай утром друг напротив друга, силуэтами на фоне серого окна. Серый туман. Печаль? Безднадежность? Или душевное равновесие? — спешить никуда не надо. Тёмное февральское утро. Надо идти на работу, включаю телевизор, чтобы заполнить пустую тишину молчания за скорым завтраком.

То хочется бежать, догоняя что-то,
То тихого созерцания.
Печка погасла почти.

НЕ ПРИДЁТ

Эта картина, которая висит у меня в комнате, на той стене, куда падает вечернее солнце, навела меня на грустные мысли. Натюрморт довольно простой: горшок с цветами, стоящий на белой бумаге, которая вся в складках, рельефах. Цветы розовые и желтоватые — орхидеи, фон — глубокий коричневый, с краснотой. Холст у картины старый и немного провисает, но я боюсь трогать древний подрамник. Может, ей и действительно больше ста лет, как уверяли меня продавцы. Я бы хотел, чтобы мой друг пришёл ко мне и, как обычно, с некоторой подначкой спросил: «А это что такое?». Но я понимаю и знаю, что он не придёт. Это «никогда» так жестоко. Но это правда. У него уже нет сил, чтобы просто так ездить в гости, у него совсем другая жизнь и другие интересы. Мы всегда опаздываем с нашими приглашениями.

И то неудобно стало. И это.
Мир тает, как весенний сугроб.
Но весна задержалась надолго.

27.08.21

СТИКС КАК ПОГРАНИЧНЫЙ ВОДОТОК

Когда мне приходилось в армии наблюдать в бинокль через реку Амур китайский берег, я все же понимал, что там, по сути, то же самое, что и тут. А если «там» и «тут» практически одно и то же, то и граница условна. Другое дело река Стикс. Она отделяет Бытие от Небытия. Большого различия быть не может. Но чему же принадлежит река? И где постоянно болтается этот Харон? Он есть или его нету?

Боже! Сколько границ
Разделяют мир!
Сколько ничейной земли!

ЗВЕЗДА

Я проснулся от того, что одно из худых одеял сползло, и я даже немного замёрз. Август, ночи уже холодные. Пришлось встать, разыскивать пропавшее одеяльце. В окно мансарды лился лунный свет. Будто было полнолуние. Я выглянул в окно. Серп луны был не широк, стареющий, в виде буквы С. Но сиял и светил так ярко! Не это поразило, а огромная звезда под ним. Наверное, это была какая-то планета, может, Юпитер? Поразительна эта отражённая сила света! Ведь не зеркало же. Звезда или планета? Если не знаешь астрономии, то и не различишь — Венера это или Вега. Почти как люди, один светит сам, другой только отражает. А могут выглядеть, как и на небе — совершенно одинаково. А ведь хорошо, правильно отразить — тоже некий талант нужен. Да и звёзд всегда меньше, чем планет, если при каждой звезде своя планетная система.

Если лужа отражает
Звёзды, можно считать
Её частью Галактики?

30.08.20

ДОКТОР

Сидел в палате и смотрел в большое, пожалуй, слишком большое окно. Глупость архитектора: зимой из него, наверное, дует и обдаёт холодом, а летом всю палит солнце. Но сейчас была осень, уже поздняя, и на крыше какого-то строения лежали ворохом листья, осыпавшиеся с огромного тополя, который возвышался и над этим зданием, и над низкой маковкой церквушки. Она была, видимо, при морге. Внезапно возник доктор и без всяких предисловий сказал, что все мои анализы и пробы благоприятны.

— Доброкачественная опухоль.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Пойдёмте ко мне, я расскажу, что дальше делать.

Пришло в голову, что если бы он сказал при всей палате: «У вас рак», — мне было бы не столь страшно, сколь неудобно перед остальными. Будто он открыл бы прилюдно какую-то нехорошую страницу моей биографии. Мы поднялись этажом выше, в его кабинет. Анализы, копии, выписка из истории болезни. Ещё надо было поговорить для приличия да узнать что-то полезное насчёт дальнейшего существования. Удачно задел тему докторской диссертации: о проблемах защиты, нехватке времени и т.п.

Вроде как разговорились. Но все время маячило передо мной какое-то чувство зависимости, как будто я подлизывался, мол, чтобы не изменил диагноз. На обратный.

— Что же, доктор, посоветуете принимать из лекарств?

— Есть такое средство «Виброхелс», попробуйте. Кажется, итальянское.

— Что-то меня настораживает сочетание латыни и английского, похоже на «Гербалайф».

Он как-то потускнел и стал смотреть в монитор компа. Мне показалось, что он хочет уточнить в интернете координаты производителя сего чудо-средства. Он смотрел, я ждал. Молчание затягивалось. Я поднял голову и в стекле шкафа увидел отражение экрана. Он раскладывал пасьянс на зелёном поле. Я тихонько встал и отклонялся. Начал перемещаться к двери и, как бы наблюдая себя со стороны, увидел, что похож на лакея, который пятится, выходя от барина. Вот уже и на улице. Фу, свободен! Осень так хороша. Хотя и поздняя уже.

Не подтверждение плохого
Прогноза. Совсем новая жизнь.
На пару часов.

ЦИКЛИЗМ

Почему-то мы все предпочитаем жить в циклическом времени. Хотя и повторяем сто раз и про реку, в которую нельзя войти дважды, тем более — трижды, нас совершенно не смущает, что вокруг всё сплошь и рядом повторяется. День — ночь, день — ночь, утро. Новый год — Старый Новый год — лето, опять — Новый год. Думаю, если бы мы действительно умели жить в равномерно движущемся времени, мы бы меньше боялись смерти. Круглый циферблат неумолимо перебирает чётки времени. Бусинки циферблатов. Текучее время безразлично ко всему, в том числе и к нам, циклическое же с жесткостью напоминает нам о конечности этих циклов, потому что они перед глазами, очевидны, в отличие от Реки Времени.

Лист упавший похож на лодочку.
Хотел уплыть, но так долго
Кружится в водовороте.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Завещав такой же способ ухода туда, я стоял в бетонной раковине крематория, рассматривая железную решётку в полу, находясь ещё здесь. Вот так же кто-то будет стоять и смотреть в пол, на этой, уже ненужной и неинтересной церемонии, а все эти кванты света, которые отражаются от этой ржавой и затоптанной решётки, которые, собственно, и создают её зрительный образ, будут пролетать уже мимо. Меня — да, а кого-то — нет.

Сколько прожил, но не решил —
Забрать этот мир с собой
Или пусть остаётся

ОТЧИЙ ДОМ

Ты возвращаешься в свои родные места и видишь, что дома, в котором прошло детство, уже нет, не существует. Что в голове, что — на душе? Такое простенькое начало рассказа пришло, когда я проходил улицей и увидел на доме №114 табличку над подъездом. У нас тоже был домик под номером 114. Уехав учиться, закончив своё детство, я ещё некоторое время получал письма с обратным адресом «дом 114». Там мои письма получали отец и мать. Потом и они уехали. Так много людей движутся по своей траектории, не совершая никаких циклов, никогда не возвращаются в «то место», чтобы воскресить «то время». Да и нет, вроде бы, в том ничего страшного. Дома моего больше нет. Растворился просто-напросто во времени, не осталось и следа, даже в виде фундамента. Много лет прошло, и за домом, которого больше нет, вырос уже целый молодой лес. Был луг, есть лес. Но луга почему-то жаль. Потому что лес, он чужой, а тот простор был мой. Он исчез, значит, и я исчез.

Солнечный мир ушедшего детства.
Почему — только лето, солнце, жара?
Нет, милы и растаявшие сугробы.

БУДДА

Много лет по утрам я делаю гимнастику Ци-Гун. При моем складе характера, педантично-занудном, это несложно — повторять каждое утро одну и ту же процедуру. Но со временем она тоже трансформируется. Думаю, что уже только в некоторых деталях соответствует той самой прописи Ци-Гун, которую почерпнул когда-то из одной старой переводной брошюры. Сейчас этих книг так много, да и учителя можно легко найти в интернете. Но я обхожусь самодельными вариантами. Что главное в Ци-Гун? Тело, точки, каналы. Я, например, чту точку Бай-Хуэй, на темечке. И вот, когда ты делаешь семь вращение пальцем правой руки, прижатой пальцем левой руки, по часовой стрелке, а потом семь вращений против часовой стрелки, наступает момент встречи с Буддой. (Конечно, в настоящем Ци-Гун этого нет, причём тут Будда до китайской гимнастики?)

Я развожу руки и изображаю на лице улыбку, вернее полуулыбку Будды. Зимой мне виделось так. Огромная золотая фигура возникает не то передо мной, не то подо мной, а я лечу. Странно, но лес, который её окружает, совсем не тропический, а тайга, редколесье. Эта вынужденная, как атрибут, отдельное

упражнение, полуулыбка очень мне помогает. Я говорю себе: «Я живу!». Я развожу ладони как индийская танцовщица, и в руках у меня оказывается цветок лотоса. Иногда видится, что вместо лепестков маленькие ладошки, может быть, детские. Руки опускаются вниз и собирают большую каплю чистой воды, и я переносу её в горсти вверх, и она льётся долго в какой-то сосуд, в виде то ли большого древнего кувшина, то ли в виде моего собственного полого тела. Вода начинает кружиться и омывает стенки сосуда, и смывает все ненужное. Какие-то ненужности скапливаются и крутятся на дне, как чайники на дне стакана. А потом они сбиваются в тёмный комок и улетают куда-то в космос. И я этим управляю, обычно направляю все ненужное в Черную Дыру.

Моя бабушка, как я помню, каждый вечер наивно и горячо молилась, повернувшись в угол. Не было икон в нашем доме. И приходил ли к ней Бог, и в каком обличье, я не знаю. Она просто молилась, выполняя свой незыблемый долг.

Как прост этот мир
Наивного человека.
Спокойна душа.

КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ ПЕРИОД, ИЛИ КАРБОН

Гигантская стрекоза летела то плавно, то стремительно, летела — как хотела. Потом села на ствол лепидодендрона с чешуйчатой корой. Ей надо было отдохнуть, да и спокойно съесть небольшое карбоновое насекомое. В лесу почти не было тени, да и во всём лес был странный, скорее болото, вертикальноствольные мангры. Тут и там торчали упавшие стволы, и дно этого болота было выложено этими стволами. Солнце садилось. Хорошее время для охоты стрекоз.

Такое видение представлялось мне, когда я складывал дрова, перетаскивая их уже в двадцатый раз из одного угла садового участка в другой, уже, как мне представлялось, на последнее место — под специально построенный навес. Их было довольно много, а печку на даче топили так редко, что подумалось: самые нижние и дальние слои достанутся, видимо, правнукам. Я трудился, как в каменноугольном периоде, запасая топливо для будущих поколений. И я почувствовал себя таким же счастливым, как та стрекоза, она была частью той же ископаемой экосистемы.

Хорошо оставить потомкам
Немного солнца.
Вспыхнет огонь.

УХОДЯЩИЕ ЭПИСТОЛЫ

Саше из архива

Как загадочно, таинственно и в то же время интимно, закрыто вовнутрь себя выглядит эта пожелтевшая пачка писем на столе архивариуса. Моя новая знакомая Саша ещё так молода, чтобы чувствовать эту желтизну времени, она просто профессионал, занимается архивом. Эти старые страницы хранят нажим пера, душевное состояние, никому уже не нужную и непонятную информацию. Это материализация души и времени. Я пишу другу — и клавиши щелкают, а на экране выстраиваются буквы, механически похожие друг на друга, как песчинки. Пустыня, которой не суждено ни сохраниться, ни, тем более, ожить. Сервер (что это за механизм и где он вообще?) будет хранить даже не их, а эти сочетания 01101011100010101101, потом и они исчезнут. И уйдёт этот культурный слой, даже не оставив пепла. Никогда не станет ископаемым чувством, фоссилизированной душой, ископаемой любовью.

Это для молодого поколения: стоит написать в жизни хотя бы одно письмо. Маме, на бумаге.

Что за след на этом
Пожелтевшем листе старого
Письма? Может, это слеза?

ТОКАЙДО

Тридцать восьмая станция дороги Токайдо называлась Окадзака. Расположена на месте слияния рек Охира и Ясака. Эта местность связана с именем основателя сёгуната Токугава. На гравюре Хиросигэ — река, тростники, горы вдали, мост. Четыре путника, лошадь. Два плотогона.

Станция Мышанка на дороге от Гомеля до Бреста. Ближайшие деревни — Старые Кацуры, Новые Кацуры и Беседки. Военный городок на речке Тремля (был когда-то, но вряд ли при любой милитаризации возродится). Железнодорожная насыпь. Небольшой фермовый мост через речку (был когда-то, теперь железобетонный). Кусты в пойме. Много лет назад это пространство казалось мне более организованным, там было много тропинок. Странно — людей было, в общем, немного, а тропинок — много.

Думаю, это все можно было бы также изобразить, как у Хиросигэ. Выйти из мира обыденного в мир в чем-то условного отображения. Скажем так — лирического. Теперь уже — ностальгического.

Когда речка весной разливалась, цветущие кусты ивы плавали в воде, как огромные утята. А на тёплые камни возле моста выползали греться длинные, черные жёлтоухие ужи.

Вот картина, пейзаж,
Гораздо ярче оригинала.
Во что же я больше влюблён?

МАЛЕНЬКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Правый берег Днепра высок. Весь в цветах на горбах и в долинках. Левый берег низок, в полях (радовался бы я успехам колхозов, да нету их). Скучно ехать по левому берегу. Зато приехали в музей архитектуры под открытым небом. Хаты, мальвы, колорит. Скифские бабы цементно-бетонного вида. В музее религии, в старой церкви, XVII век, которая побывала и музеем атеизма, зачем-то завёл разговор со служительницей о нецелесообразности введения христианства на Руси. А она мне такой аргумент: «А я верю в живого Бога!».

Спорить о Боге вообще
Бессмысленно и непрактично.
Особенно в церкви.

МАЛЕНЬКОЕ ВРЕМЯ И БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ

Задуматься о времени в день рождения, тем более, в юбилейный — вполне естественно. Вот я и задумался. Оказалось, что уже и десятками лет отсчитывать также громоздко, как и годами поштучно. Вот, первый десяток лет — детство. Но вокруг жизнь какая была? Пять-пятнадцать лет после большой войны. А потом что? Интересные десять лет: школа, сразу после неё — студент. Ещё десяток, закрутилось побыстрее — учёба, армия, женитьба. А потом работа. Дети, дом, какие-то вехи жизни стали расплываться. Книжку написал, ещё одну. Не вехи, а процессы. Жизнь из событий стала процессами. Правда, не продолжительными. Интересно было бы 50-летиями посчитать. Первые 50 лет учился, вторые 50 лет... Может, ещё столетиями?

Фотография на стене

Мне только 5, отцу — 38, матери — 35.

Никому неизвестно, сколько ещё непрожитой жизни.

ОСТРОВА

Я часто возвращаюсь не столько к самому рассказу, сколько к чувству большой затерянности, которое пришло от этого рассказа. Рассказ был такой. Про одного путешественника, который и сам затерялся посреди океана. Но у него была цель — добраться до суши, до материка, с другого материка. И этот материк, и тот как бы уже входили в его мир, надо было только преодолеть какое-то время, пройти через какое-то пространство. Но океан, к счастью, не пуст. Он прибыл на остров. Это тоже была земля, тоже часть цели, но только часть, это был промежуточный результат, передышка, предполагающая новую дорогу. И середина острова дыбилась огромным древним вулканом. Таким древним, что весь жар его потух. Как утихают страсти молодости в старике. А кратер был огромный, и за тысячи лет там образовалось настоящее большое древнее озеро с чистой водой, потому что воде неоткуда было больше взяться, как только из дождя. А на этом озере был остров, и жили

там люди, которые ловили рыбу и охотились на птиц, не задумываясь о том, откуда прилетали птицы и откуда вообще могли появиться в озере рыбы. И им не было никакого дела до морского побережья острова, большого острова, там более — до океана, и тем более — до материков. И эти все материки были для них такими затерянными. Мне кажется, что я стою на краю этой кальдеры, смотрю на озеро, вижу остров, весь в вечной зелени и цветах, размышляю о том, что сам собой напрашивается дальнейший сюжет о том, как появился на острове беспокойный человек и захотел он узнать, сам увидеть и берег моря-океана, и материки, и многое ещё. И почему-то этот беспокойный романтик так симпатичен, и кто-то хочет нас ещё раз убедить, что именно он симпатичен, а не простые надёжные работники, для которых горизонт упирается в стену кратера вулкана.

Мальчик, из дому убежав,
На берегу, очарован морем и кораблём.
На судне моряк сквозь слезу смотрит на берег.

ОПЫТЫ ПЕРЕМЕН

Я держу в руках книжку приятного для меня малого формата. Ричард Бах, который описал жизнь и взлёт чайки по имени Джонатан. И думаю о том, что эта повесть, может быть, стала очень важной в чьей-то жизни. Этот, ещё один лётчик, написал немало книжек и посвятил их тем, кто рождён летать. Бывают такие моменты, когда становится вдруг ясно, что ты идёшь не по своей дороге. А где своя? И тогда на помощь может прийти учитель. И кто-то прочитает «Чайку Джонатан». И кто-то увидит и поймёт, что полет ему необходим. Не обязательно — на крыльях.

Но я стоял и думал, что уже никакая книга не перевернёт мою собственную жизнь. У меня уже так мало шансов встретить человека, знакомство с которым могло бы круто изменить её. А что могло бы перевернуть, кроме насилия, вроде болезни или тюрьмы, или войны, или экологической катастрофы? Оказалось, что список нарушающих факторов не мал, но это были не те повороты судьбы. Не созидательные.

Был, правда, один вариант, может быть, самый реальный, это смена способа зарабатывать деньги. На жизнь.

Опыт жизни чужой
От Библии до Капитала.
Но копия невозможна.

ЭПИГРАФ

Life does not mean to wait until the storm has passed, but to learn to dance in the rain¹.

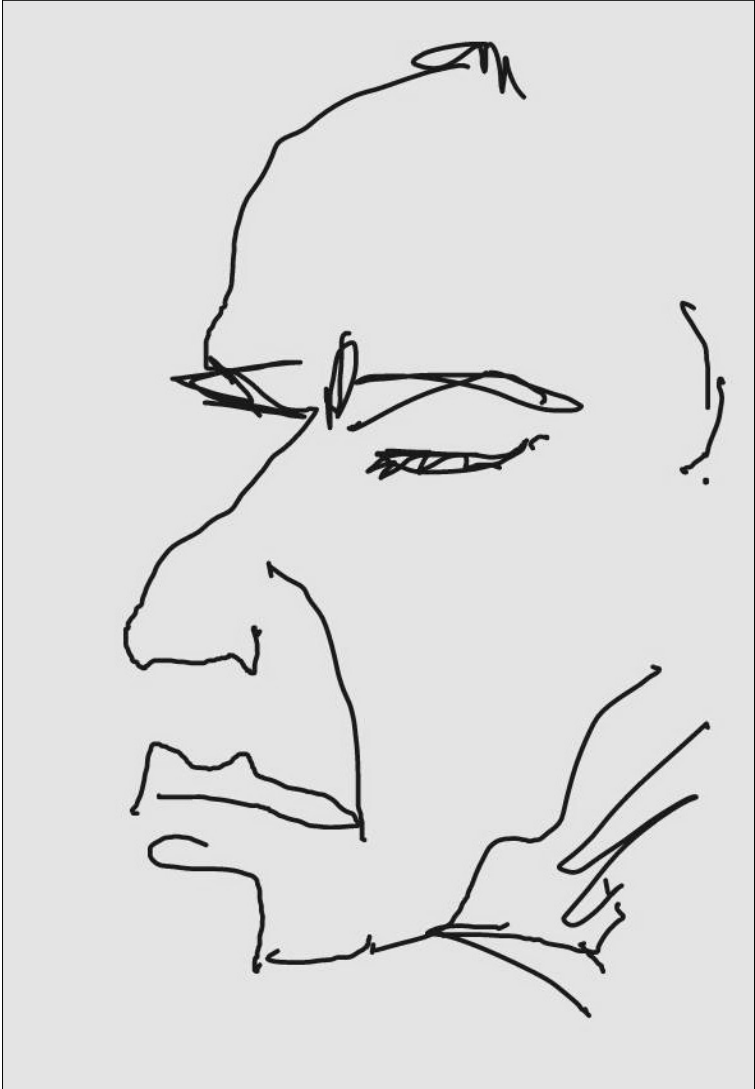
Эту фразу, неизвестно кому принадлежащую, прислала мне моя подруга Христиан из швейцарского города Цюриха. Эта фраза относится к тем сентенциям, с которыми спорить сложно. Но дожди бывают разные. Как, впрочем, и танцы. Дело, конечно, не в погоде. Это простенькое иносказание надо понимать так: автор принимает такую концепцию — лучше гибкая адаптация, чем долгое переживание неблагоприятных условий в криптическом состоянии. Вот так интересно — поначалу мы определились с этой сентенцией как с бесспорной, а теперь уже видим два варианта, которые, по сути, равноценны.

Получил от Христиан письмо. Её машина была спрессована между двух грузовиков на дороге. Долго лежала в больнице. Через год получил письмо от Христиан. Онкология. Курсы лечения. Борется.

Где тут дождь и что с ним делать?

Дождь по стеклу. Ночь.
Капли, как слезы.
Вижу в окне отраженье.

¹ Жить не означает ждать, пока шторм пройдёт, но учиться танцевать в дожде.

НУМЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Просыпаясь, я смотрю на часы, такие себе, китайские, с радио, довольно страшного дизайна. Стоят на шкафчике под окном. И если уж светло за окном, то цифр этих электрических ни черта не видно. Но увидев в часах и минутах семёрки, или, начиная складывать: 6.42, в сумме 12, прихожу к прогнозу, что день будет удачным (может, потому что первой эмоцией дня была радость от такого совпадения).

Потому что я верю в числа. Также, когда и ложусь спать — смотрю. Вообще-то, имею план лечь в одиннадцать, но редко удаётся. Залезаю под одеяло и уже поёживаюсь, осень началась, предотопительное время. Увидел на часах 23.77... О! Прекрасная же нумерология. Хотя остался налёт какой-то неуверенности. С тем и заснул. Спал без сновидений. Хорошие приметы сбываются. Числа вообще не обманывают!

Ходики на кухне
Тикают так мирно.
Музыка детства.

СТАРЫЙ ДОМ

Улица темновата. Хорошо, что по ней проходит маршрут троллейбуса, вверх, к Владимирской. Иначе, кажется, заглохла бы, забитая припаркованными машинами, закупорилась бы транспортным тромбом. Дома прилеплены друг к другу. Старые, в основном, поэтому тротуары тут и там перегорожены строительными заборами. Стою перед одним. Вечер. Ни одного троллейбуса, как бы привета с недалёкой главной площади, не прошло мимо. Дом когда-то, в начале XX века, был, наверное, красавец, как и вся эта тогда тихая улица. С удивлением пересчитал этажи — пять, а уходит ввысь, как современные о девяти. Какие чудесные стандарты высоты потолков были! Стиль — умеренный модерн. Эркеры, высокие, строгие окна. Пуст. Строгие пропорции окон подчёркнуты чернотой, без стёкол. Угрюм дом и беспомощен, хотя и висит на нём охранный доска — памятник то ли истории, то ли архитектуры, 1913 год. Но одно окно на втором этаже светится, даже видны кроны монстеры и фикуса. Дядька вышел из парадного, какой-то железной дверью прикрытого. Жилой мёртвый дом. Может, это сторож дома? Или упорный жилец, который не хочет расстаться с вековыми традициями центра города? Что это — счастье своего дома, случайный островок среди разрухи? Ему, видимо, всё равно — идёт ли за стенами дома революция, гражданская война, индустриализация, освоение космоса.

Старая улица.

Старый дом.

Старый вечер. Стою один.

ХАЙБУН О МАЛЕНЬКОМ МИРЕ

В комнате моей поздней осенью немного света. Но достаточно, чтобы в полдень не включать настольную лампу. Я вижу полки, целая стена полок и целая стена, соответственно, книг. Посередине, в большом квадрате, который эти полки образуют, рублёвская «Троица» хорошей ГДРовской печати советских времён. Таким образом, ряды книг создают нечто вроде большой рамы вокруг иконы. Вот какой символ культуры получился: религия, книги, искусство.

Маленький мир
С репродукцией на стене.
Свет осени далеко, за окном.

НА ОДНОЙ НОГЕ

Откуда-то с кухни доносились звуки фильма: урчало, вскрикивало. Интернетовское кино шевелилось в планшете, создавая некий фон для кухонной деятельности жены. Вырывалось и нечто связанное. Женский голос: «Ты пьян. Смотри, полиция, сейчас тебя остановят». Полицейский: «Да вы пьяны! Станьте здесь! Поднимите руки. Закройте глаза, достаньте кончик носа указательным пальцем. Нет, носа! Пальцем! А теперь станьте на одну ногу. Закройте глаза». Слышится звук падающего тела. Хорошее упражнение, подумал я. Для улучшения равновесия. Я заметил, что в походке моей стала доминировать какая-то латеральная составляющая — то в одну сторону, то в другую. Приходится постоянно держаться какой-то намеченной траектории усилием оптического контроля. Утром попробовал: встал на левую ногу, закрыл правый глаз. Одинокая опора стала шататься, как помпейская колонна при землетрясении. Пришлось, как взлетающему буревестнику, расставить руки и нервно махать. Продолжил упражнения. Через несколько дней стабильность стала налаживаться. Мог досчитать аж до 70. Стоял, считал, махал. И наблюдал дальние, яркие в тёмном ещё зимнем утре огоньки. Но стоило закрыть или хотя бы прикрыть оба глаза, вся колонна рушилась вместе с портиком и крыльями. Неравновесно было даже на двух ногах. Это как во всей жизни. Мы стоим, пока есть какой-то ориентир. Земной или космический, или в голове, может, мечта, может, надежда. Или как мама в детстве. Или как отец.

Мерцает холодная звёздочка.
Цепляюсь за неё,
Чтоб не упасть.

ТРОПИНКИ

Трудно сказать, какими путями это приходит. Когда начинаю бороться за сон и повторяю себе мысленно: спать, спать... отгоняю какие-то воспоминания, печальные и нерадостные, приходят ко мне тропинки моего детства. В нашем маленьком городке асфальта было всего три дорожки, проезжая дорога была вымощена булыжником, а остальное — песок да железно-твёрдые тропки летом в пойме реки. Поразительно, насколько точно вспоминаются все эти эфемерные, казалось бы, пути, но и почти вечные, потому что каждый год они воскресали из-под снега. Тот же песок и та же земля. Вечность их определялась вечностью устремлений: от дома к магазину, к почте, к школе. И обратно. Или, петляя вдоль меандров речки, от села — к городку, от деревни к деревне. Мне почему-то вспоминаются не дома, а тропки между домами.

Пейзаж. Ему всё равно,
Вижу его или нет.
Радостное остаётся.

РАСКАЯНИЯ И ПОХВАЛЫ

Мой друг пожаловался на несимметричность одной вещи. Его мучили большие и маленькие раскаяния за разные нехорошие дела, которые он совершил в жизни. И было вполне возможно составить этот неприятный для него список. Они были конкретны, и вина за них была ощутима. Но были же и хорошие дела, а перечень их был какой-то расплывчатый, неосязаемый, неточный. Он помнил свой неприглядный поступок с украденными дружкой Генкой у соседа патронами (но он же его, Генку, не выдал!), помнил, как они залезли пацанами на какой-то полузаброшенный военный склад, как он из-за глупого хулиганства чуть не сделал калек какой-то незнакомую девочку. Помнил какую-то неудачную любовь и своё бегство... Немало накопилось за жизнь маленьких и больших подлых поступков. И он сейчас видел, как они дурны. Но что же хорошие? Что было положить на вторую чашу весов? Хотелось бы уравновесить, более того — превесить эту кучку похожих на тяжёлые тёмные камешки горой, пусть даже и не сияющих добродетелью, но благих дел. Но всё было смутно и ни в какую кучу не собиралось. Вспомнил только, как давно, будто в какой-то другой жизни, он сильно переживал за одну девочку, которая заболела, и он ушёл к далёкому болоту, нарвал и принёс ей большой букет жёлтых ирисов. И больше ничего не приходило на ум. Он никого не вытащил из пожара, не защитил страну от врагов, правда, несколько раз повезло не взять греха на душу.

Считай свои камни грехов.
О добром
Вспомнят другие.

ПСИХИЧЕСКАЯ ГЕРОНТОЛОГИЯ

Изучение старости имеет немалое значение, ибо изучение терминальных процессов проливает свет на сущность подготовительных. Отсутствие у старости будущего объяснения не подлежит. Но наткнулся на сентенцию и всплеск эмоций в связи с прозрением: «Что молодость кончается, известно всем, но и старость кончается!». Старость — это ещё и сортировка персонажей снов. Кто это приснился? Кто из них ещё жив, а кто ушёл? И не зовёт ли с собой?

В этом спектакле было множество персонажей.
Но некоторым казалось, что это репетиция.
Сон под утро.

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

Стол мой рабочий весь в таких квадратных бумажках — заметки, напоминания. Сделать то, позвонить тому, не забыть про чей-то день рождения. В каком-то смысле — дань склерозу. Забыл, запомнил, пропустил, упустил. А тут — ничто не забыто, и почти что никто. Жизнь от пункта к пункту. Но есть бумажки побольше. План действий. Вот, в воскресенье, тоже поджидает план действий, написанный ещё в субботу. Написать письмо, убрать снег от гаража, подготовить доклад. Детерминизм, с одной стороны, и отступление, сокрушительное поражение хаоса, с другой. Всё бы хорошо, только плодятся эти бумажки как-то сами собой. И тогда приходится с ними бороться. Переорганизованность системы.

Звёздная пыль
Сгущалась в планету, был ли
Известен тогда маршрут континентов?

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Приехал на дачу Демьян с мамой. Вернее — мама с Демьяном. К бабушке с дедушкой, то есть к нам. Учится ходить, как двуногий человек. Пока получается только за ручку. Ножки слабые, ботиночки тяжёлые. Последний раз (пожалуй, и первый) приезжал прошлым летом. Месяц ему был или два. Он и сейчас не всё понимает (как мне кажется, может, я не прав), а тогда вообще постэмбрионом был. Мы ему пророчески говорили: «Вот приедешь через год на дачу, уже будешь ходить и рассматривать цветочки!». Вот, приехал. Уже и на качельке катается, ему нравится. И я ему говорю: «Вот приедешь через год, будешь уже нам рассказывать, где был, что видел. Тебе будет уже почти два года!». И подумал, что будет он вот так приезжать — и будут ему говорить: «Вот приедешь через год, будет тебе 19. И будешь ты...»

Откуда мы всё это знаем?

Дачное время.

От лета до лета.

Было ли много снега зимой?

УДВОЕНИЯ

Когда я читал у Мелвилла, как снаряжали корабль в китобойную экспедицию, мне это было очень близко: всего бралось по два. Всё для надёжности дублировалось. Один только капитан Ахав был совсем один. Можно понять, уходили надолго, в пустынные моря, и не от кого было ждать помощи. Рассчитывать надо только на себя. Но почему у меня всё удваивается? На работе два компьютера, дома тоже два, и третий, запасной. Веду два дневника — один по работе, другой — для жизнеописания. На даче было два велосипеда, но только из-за дефицита места пришлось один продать. Два телефона, в каждом по две симки. В чем-то это удобно. Но боюсь, что переоцениваю своё одинокое плавание. Да и можно ли достичь этого чувства надёжности жизни материальными средствами? Чувство надёжности вытекает из безалаберного отношения и к возможным проблемам, и к здравым советам. Это внутренне чувство. Жизнь внешняя ненадёжна по определению.

Надёжность, надёжность...

А не надо дразнить

Моби Дика!

КНИЖНЫЙ РЫНОК

Олегу Никофу

Легко сказать себе: «Не проходи мимо, собирай в свою авоську впечатлений всё, что может потом пригодиться». А что собирать, если вроде ничего не происходит? Ничего особенного — поехал на Петровку, «Книжный рынок», ряд 100, место 10, к Олегу, забрать журнал один странный. Странный — потому, что ни издательства, ни тиража. Полный андеграунд. Катакомбная культура. Постояли на вечернем воздухе, покурили. Потрепались, правда, в одни ворота, Олег слова не даст вставить, у него масса идей, впечатлений и информации. Например, о том, что этот рынок уже почти покойник. Тут Олег в оценке ситуации и последствий для общества очень даже прав, это действительно, пласт культуры, только вполне наземный, хотя и не вечный. Рынок, по его расчётам, приносит хозяевам немалый доход, но у кого-то доход ещё больше. Поэтому вместо пласта культуры будет здесь пласт торговли. Надо же как-то поддержать китайского производителя! Да, ну и что про это писать? На месте каждого торгового центра когда-то что-то было. Всё-таки у этого «что-то» есть некое разнообразие. И тут есть чем впечатлиться. Всплыло, как меня однажды удивила одна деталь, в одной книжке знакомого литературоведа, его герой в XVI веке бродит в Москве по каким-то книжным рядам — литература начиналась с букинизма! — или вспомнился

Хемингуэй, как он нежно описывал свои прогулки по книжным развалам под мостами Сены. А ещё пришла на ум история библиотеки евреев в польском Тыкоцине, которую сначала забросили, по причине холокоста, читать стало некому, потом сожгли, а что не сгорело, утопили. Потом один скульптор сделал много керамических книг, очень похожих на старые фолианты, я был на этой выставке в Галерее «зб», на Андреевском, только читать эти книги было нельзя. Я представил себе исход вот и с этого места. Те, кто торгует книжками прямо из типографии, они чем-то сродни всё тем же торговым центрам, погрузят свою литературу, да и перевезут в какой-то другой магазинчик, а может, и в сам центр. Но вот эти горы, полки, стопки антиквариата, старых книг — бросят, сожгут, утопят? Ничто не вечно, но иногда оказываются важны формы невечности.

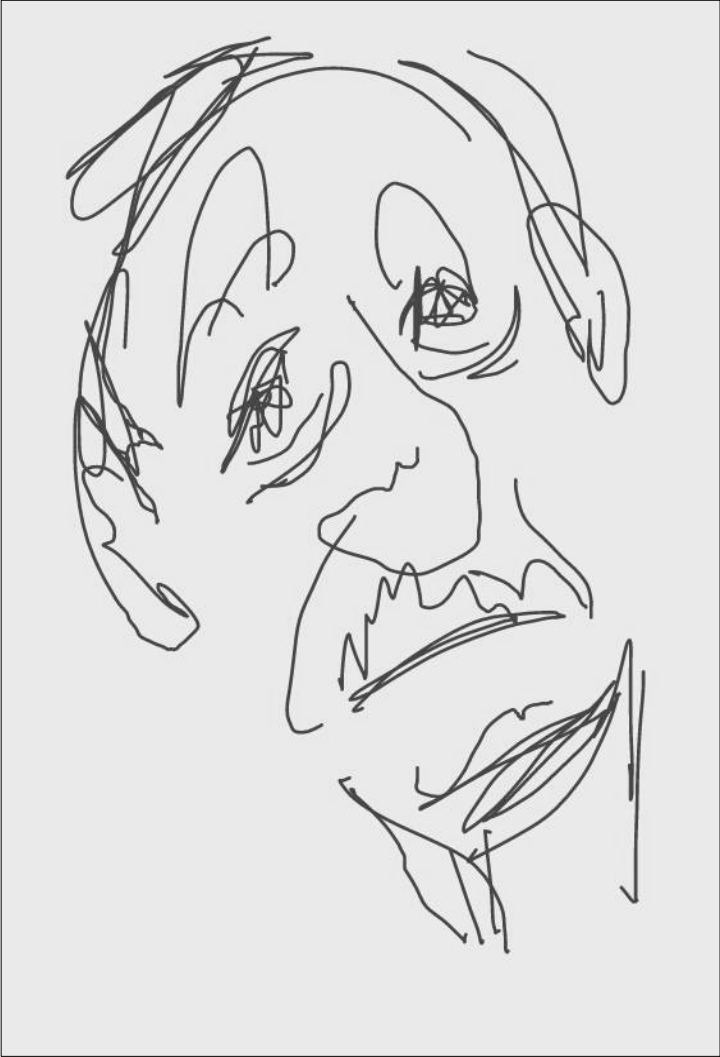
Когда распрощались, зашёл в просторный павильон по пути к метро. Ой, как их много, этих книжек! Эх, в моём бы детстве — хотя бы сотую часть такого богатства! Но как-то ничего не купил, не нашёл ничего интересного на своём, родном языке. Да, вообще-то, с этими самыми пластами культуры надо что-то делать. Они же сродни тем пластам, по которым текут подземные, андеграундные воды, и от их пересечений зависит, будет ли струиться жизненный родник, видимый на поверхности.

Может, и правда — настала
Эпоха книжного холокоста.
Только Нью-процесса не будет.

КАЛЛИГРАФИЯ

Если пишешь дневники, то собрать коллекцию своих почерков довольно просто, даже даты есть, всё документировано. В детстве, в старших классах и так далее. Но только что за этим стоит? Просто след пера, оставленный на бумаге? Такая сложная система: глаз-бумага-ручка-мышцы-разнообразные закорючки. И за каждой может быть и звук, и слово, и целая мысль. С возрастом, казалось бы, писать сложнее, а, может быть, скучнее. Почерк должен становиться более небрежным, более неуверенным. Но я заметил и обратное. Почему-то стало приятным делать округлые завитушки у «З», вырисовывать асимметричное насекомое «К», я стал ставить точки над «Ё», заставляя заглавные буквы задуматься о красоте барокко. Может быть, это было оттого, что корил себя всю жизнь за небрежные и неразборчивые записи. Приду в магазин, а весь список, что купить, прочитать не могу, выхода нет — или запоминать, или разборчиво писать. Что, тогда и всю жизнь свою запомнить, если дневники записаны некаллиграфическим почерком? Но оказалось, что перечитывать не очень-то и хочется. А уж потомкам будет и подавно. Тогда какой смысл в каллиграфии? В ней вообще преувеличен конечный результат, а всё дело в упражнениях: глаз-рука-перо.

О, братья мои, Великий вождь
Гайавата дал нам письмо.
Кто же теперь нарисует берестяное каноз?

НАПУТСТВИЯ

Вечер. Уже явно повернуло на весну, хотя вроде ещё и рано, февраль. Двадцать какой-то год после начала двадцать первого века. Улица и городские огни, которые видятся именно как огни, будто они сами по себе, а свет сам по себе — свет, в котором видна какая-то совершенно безразличная мне перспектива улицы. Как это иногда бывает, звук или запах — почему-то чаще запах — вдруг замкнёт какие-то цепи памяти, и ты уже не можешь понять, где ты и что за время вокруг. Кто ты? Что-то есть в этих зимних вечерах, когда в воздухе вдруг нет-нет да и уловишь нечто весеннее. Но что можно уловить, если город, и какие-то машины снуют, это, скорее, улавливается тиканье внутренних часов, нет, скорее, шуршание календаря. Такая же зима, с весенним акцентом, много лет назад, и это я иду, может, из школы, может, из библиотеки. Тогда тот мальчик гораздо ярче чувствовал и дыхание весны, и свет одиноких

фонарей, и приближение к дому. Впереди у него, и я это точно знаю теперь, шестьдесят лет жизни, и, в общем, я одобряю все выборы, которые ему ещё предстоит сделать в эти десятилетия. Сейчас я размышляю, какое бы я мог дать ему напутствие, для меня вся его будущая жизнь — открытая книга, правда, некоторые страницы порядочно истёрлись. Долго листал, но как-то ничего не придумал кроме как дать совет: «Когда ты через четыре года, четыре месяца и пять дней будешь идти летним вечером со своей одноклассницей Томкой, а из встречного позднего мрака выскочит хулиган (и, как оказалось, ревнивец) Генка, как-то подло, исподтишка врежет тебе под правый глаз, ты не струсь, а дай ему в нос, у тебя на тренировке хук левой хорошо получался, а потом ещё добавь апперкот с правой!».

Что там созвездья?

Заводят ли хоровод весенний?

Тучи лишь и серебряные облака.

БЕССОННИЦА

Бессонница — это, конечно, болезнь, причин у которой множество. Хотя это ещё достоверно не известно, что хуже — расстройство сна или расстройство бодрствования. Проснулся, два часа. Посмотрел в окно: за окном снег, фонари и светло от снега. Вчера вечером было всё черно, значит снег выпал ночью, может быть, в бессоннице виноват снегопад, некоторые же не могут спать, когда полная луна. Но снегопад-то я проспал. Потом лежал, обдумывал вяло какие-то неприятные старые, сто раз передуманные мысли, разгонял, как жирных мух, стаю унижительных воспоминаний. Слушал, как сопит во сне жена. Может, и у неё бывает бессонница, только никогда не совпадает. Это не совпадает, то не совпадает. Но когда совпадает, это хорошо. Мой друг живёт один, хотя и не в разводе с женой, но один. Жаловался мне, что плохо спит, с перерывами, особенно в городе, где мало дел для активного пенсионера. Встаёт, два часа ночи с половиной. За окном снег, но ещё вчера шёл дождь, и земля была как асфальт, такая же чёрная. Опять ложится, разные мысли, если бы не эти мысли, то можно было бы просто лежать и считать, что спишь. Тихо. Никто не шуршит, никто не сопит, как ребёнок. Никто не спит. Спит, наверное, кот, но кот на даче живёт. Опять мысли, надо поехать кота покормить...

В бессонную ночь падал снег.
Надо было полюбоваться.
Утром — дождь, и опять черно.

ПОДПИСИ НА КАРТИНАХ

То ли у Моне, то ли у Ренуара была пленэрная работа под названием «Прачечная». Я только слышал, но сам не видел. Название такое потому, что за спиной художника действительно была какая-то прачечная на околицах Монмартра. Географически всё выдержано, если бы у художника был ДЖиПиЭс, то можно было бы просто проставить на картине координаты. Не менее поэтично было бы. В один ветренный день остановил меня целый строй ярких жёлтых берёз. Ветер выкладывал гибкие ветки красивыми параллельными полосами, трепещущими лентами. Яркое небо и свет особенно оптимистичны в осенний ветренный день. Это целый пласт настроений — тихие дни осени, как у Левитана, или мелькание листвы, рябь на серой сверкающей под солнцем воде, тревога какая-то, как в юности, перед важным шагом в страшное будущее. В общем, получился яркий такой этюд, небо мелькало, между желтизной листьев сквозило синим. Даже обрамил потом, широкая рамка, хотелось, может быть, кому-то подарить. А кому можно подарить, если на обороте написано: «У кладбищенской ограды, 24х30. к.х.м. 2021»? С совершенной точностью привязки к местности, действительно, за берёзами была ограда и какое-то загородное кладбище.

Бодрый осенний контраст,
Располагающий к быстрому взгляду.
Солнце и ветер холодный.

ПЕРЕПИСКА

Писать о месте, находясь в нём, так же, как и писать о времени, проживая его — дело рискованное. Потому что ты ещё не осознал чего-то важного, может быть, потерь, может, приобретений, прибыли и убыли. Но я закончил писать про это место — и захотелось поделиться, захотелось общения. Тогда я послал свои эмигрантские записки Олегу, душевному поэту и хорошему человеку. И он меня порадовал своим старым трёхчастным маленьким эссе, в котором была его история, его бега, передышки и возвращения. Он многое узнал и понял, скорее — почувствовал, он же поэт, поэтому мог писать:

«Дорога домой — возвращение к смыслу. И, кажется, сейчас увидишь себя, того, каким был в день отъезда. Стоит ступить только на ту улицу, которую помнишь особо. Уже не танковым траком лязгают шлагбаумы, а в ритм с сердцем перестукиваются колёса вагона — трепетно, почти неслышно...

Прости меня, мой город...
... я кажусь восходящим
На эшафот
Начала разумной жизни
Неандертальцем,
Который, придя к жилищу,
Безмолвно взирает
На след бушевавшей стихии».

И я ему написал: «Дорогой Олег, множество чувств пробудил ваш триптих. Даже, наверное, подлежат какой-то классификации. Обрадовало и поразило созвучье потерь, как оказалось, и у меня и у Вас, это целый пласт понятий, от потери перочинного ножичка в детстве до потери Родины, даже и без всякой физической миграции. Вы поэт — и форма триптиха поэтическая, мне эта форма очень близка, это Басё, это хайбун, но не мне Вас хвалить. Душа ищет связей, избегая отчуждений, посему выискивал нотки оптимизма в отчаянии: уехал отчуждённо — прижился — затосковал — вернулся — обрёл покой».

Мысль возникла навязчивая, но в корне неправильная: годы, посмотри какие годы этого триптиха, мне тогда было 40, а Олег совсем молодой был, хватало времени и на тоску, и на реабилитацию. (Правда, один биолого-исторический нюанс — это мы теперь знаем, что ВПЕРЕДИ было ещё 30 лет, как онтогенеза, так и истории!) Как показал опыт Олега, 4 года — подходящий срок для пестования тоски, а тут только 4 месяца прошло, осталось ещё 44, а пока чувство утраты доминирует над чувствами, похожими на надежду.

Как хочется соединить эти миры — стиха, музыки и быта, работы ради хлеба. И ничего не получается. Это рождает тоску. Потому, наверное, родился совет: Пойди в собор, да и помолись!

Чувство потери должно быть
Со знаком плюс: раз потерял,
Значит, что-то имел.

ПОДДЕЛКА

Был один из тех дней осени, которые могут запомниться надолго. Запомниться ничем, никакими деталями, просто день, немного туманный с утра, немного солнечный к полудню. И буйства этих горячих цветов никакого нет. Есть тихое увядание, когда понимаешь Аполлинера: большая прекрасная осень... Странно получилось: поехали на пленэр вдвоём с Вовкой, как будто вспомнили давнее-предавнее время, ещё студенческой жизни. Мы как-то тогда, было лето, расположились на Гончарке, пустые улочки, жаркий день.

— Вы что, городские художники? — спросила одна единственная дама, бредущая куда-то в сторону Житнего рынка. И ответа ей не надо было никакого.

А сегодня осень, и годы прошли. Неужели мы чему-то научились? Никакие мы не городские художники, да и вообще не художники. Просто сегодня хороший день, а мы рады, что есть ещё желание и силы выбраться на пленэр.

Говорить как-то не о чем. Каждый своё малюет, только сюжет один — речка, кусты почти без листвы, дальний лес, который всегда синее, хоть зимой, хоть летом.

— Ты же Мишку помнишь? — похоже, что мой друг над чем-то размышляет, с желанием поделиться. Глаза смотрят то на этюд, то на натуру.

— Ну, да, правда, давно не видел.

— Вот, не могу решить, грешен я перед ним или, наоборот, сделал доброе дело.

Молчу, ожидаю. Речка блестит матово, уже как-то очень по-осеннему. Мало что отражает, кроме неба. Не знаю, уж моё ли это личное восприятие пейзажа, а может, у всех так, наслаивается на него множество чужих отражений, чужих восприятий. После нескольких картин Фрица Таулова, одного скандинавского художника, которые пришлось увидеть в каких-то музеях, каждая

речка, с водоворотом, с матово блестящей живой водой, неизбежно несёт этот отпечаток, отпечаток его способа отражения. Реальный мир и мир отражений.

— Когда он заболел, я время от времени у него бывал, — продолжил Вовка. — Сетовал он, что, вот, накопил холстов, а что с ними делать? Я ему ещё сказал, что дарить не надо, мол, подарки не ценят. Давай, говорю, я у тебя одну работу заберу, дочке на день рождения подарю, ей точно вон тот натюрморт понравится. Согласился он и даже наказывал что-то пожелательное на обратной стороне холста фломастером. Натюрморт был крепкий, в каких-то дымчатых фиолетовых тонах. Я ему говорю: «А тут, в правом углу картины, явно не хватает подписи, даже и по общей композиции хорошо бы». Он возразил, что нечем написать, красок нет под рукой, да и высохнуть же потом должна. И начал злиться: не надо никаких подписей, суета всё это! Забрал я работу, даже символически что-то за неё заплатил. И всё смотрю на неё и не могу отделаться от мысли, что подписи действительно не хватает. Вот здесь, в правом углу. Перерисовал я подпись с обратной стороны, а как-то кисть не поднимается на лицевую перенести. Будто я не восстановить справедливость собрался, а что-то украсть. Всё-таки собрался с духом да и вывел. Не отличить. Только вот не пойму, чего осталось больше — стыда перед автором или жалости, уж год почти из дома не выходит, и никогда, скорее всего, он эту подделанную подпись на своей работе не увидит. И будет висеть картина, и никто знать не будет, что подделка, что это была чужая, хотя и сочувственная рука...

Я ничего не ответил, не знаю, что важнее — законченность композиции или сопереживание? Скажу вам, писать по чёрному грунту непросто. Особенно дни светлой осени. А я уж по белому и разучился. По чёрному вылезают какие-то тёмные пятнышки, зато сами собой образуются тёмные обводки, прямо как у Ван Гога.

Старость — изысканный паразит,
Как зелёная омела.
А дерево — умирает.

АТЛАНТИДА

В интернете много интересного. Вот они, на полках, вроде как существующие, а вроде и нет, журналы. Казалось бы, какая разница — читаешь ли ты на экране или на бумаге — те же буквы. Но понимаешь, что это имеет отношение к чему-то фундаментальному — ключевому вопросу философии, о материальном и идеальном. Если ты берёшь книгу в руки, значит ты материалист. Продолжая мысль, можно сказать и так: если ты живёшь в материально существующей стране, с её полями, лесами и городами, и как бы сам представляешь её материальную часть, то ты — просто житель, можно так сказать: гражданин, хотя бы и с маленькой буквы. Но если ты из той страны, которой уже нет, то ты — эмигрант, но только во времени. Если даже и в пространстве, то всё равно, родина помаленьку становится как оцифрованной в интернете. Среди этих полувиртуальных журналов попался один, под названием «Эмигрантский вестник», всё Австралия да Америка, Лондон да Париж. А как быть с Ташкентом или Бишкеком? Издавай ты хоть «Крещатик» в Нью-Йорке, хоть «Невские берега» в Кейптауне, казалось бы, что за разница, если в безбрежном интернете, но всё же не верится в космополитическое счастье. Интересные получились рефрены. Детство прошло в городке, которого больше нет. Почти полвека прожил в стране, которой больше нет. Пишу на языке, которого, вроде как, тоже почти нет. Это прямо какой-то затерявшийся в пространстве и времени житель Атлантиды.

Зачем что-то уходит?

Затем, чтобы новое появилось.

Но месту и времени это не важно.

ИГРА НА ГИТАРЕ

Когда-то, вспоминаю, в доме была мандолина. На её деке была замечательная перламутровая бабочка. Я как-то потом видел что-то похожее в Эрмитаже. Время от времени отец брал в руки инструмент и тоненько-тоненько на нём брэнчал. Никогда, в общем, никакой внятной мелодии не получалось. Но он улетал куда-то в своих мечтах, просто наслаждался звуками. Совсем недавно помер сосед со второго этажа. У него одна нога была коротковата, и он всегда, как бы исполняя какой-то долг, кормил голубей под деревьями. Да ещё собирал всякий хлам, там же под деревьями и за жестяными гаражами. Когда ему задавали вопрос: «Зачем?», он отвечал, что это всё для помощи бездомным. Может быть, бездомные тоже у гаражей ошивались, но тряпками его не интересовались. Иногда по вечерам он выходил на лавочку с баяном, обычно это было связано с определённым состоянием, под хмельком или даже полным хмелем. И в хорошем расположении духа. Играл какие-то старые мелодии. Громко, но всегда плохо. Играл для себя,

но душа, видимо, требовала и слушателей. Он сидел на лавке с закрытыми глазами, двигая мехом туда-сюда, слушая звуки, и казалось, что дом, деревья и вечер — какие-то атрибуты забытой старой истории из жизни маленького городка, в котором все друг друга знают. В детстве я хотел научиться играть на гитаре, но меня направили в кружок баянистов. Однако насладиться чистым звуком инструмента всё никак не удавалось. Когда мне было уже много лет, и наступила эпоха, когда гитар в магазинах стало несметное количество, а интернет наперебой предлагал школы и целые университеты игры аккордами, желание возродилось. Стал учиться, напевал старые бардовские песни и подыгрывал себе не очень послушными пальцами. Но иногда удавалось взять пару таких аккордов, что приходило изумление — как это мне удалось прикоснуться к такой гармонии?

На серебряных струнах
Дождь виртуозно играет.
Ему и учиться не надо.

СЛУЧАЙ С АНГЕЛОМ

Немного не так: не случай, а рука ангела. Началось с находки. Большого холста на подрамнике. Для чего я его загрузил? Была, видимо, какая-то идея. Да ушла. Без следа. Вот тебе и малюсенькая мастерская, а большой холст затерялся. Холст жил сам по себе, а натюрморт, поставленный ещё раньше — сам по себе. Глиняный, в основном. Керамическая бутылка, кувшинчик мой любимый. Много лет тому назад привёз из Грузии. Таких грузинских винных обводов кувшинчик, только маленький. Запомнился тем, что стоил 90 копеек, я дал молоденькой продавщице рубль — и жду 10 копеек сдачи. Чувствую, что ей неудобно оскорбить мужчину мелкой сдачей. А мне тоже неудобно настаивать на сдаче. Как разошлись, уже не помню. Особенности этносов: у них принято так, а у нас иначе. Рядом поставил сосуд из тыквы-горлянки, прямо как напоминание о Басё. Ещё несколько предметов. А не приспособить ли этот большой холст к этому натюрморту? Натюрморт стоит, холст на мольберте, время идёт. Потом появились какие-то

морские раковины, и откуда-то возникла мысль, что это будет картина памяти моего друга. Море как раз и было его жизнью. Что-то заставило экспериментировать с грунтом, первая попытка с серебристым и коричневым не удалась, но как-то утром при первом взгляде пришла мысль о золотом и медном. Смешивал, красил кистью, потом разглаживал акрил мастихином. Закрасил какой-то треугольник и оставил. Солнце было к закату и осветило холст сбоку, из-за туч. Вот тебе раз! Это же небо с горящим золотом и медью — просто небо над пожаром! Внизу какое-то сгущение света. Огонь, пламя там где-то, далеко. А треугольник вдруг стал перспективой домов. Там, на улице, в городе — большой пожар! Осталось только увидеть на этом фоне свой натюрморт. Чем не рука ангела? Борик погиб на одном страшном и нелепом пожаре.

Раковины на берегу
Вечного моря
Станут когда-то песком.

КОЛИЧЕСТВО И РЕЗУЛЬТАТ

Как ни жаждет душа разнообразия, вся жизнь строится на повторях. Научился чему-то в молодости, и потом всю жизнь одно и то же, день в день. Много раз. Как же насчёт закона перехода количества в качество? Он, видимо, состоит в том, что при постоянном повторении начальный результат сильно отличен от конечного. Подумал утром: есть возможность поехать куда-то, написать какой-нибудь этюд. Но мячик мысли отскочил от стенки, вернулся обратно: ну, поехать, написать ещё один, похожий на другие. Ещё один, который ничего нового не добавит к уже написанным. Ещё одну картину, ещё одну книгу. Здесь, похоже, какая-то шутка какого-никакого умения. Полученного опыта. Двойственность, она в том, что когда приходит какой-то навык, возникает иллюзия простоты и лёгкости. Опасная вещь. Но, ведь и опыт, навык для того и приобретается, чтобы легче было решать сложные задачи. Один художник каждый день писал по большому натюрморту. Можно впасть в скуку или запить. Палитра сложилась, рука сама кладёт в тени индиго или ультрамарин, может, фиолетовый добавить? Где эта грань между скукой бесконечных повторов и радостью, которая приносит свобода хорошо налаженного конвейера?

Старый мастер смотрит
На руки ученика.
Какое счастье — быть неумейкой.

МУЗЫКА

В доме у меня было несколько музыкальных инструментов. Была скрипка, на которой никто не играл и даже не пытался играть. Но она не раз присутствовала как натурщица в моих натюрмортах. У неё была жёлтая дека, но я всё время уводил её в красное. Была маленькая гитара. Мне купил её отец, когда мне было лет 12. Это был какой-то символ моей связи с его роднёй, поэтому мать невзлюбила этот инструмент, хотя сама когда-то в молодости играла и пела. Была и гитара большая. Она досталась мне как-то не очень справедливо. Мне кто-то её продал, но нашлись не то реальные, не то мнимые хозяева, однако осталась она всё же у меня. Ей много лет. И она тоже стала символом чего-то, что не радовало своими воспоминаниями. Для натюрмортов гитары мало подходили, они были слишком велики. А ещё мне хотелось научиться на гитаре играть. Давно хотелось.

Настроил гитару.
Пара аккордов.
Но музыки нет.

В КРЫМУ

Ю. Лифшицу

Коктебель. Пляж. Октябрь. Одинокие нудистки украшают горизонт. Галька. Кажется, что её бесконечно много. Но я посчитал, что на площадочке 10 на 10 сантиметров их в среднем на поверхности 12 штук, а пляж шириной 300 метров, а до той скалы 2 км, то их всего-то 32 миллиона 543 тысячи 817 штук. И если одну взять и запустить в море подальше, ничего от этого на пляже не изменится. Я почему-то вспомнил Юлия Ароновича и его патриархальную непоколебимость.

Вот галька морская.
И что бы на свете ни произошло,
Ничто повредить ей не может.

УСПЕХИ

Жарким днём брёл я по Андреевскому спуску вниз, цепляясь постоянно то за асфальт, то за брусчатку, чертыхаясь досадно и лениво. Душный воздух колебался, как над высохшим и безнадёжно забытым полем. Серо было на душе. Я тащил два больших пакета со своими картинами. Подрамники были тяжелы. Скалы на море, скрипка с яйцом в драпировках, красный виноград осенний. Провисели полгода в салоне, никто не купил. А может, даже и не смотрел. Притащу домой, будут стоять в шкафу, дождутся моей смерти и совсем потеряют смысл. Вопрос, наверное, не в том, зачем их писать, а в том — зачем их хранить? Вот, сыграл пьесу, музыка прозвучала и всё! Встал и ушёл. И от музыки совсем ничего, этого информационно-эстетического материального мусора не осталось.

Скрипка играла ярко и вдохновенно,
Но никто не хлопал.
Я взял свою скрипку,
Ушёл
Счастливым.

ЧАСЫ И ВРЕМЯ

В моей комнате трое часов. Одни под таким колпачком стеклянным, под старину, шарики крутятся вроде маятника. Другие просты по-школьному: черные стрелки по белому циферблату тихо и медленно переползают от деления к делению, от цифры к цифре, совершенно не обращая внимания на то, смотрю на них, сверяю время или нет. А третьи довольно загадочны. Мне как-то подарила их сестра, скорее не для пользы, а в качестве сувенира. Циферблат их напоминает те туристические открытки, которые в большом количестве предлагает каждый уважающий себя курортный город. Да и не только курортный. Мне когда-то прислали из Сибири открытку: морозный вечер, а на фоне заката — уходящие вдаль, в перспективу, корпуса Сургутской тепловой электростанции. Это, видимо, чтобы напоминать о Дне энергетика, который 22 декабря, в самый короткий день. И самую длинную ночь, соответственно. Вот как хочется света и тепла! Стрелок на этом пёстром циферблате

практически не видно, хотя я их покрасил золотой краской, чтобы блестели. И входят они в мой быт с громким-громким тиканьем. Чётким и несуетливым — каждый тик равен одной секунде (проверял). Я подумал: это же два типа материализации времени. Стрелка была на единице, теперь — на 2, значит, прошло 5 минут. Это — для глухих. Прозвучало 300 тиканий, тоже 5 минут, это — для слепых. Мне кажется, что второй вариант ближе к сути времени. Но если каждый новый тик такой же, как и предыдущий, откуда мы знаем, что между ними что-то произошло? В том-то и дело, что времени безразлично, что у нас тут или там произошло. Нет ничего безразличнее и бескорыстнее времени.

Но если действительно, ничего не произошло, то и времени нет?

Часы — такой обманчивый инструмент.
Хочешь почувствовать время —
Пообщайся с зеркалом.

СТЕКЛЯННАЯ ДОРОГА

В мире бывает так много несуразного, существующего против правил и логики, некоего порядка, логических схем. Но всё имеет свои причины и происхождение.

Я смотрю из окна на всё ту же равнину, которая уходит вдаль полями, плоским коттеджным городком, где нет даже возвышающейся водонапорной башни, плюшевыми зелёными посадками. Садится солнце. И к нему сверкающей, сужающейся в перспективе полосой идёт стеклянная дорога.

Блеск её в лучах заходящего солнца напоминает воду, а может быть, дорогу, омытую дождём, как в «Красных виноградниках» Ван Гога. Мокрая дорога естественна, хрустальная дорога противоестественна. Как стеклянные рельсы.

Происхождение её довольно прозаично и печально. Здесь было поле «зелёных домиков», как говорят американцы, то есть теплиц. Их снесли, а стекла зачем-то разбили, что было проще утилизации. Это, скорее, не показатель бесхозяйственности, а вроде символа безнаказанности и символа власти собственника. Над этим кусочком земли.

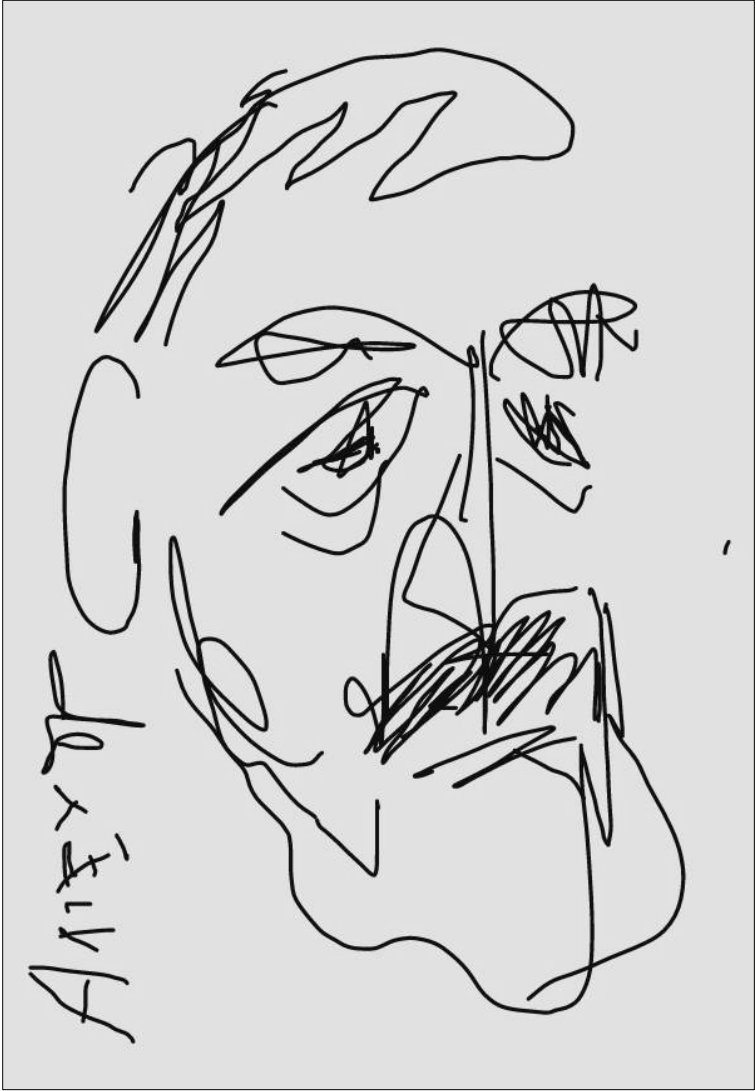
Дорога обрывается в зелени. И никуда не идёт. Это похоже скорее даже на взлётную полосу. Как прелюдия к дороге, которая продолжается уже по воздуху. А поскольку с этой полосы никто не взлетает (может, кроме птиц), то и существует

она функционально бессмысленно и странно. У стекла есть много возможностей быть полезным и красивым. Оно может течь и быть твёрдым, как кристалл. Вбирать в себя один за другим все цвета спектра и пропускать через себя все, не оставляя в прозрачности никакого следа. Мне показалось, что кто-то там, далеко, шёл по ней, и неслышимый скрежет и звон стекла были совершенно чужды этому вечеру.

И эта иллюзия несуществующего звука и пешехода привела меня к воспоминанию одного рассказа отца. В сорок пятом году в одном польском городе они шли по улице, на камни которой странным образом из всех домов с двух сторон высыпались все окна. Улица сверкала от стекла, а они шли, стекло звенело, крошилось под ногами. Скрежетало жалобно и злобно. А они шли, и в поспешии этой невозможной в мирное время стеклянной мостовой была вся несуразность и дикость войны. А ещё было радостно оттого, что можно идти, гремя стеклом, не боясь, что кто-то услышит. Кто-то с автоматом или карабином, кто может всадить в тебя пулю.

Дорога исчезала в сумерках, потому что солнце садилось.

То песок шуршит под ногами,
То липкая грязь, то камень.
Куда ведёшь ты, дорога?

СЧАСТЛИВЫЙ ГЛАЗ

Глазник, похожий больше на старого домашнего кудесника, делая пассы над глазами, — это он так давление глазное измеряет — прямо руками. Посоветовал делать упражнение для где-то там глубоко живущего своей прозрачной жизнью хрусталика: смотреть то вдаль, то рядом, то вдаль, то близко. Делаю. Начинаю с левого. Немножко имеется катаракты, но радуюсь малому, вижу переплёты окон в дальних домах. Далеко — близко, опять далеко... Но вот правый! Белые столбы вдоль дороги на стройке далеко за окнами, веточки деревьев внизу под окнами радуют своей резкостью, чистотой линий и яркостью цвета. Радостное чувство обладания неким даром, который, кажется, достался только тебе. Понимаешь, как прекрасна норма, нормальная жизнь. Ах, молодость, она не знает, что такое счастье обычного. Не с чем сравнить.

Говорят, сокол может разглядеть
Выражение глаз мыши, что прячется среди трав.
Но и мышь тоже — на лыком шита. Оптическая война.

КАРЕТА

У Акутагавы есть такой рассказ «Карета». Чтобы написать свою картину достоверно, художник попросил сбросить с горы горящую карету. Но сёгун повернул дело так, что в карете оказалась дочь художника. И художник не отказался от такой натуры, трагизм достиг высшего накала. Но не была ли эта карета для художника наркотиком, чтобы искусственно возбудить все силы. Я вспомнил об этом, когда задумался: как рассказать о чем-то таком, о чем говорить, может быть, и не стоило. И дело не в запретности темы, а в обстоятельствах.

Он увидел её, когда пришёл к администрации кладбища, вернее, к субадминистрации крематория на большом кладбище. Хотел сказать: «Здравствуй, дорогая», совсем забыв, на вы они или на ты. Провожали общего их друга. Как-то неожиданно он ушёл, хотя и прихварывал, но трудно было поверить, что хвори его доконают так неожиданно быстро. Боже! Как давно он её не видел. Она чуть пополнила, что придавало ей ещё больше прелести как женщине, не девочке. Подошёл. Привет — привет. Маленький разговор на грани светской беседы. Но голос! Голос! Он был всё тот же. Это был самый уютный голос, который он когда-либо слышал. Он был влюблён в неё уже много лет, никак этого не показывал и не признавался в этой любви никому. Любовь не то чтобы угасала со временем, но становилась какой-то музейной, как некое украшение императрицы под толстым стеклом витрины. Но когда их судьба сводила, как сейчас, всё возвращалось. Гроб поставили посреди часовни, и все стояли двумя группами. Лицо их друга было удивительно спокойным, черты лица были чёткими, будто у рошей скульптуры из твёрдого старого дерева. Будто из старого просоленного плавника, выброшенного на берег. Он лежал

в какой-то простой домашней рубашке в полоску, как если бы это было что-то временное, ненадолго. Пришёл священник, высокий красивый старик. Стал нараспев читать молитвы благородным голосом. Действо было мирным и каким-то своим, будто частью их общей жизни, которая, вот, и свела всех. Он наблюдал за ней. Она крестилась, когда крестился и поп, и делала это как-то наивно, неловко. Сама служба имела какие-то внутренние волны, какие-то пики и спады. И когда подкатывала печальная волна, она утирала слёзы. И это тоже ему в ней нравилось. Священник закончил службу свою, каким-то неожиданно энергичным движением взял крышку гроба и накрыл его. Вот и всё. Прощай, наш друг. Отправился в бесконечную дорогу. Даже казалось, что она не будет пустотой, а будет истинной дорогой. А он продолжал наблюдать за ней, и душа, которая не скорбела, а была на каком-то особом подъёме, чуть ли не в радости за друга, который ушёл без разочарований и без страха. Было умиротворение от существовавших рядом её глаз, её волос, её смуглой щеки. Потом были поминки, и он продолжал наблюдать за ней, может быть, даже слишком смело. И это опять приносило ему радость и какое-то умиротворение. А потом она ушла. Просто исчезла. И он не очень был уверен в грядущей встрече. Вышел на улицу и один побрёл вверх по улице. И были жёлтые фонари в тумане. И он желал спокойной дороги своему другу за реку Стикс, и уже почти не думал о ней, будто она была каким-то туманом, хотя и реальным, но эфемерным, исчезающим. Чего-то хотелось. Может быть, поплакать.

Тёплый туман обнимает меня.
Грустное чувство
Беспредметной любви.

КАК Я НАШЁЛ ЛИШНИЙ ДЕНЬ

Уйдя в маленький отпуск в конце года и не будучи в тот период в слишком тесном контакте как с семьёй, так и с более дальним окружением, я перепутал дни, полагая, что сегодня наступает Новый год. Я позвонил сестре и с некоторым удивлением отметил, что муж её сказал: «Сегодня поднимать чарку ещё рано, это же завтра!». Потом звонила дочка и сказала, что приедет завтра, потому что сегодня они заняты. Но эти намёки меня как-то не насторожили. Вчера я долго изучал дорогу из гаража, она вся превратилась в ледяной каток, мне было досадно, потому что я собирался поехать на дачу и срезать большую ветку с нашей ёлки, что растёт у забора. Но потом, не решившись ехать, пошёл и купил очень милую однобокую пихту и принёс на балкон. А сегодня полез на антресоли, достал подставку для ёлки, игрушки, пока никого не было дома, поставил

её в углу и нацепил наконечник. Как положено. Осталось ждать жену и внуков для украшения ёлки. Ещё позвонил несколько знакомым и поздравил «с наступающим».

Но, видимо, биологические часы работали и сопротивлялись ранней ёлочке, что-то меня подвигло взглянуть на календарь, потом на часы, потом на часы в мобильном телефоне. Все говорили в один голос: «Сегодня 30 декабря!».

Можно было, конечно, расстроиться: совсем крыша поехала. Старость, мол, не радость. Но я обрадовался. Вот какой у меня получился супервисокосный год! Целый день нашёл! Но ёлку на всякий случай вернул на балкон. Оказалось, что зря, потому что внуки пришли и потребовали её для украшения. И нарядили ёлку — и все радовались. Но супервисокосный год был только у меня.

Количество дней в году — следствие договора.

Глупая голова:

Я ж рассорился с целым миром!

ПОРЯДОЧНО НАДОЕВШИЙ ПОРЯДОК

С. Б. и В. К.

Читая книгу Валентина Абрамовича Красилова, которая уже была реальностью, с шелестящими страницами, аж в далёком теперь 1977 году, совсем в другом мире, совсем в другом времени, задумался, куда бы пристроить такую его мысль: «Занятие классификацией, безусловно, связано с врождённой любовью к порядку, которая так велика, что мы склонны видеть порядок там, где его нет, и в любом случае стремимся упорядочить беспорядочное. Однако, пытаясь навязать упорядоченному множеству несвойственный ему порядок, мы испытываем сопротивление материала». Мама, которая три года провела в оккупации, вспоминала, что немцы часто не то делились планами, не то просто обещали — навести свой добротный немецкий порядок. И что? Ни немцев, ни порядка.

Порядок так мало отличен
От беспорядка. Надо просто
Сменить точку наблюдательного поста.

P.S. Книга вообще-то имела отношения к геологии, палеонтологии, стратиграфии, в общем, к давним временам, следам былых биосфер. Чёрт его знает, может, в кембрии порядка было больше. Во всяком случае, трилобиты были в этом уверены. Опять же — и где эти трилобиты?

01.02.23

ДВОЕ

Жили когда-то мальчик и девочка. И любили друг друга, может быть, по-детски. Но эта любовь не могла связать их. И жизнь развела по разным дорогам. И жили они каждый своей жизнью, у каждого была своя семья, уже и свои дети. Так прошли годы, и судьбе стало угодно, что стали они свободны, хоть и было это большим горем. И они опять встретились.

Жил старик со своею старухой, пусть и не у синего моря, это вообще неважно, где. Звали их Кай и Герда. Были они на пенсии. И вся история о том, как послала она своего за добычей неприятным голосом, и что он ей никак не мог угодить, выглядит, в общем-то, совершенно правдивой, привычной. В том числе, и для Маруси, чей рассказ я слушал. Да и для меня. Но рассказ был о том, что встретились старые мальчик и девочка, и оказалось, что продолжают они любить друг друга. И они стеснялись своей любви и приглашали Марусю на обед, якобы это были гости и был повод для встречи. И приглашали её на прогулки, а она негодовала, а они шли, взявшись за руки, и осенние листья шуршали под ногами. Негодовала потому, что это была её младшая сестра, сама она всю жизнь прожила одна. А потом сестра как-то очень быстро-быстро окончательно состарилась и умерла, а он пережил её всего на девять дней.

Всегда полагают, что
Любовь короче, чем жизнь.
Как летняя ночь, что меньше летнего дня.

ВЕРКА

Сто лет. По всем меркам это много. Прекрасно понимаешь, что такая юбилейная дата не имеет отношения к живому человеку, но можешь услышать: «Ему было бы сегодня сто лет!». Никто не скажет о Леонардо, мол, было бы ему сейчас 500 лет, а про сто ещё говорят. Вроде бы, человек, хотя и ушедший, ещё не преодолел какой-то барьер невозможного. Мы поехали на неблизкое сельской кладбище, потому что одной из бабушек исполнилось как раз 100 лет. Могло бы исполниться. Песок, песок, полесский песок. Каждому дереву удивляешься, такая, кажется, бесплодная почва, а оно стоит. Да ещё и осыпает палой листвой могилы вокруг. Надо убирать. Этим и занимались. Родичей здесь немало, обошли все могилы. Был сухой день конца августа. Вспомнили о тех, кто уехал в дальние страны, а могилы предков здесь. Прибраться, конечно, можно, святое дело, да как-то обидно за тех, кто уже ничего не может сказать, кажется, что им хотелось бы, чтобы были свои. Тут жена замерла перед одной оградкой, нет, оградой. Памятник за которой был знатный, даже и по меркам роскошных кладбищ. В цветнике клубились какие-то растения.

— Да это же Верка!

— Да, точно, я её помню.

На поверхности полированного лабрадорита был большой портрет некрасивой женщины, в каком-то платке, замотанном на манер афганских талибов. Да, такой она и вспоминалась, маленькая, серая. Невнятная речь, неухоженность. В каждом, видимо, селе есть такой персонаж, сельский убогий. Несчастный, в общем. Историю жена слышала, но не ожидала такого финала её. Может, эта Верка в прежние, молодые ещё годы, была привлекательной, во всяком случае, какого-то привлекла, в результате чего получился ребёнок. Отдала она его в интернат, может, и забыла, может, вспоминала. Мальчик вырос, стал искать мать. Нашёл. Говорят, она им очень гордилась, потому что учёный. Мог бы забыть, вернее, не вспоминать, обидеться, что бросила, мог бы просто стыдиться деревенской дурочки... А он — памятник отгрохал, где только фото взял, и кто её снимал в этой хустке?

Почему-то вспомнилось, что в день похорон ныне столетней бабушки была тихая тёплая погода, день похож был на этот, хотя и не в августе, а уж поздней осенью.

Целые отары белых облаков
Заполонили небесный луг.
День в конце лета.

ВНЕ ДОМА

Ужин в ресторанике. В той же Италии, например, куда ни пойдешь — все едят на улице, то есть не дома. В этом есть масса преимуществ. Во-первых, всегда свежеприготовленная еда. Не то что позавчерашний борщ или котлеты, зажаренные в прошлую субботу (только разогреть в микроволновке). Во-вторых, общение! Всё время что-то говорят. Что можно обсуждать на улице или даже в кабачке? Но, может быть, это совершенно иной уровень свободы? Одно дело критиковать жизнь и существующий строй на кухне, за бутылкой водки, другое — на бульваре. За пастой. Нет. Что-то здесь особенное. Ещё, может быть, похемингузевски — там, где чисто и светло? Публичное поедание, видимо, более демократично, чем локальная встреча дома. Да, в кабачке все равны, а дома есть хозяин, с ним, к примеру, спорить неудобно, он же хозяин, ему посуду мыть после того, как все расползутся. Общение, конечно, вещь прекрасная, и находятся же темы для этих бесконечных разговоров. Хотя некоторые с телефонами, углубились в новости, молчком. Огоньки какие-то в тёмном окне, можно представить, что мы в Париже. Только вот какой-то песнярь из спрятанного репродуктора уже давно поёт и поёт про Украину. Впрочем, это как раз и могло быть сейчас в Париже. Принесли счёт, надо перевести в евро, совсем недорого получится.

Пикассо, Утрилло, Модильяни,
Взяли бы бутылку да посидели в «Улье».
Нет, все припёрлись в «Дом».

19.10.22

ДЕРЕВЯННЫЙ СТОЛ

На кухне стоит красивый дубовый стол. Правда, это только нам известно, что он дубовый (так сказали продавцы, а они прочитали в накладной: «Стол дубовый»), потому что дерево покрыто белой эмалью. Это делает его похожим на пластмассовый стол. Стол стоит, естественно, на полу, который покрыт ламинатом, какой-то высокоустойчивый к износу полимер. Каждая доска будто из живого дерева. Очень похоже, даже шероховатость видна, пол из американского дуба получается. Интересные метаморфозы. Но, поскольку стол из ценных пород дерева, натурального дерева, хотя и скрытого (может, и для защиты от внешних воздействий), то он накрыт скатертью, под которой клеёнка, чтобы, если вдруг будет горячее, то чтобы столешницу не повредить. Однако скатерть, в свою очередь, подвержена также различным негативным воздействиям. Например, пролился компот, поэтому есть надо на пластиковых салфетках. Это удобно — их можно снять, помыть, протереть губкой. Одна моя знакомая всегда очень тщательно следила за сроками хранения продуктов и, заглядывая в холодильник, восклицала: «Ой, это уже сейчас испортится, надо съесть!» — и съедала. То есть предпочитала питаться тем, что вот-вот испортится. А другой мой знакомый всегда выбирал самое лучшее из возможного, даже если сегодняшнее лучшее было хуже, чем вчерашнее (вчерашнее лучшее уже съедено). Надо сказать, что холодильник у них был общий. В каком-то смысле, они дополняли друг друга. А это уже похоже на гармонию.

Берегите вещь!
Она сделана —
Человеком.
Берегите и его.

ПИКСЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Эти упражнения для глаз, они всё время подсовывают какие-то наблюдения. Наверное, потому что сосредотачиваешься временно на том, что обычно делается автоматически. Дальний объект — ближний объект, дальний — ближний. На даче смотрю в окно через сетку от комаров и мух, которой закрыта одна створка. Весь пейзаж разбит сеткой, в мелкую клеточку. В этом случае, можно сказать, что наоборот, не разбит, а составлен из маленьких квадратиков. Этаким взгляд стрекозы. Одна клеточка красная, ещё, ещё такая же — получается крыша. Другая тёмно-зелёная, рядом светло-, потом опять тёмно — так получается пёстрое дерево, объёмно выглядит. И чем меньше эти пиксели, тем богаче картина на оттенки, объёмы, рисунок. Это мне врач посоветовал упражняться под флагом борьбы с катарактой, когда остаётся всего один, но большой, сильно мутный, неопределённого цвета пиксель. Чем-то похоже на модель пропаганды. Два пикселя: мы и наши — хорошие, они и не наши — плохие. Вполне достаточно для массового

потребления. Четыре пикселя: хорошие-то хорошие, но есть отдельные недостатки, сойдёт для интеллектуалов. Сто пикселей! Эге, тут можно запутаться, а местами и разницы нет. Такое многоцветье только смущает, да ещё и порождает ненужный скепсис. И вопросы. Мне один зоолог-палеонтолог сказал, что стрекозы благополучно населяют биосферу с карбона потому, что имеют высокоразвитую оптику: когда охотятся, то включают всего десять фасеток — какая разница, кого съесть, раз оно летает, но когда опасность и может напасть какая-нибудь карбоновая амфибия (птиц-то ещё не было, ПВО не нужно), то включались все 18 467 штук!

Жаль, что Сёра, как и Пабло
Не увлеклись экспериментом:
Размер точки — исчезновение смысла.
Может быть —
Чёрный квадрат?!

16.07.23

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ, НЕМНОГО ЖЁЛТОГО

Подъехал на велосипеде к магазину. Забота о покупателе, вернее, забота о постоянном доходе от покупателей, выходит и за пределы собственно магазина. Площадочка для машин, конструкция такая для велосипедов: можно оставить и свой, цепью прочно на замок примкнуть. Только за переднее колесо не очень удобно, вот и стою в позе вопроса, вожусь с замочком, пытаюсь открыть.

— Да, надо на замок, обязательно.

Поднимаю голову: упитанный дачный дядька, какой-то интеллигент, в жёлтой панамке. Уже свой велик отомкнул.

— Знаете, был в Голландии, там все на велосипедах. От мала до велика. Море велосипедов.

Я в Голландии не был, но вспоминаю некоторые немецкие города. Действительно, вызывает недоумение. Туча великов, стоянка? Свалка? Очевидно, что уж добраться до середины кучи, даже если знаешь, что там твой, совершенно невозможно.

— И что они говорят, — продолжает жёлтая панамка, — пока не было этих коричневых, ну, вы знаете, есть негры, а есть коричневые, так не воровали. А теперь воруют и ещё местным продают потом.

— Это всё сказки современности, воровали всегда. Надо же найти виноватых.

— А я спрашиваю, почему же вы их не наказываете? Говорят, мол, боятся, а то они в суд по правам человека напишут. А вы зря считаете, что они, голландцы, это придумали.

— Да я не считаю, с чего вы взяли? Я привожу как иллюстрацию к мудрости: сначала посмотри на себя. А подумал: вообще надо не только велик на замок, но и язык. Скажешь одно — тебе припишут другое.

Быстренько свернул налево и покатыл домой. Еду и ругаю себя за общительность. Как обычно дела шьют: сказал так, про тебя кому надо сказали, что сказал не так, а может, подумал совсем по-другому.

Жёлтая панамка свернула направо. И мозг под ней подумал, что вот, какие ещё встречаются среди нас, воров пытается оправдать.

Как понять человека
Человеку, если
Не говорить, а молчать?

18.08.23

ПОВОРОТ

Простая прогулка, а столько опасностей! Ещё вчера был морозец, а сегодня рассиялось солнышко — и все эти дорожки, тропинки, и так — заледеневшие, ещё покрылись тоненькой плёнкой воды. Кати — не хочу! Но не хочу, потому что в рюкзаке бутылка виски — скидки в маркете, Рождество скоро — надо брать! Но как бы не потерять равновесие! И что-то в этом бугристом катке, и в этом солнышке, и тонких ветках сегодня такое, необычное. Может, слишком долго, неделями, висели тучи-облака и всё было однообразно бело-серое? Может, сумерки приходили так быстро и тащили за собой эти серые санки, на которых тихонько сидела Большая Темнота? Да-да, всё так и есть, просто часы с солнечным подзаводом показали: сегодня такой радостный день, он, по сравнению с вчерашним, стал наконец-то на полминуты длиннее.

Галактика, космос, казалось бы —
Бесконечность, но
Все выверено до секунд.

23.12.22

СНЫ

Неиссякаемый источник впечатлений — эти сны. Или: «Неиссякаемый источник — эти впечатления», — подумали Сны. Наверное, где-то есть подробная классификация, более серьёзная, чем оглавление «Сонника» — сны вещие, сны про суженого, сны про смерть... Всё, что бормочет нам подсознание, обычно — весьма расплывчато, неоформленно. Или наоборот — всё, что расплывчато и непонятно, мы относим к выбросам подсознания. Иное дело сны. То же самое подсознание, только видеоряд бывает весьма удачный. Хорошая операторская работа. Где-то там. Но это совсем не того типа видео, чтобы посмотреть и выбросить из головы. Всегда нам кажется, тамошние феллини и эйзенштейны что-то нам хотят поведать такое!!! Хорошо, что ночью встал и записал на бумажке в темноте: «Сон. Оказался чужим. Повезло!». Действительно, встреча

какая-то была, похоже, что соученики разных периодов жизни (вполне объяснимо: мемуары некие свои читал, фотки смотрел, ещё студенческих времён). Старого, давно ушедшего в мир иной друга имя чётко прозвучало (аудиоряд). Хотелось к ним присоединиться, да оказалось, что нечто, необходимое для этого, то ли украли, то ли потеряли. Обделили, короче. В полусне подумал: «Хорошо, это хорошо, что судьба не дала присоединиться». Проснулся, добрёл в полумраке до стола, нащупал ручку, накарябал на бумажке: «Сон. Оказался чужим». Лёг, кино закончилось, но впечатление осталось. Это течение, как известно, называется сонный реализм.

Звали к себе. Не пошёл,
Чувство вины. Даже досады.
Одиночество радует.

4.11.23

ЧЁРНАЯ МОЛИНЕЗИЯ

Загадочны исчезновения. Да и появления. Последние бывают крайне редко, поэтому заслуживают больших легенд, гигантских полотен, чтобы как-то убедить в настоящести, правдивости. Мол, действительно, было, смотрите, как всё описано, такие тиражи у этих описаний! И эти люди у реки — как живые, практически в натуральную величину. Нельзя не поверить. Но обычно у каждого появления есть простая причина. Исчезновения — гораздо более сложное, но и более распространённое явление. Вот только что держал в руках очки, и куда-то исчезли. Или, что драматичнее, ключи. Несколько ключей так вот куда-то исчезли, уже двадцать лет не могу найти, а казалось, что прямо вот здесь, в замкнутом пространстве. Появление рыб в моём аквариуме имеет совершенно банальное объяснение: иду в зоомагазин время от времени и покупаю. Правда, ещё Мишка однажды подкинул, у него неожиданно появился большой урожай мальков какой-то экзотической австралийской рыбки. И здесь появление вполне объяснимо. Но исчезновение загадочно. Было этих австралийских восемь — теперь две. Ни разу не видел ни одного труп. Вот где чудо! Кажется, навсегда положили труп в некую

пещеру, а приходят потом — а его нет. Правда, и некоторые пирамиды оказывались пустыми, когда археологи этим вопросом поинтересовались.

В зоомагазине ассортимент не ахти, но хоть чем-то надо пополнить популяцию.

— Давайте, — говорю, — трёх молинезий. Двух пёстреньких и одну чёрную.

Продавщица товарец свой мелкий хвалила и на такую скудную покупку скидку сделала, тоже приятно. Принёс домой, вместе с какими-то растениями вылил из банки воду с рыбками в аквариум. Наблюдаю. Парочка пёстрых быстро освоилась, даже начали что-то клевать с листьев. А где же чёрная? Куда-то исчезла. Ведь помню, что мелькнула в банке. Полчаса просидел, всё выглядывал — пропала. А может, и не было? Может, мне её продавщица и не поймала в банку? Так меня это задело (ещё одно следствие исчезновений — никак нельзя поверить, надо просто привыкнуть), двадцать раз подходил к аквариуму. Исчезла. Теперь на долгие недели обеспечено — пошарить глазами по этому фрагменту гидросферы.

Явление, появление —

Совсем не повод для новой веры.

Исчезновение — вот убедительное чудо.

7.11.23

ГАДАНИЯ

Пасмурный декабрьский день. Опять стало тепло. Посмотрел, во имя объяснения причин такой тёплой сырости, сайт всемирной погоды, там, где весь земной шар укутан в стрелочки ветров. Понятно стало: всю северную Атлантику охватил антициклон, и он лихо подхватывает тёплый воздух над Гольфстримом и бросает его на Европу. Вполне закономерный процесс — тепло океана пришло к нам. Но в том же телефоне нахожу мелкий прогноз погоды. Оказывается, с 15 часов солнышко спрячется за тучи. Это уже не закономерный процесс, в отличие от того, что в 16:45 солнце просто должно спрятаться за горизонт. Есть ли разница между гаданием и предсказанием? И вот — подтверждение моего старого эмпирического наблюдения: жизнь тебе вполне закономерно, не случайно, подсовывает некое пособие по раскрытию тайн. На базарчике местечковый антиквар разложил своё старьё. В ящике книжки, эти бедные книжки, которые сейчас повсеместно выходят из моды. И прямо сверху лежит экземпляр: «Гадание народов мира». На ощупь книжка влажная от зимней сырости. Вот где теперь я узнаю тайны чисел, а также карт Таро!

Любит — не любит? Случайность.
Но, если процесс закономерный —
Родину, например?

P.S. Кое-чего из книжки набрался. Через пару дней надо ехать к врачу. Глазнику. Жена посоветовала. Но предупредила, что уж больно неприветлива врачиха, но дело, похоже, знает. Дожидаюсь поезда метро, зачем-то всегда смотрю на лобовое стекло, там номер поезда. Пожалуйста тебе — 13 номер. Ну и что, куда теперь ехать? В другое время стал бы ждать следующего, но тут надо спешить. Сижу, поднимаю глаза на стенку вагона, а там номерок его: 9236! Совсем другое дело! Хотя ты бери да отцепляй счастливый вагон от несчастливого поезда. Кроме 9, ещё и $3+6=9$, $3 \times 2=6+3=9$! И что? Несмотря на транспортные козни, к 12 часам успел, даже раньше! В единственный туалет на всю поликлинику — ремонт! — пропустили без очереди как опаздывающего к врачу. Она оказалась симпатичной и даже улыбнулась при расставании. Да и медицинский диагноз был ближе к 9, чем к 2.

15.12.23

КРУГОВОРОТ

То ли раннее утро, то ли поздняя ночь. Мы спускаемся в лифте, в котором, как обычно, нет света. Я вообще боюсь за него, боюсь, что он может сломаться в такой ответственный момент. Старина, маленький лифт (правда, большой, грузовой — ещё бóльшая старина), ты должен доставить нас и наши чемоданы исправно вниз. Потому что у детей поезд ранний, а выехать пораньше нет возможности из-за комендантского часа. Расставания всегда более памятливы, чем встречи. Хотя это тоже часть круговорота: меня провожали отец с матерью, теперь я провожаю своих детей и внуков. Встречи, другое дело, они скорее памятливы ожиданием.

Красный глаз авто. Уехали в сумерках.
Двор. Оказалось, не так уж темно.
Над головой большая луна.

ВСТРЕЧА СО СТАРЫМ ДРУГОМ

Договорились со старым другом о встрече. Приехал старый друг. Эх, вижу, старый совсем стал. А я — что? Значит, и я такой же старый. Мы — старые друзья. Я позвал его, чтобы показать и презентовать ему свою новую книжку. Но оказалось, что он пришёл не слушать, достал из кармана листки и начал читать стихи. Это было неожиданно и, как я понял потом, гораздо лучше, чем если бы он слушал меня, да высказал вежливо свои оценки. Его творчество было мне интереснее своего.

Книжка про старых друзей.
Оглянулся вокруг, а читать-то
Уж некому.

19.11.23

ВАЖНОЕ И ВАЖНЕЙШЕЕ

Утром жена варит себе кофе — и сразу же за телефон. Утренние новости. Обстановка в стране, на фронтах и в мире такая, что и ночью не мешало бы вставать и интересоваться, как там. На балконе делаю упражнения для глаз, смотрю то вдаль, то близко, говорят, укрепляет. За окном зима и вчерашний снег, тот, что прилетел с циклоном из Атлантики (три дня за ним наблюдаю в специальном приложении, опять же — в телефоне).

— О, Боже! — вскрикивает жена в соседней комнате.

Что там, в мире, стряслось? Тревожно так прозвучало.

— Моя каша! Наверное, сгорела! — бежит на кухню. Да, немножко подгорела, сейчас и я носом чувствую.

Мелькнуло воспоминание далёкого детства. Какой-то траур. Похороны одного из Солнц. Пришла соседка, вся в слезах. Горе, горе. Переживание. Трагизм. Оказалось: ветер весенний сорвал свежестиранное бельё с верёвки и понёс простыни да пододеяльники по весенней грязи. Когерентность печального поистине невыносима.

Девочка плачет —

Шарик улетел...

А муж ушёл к другой.

9.12.23

СНЕЖНЫЙ ШТОРМ

Так совпало: важная встреча, похороны и циклон (два потока столкнулись где-то над нами в вышине, один со Средиземного моря, другой — с Северного, так показала карта в интернете). С самого утра снег летел горизонтально, покрывая не столько землю, сколько стены домов и стволы деревьев. Ветер метался за окном, улетая куда-то в снежную мглу, потом возвращался, бросая в окно мокрые снежки. В такую погоду не стоит за город и ездить, да хоть бы и по городу, авария на аварии. Сиди дома. Надо позвонить, встречу отложить, тем более что планировалась, частично, на природе. Хорошо повелевать встречами, неплохо бы и разлуками. Только вот похороны отменить нельзя. Но шторм оказался не столь долговечен, сколь тот, с кем прощались (по меркам, конечно, разных онтогенезов если сравнивать). Вышло солнце, сильно похожее на весеннее, в общем, весна и возрождение, как принято говорить. Уже ничто не мешало поехать.

Из древнего эпоса: когда
Хоронили мумию фараона,
Пыльная буря сильно мешала,
Анубис, наверное, сомневался —
Принять к себе, или — в Рай?

Март 2023

ФАНТАЗИИ ПОДКОРКИ

Как интересно лепит мозг разные образы. Настоящий бриколаж — там что-то схватит, там прилепит. Кажется, что без всякого смысла. Но иногда получается красиво. Да и смысл, наверное, есть, чего б зря мозг старался, он же как раз за смысл и отвечает, специалист по смыслам. В гимнастике Ци-Гун (совр. написание цигун), моей, во всяком случае, есть такой момент, вряд ли можно назвать его неким упражнением, скорее это побочный продукт медитации. Надо представить себя каким-то сосудом (появляются откуда-то самые разные варианты — от бассейна или озера, колодца, амфоры, простой бутылки зелёного стекла до тыквы-горлянки). И в него струится откуда-то, чуть не с небес, чистая-чистая вода. Потом всё начинает кружиться, то циклоном, то анти-, смывает всё ненужное со стенок сосуда, то есть, самого организма. Я уж как-то это описывал. Недавно пришло само собой дополнение. Всплыл почему-то тот самый медный чайник, с которым сидит на базаре китаец Ли,

а в чайнике, если верить Пелевину, как раз и находится вся вселенная. Но чайник — это ещё не всё, теперь появляется сам Будда и начинает в чайник ссыпать с ладони разные галактики. Они искрятся очень празднично и оптимистично. Чего только не принесли в образы мира эти хабблы, вояджеры, луноходы. Картинки разных галактик сейчас так разнообразны в интернет-новостях. Потом всё содержимое чайника начинает кружиться, как и положено, в космосе, только на дне остаются всякие ненужности, как чаинки на дне стакана после перемешивания ложечкой. Их и надо удалить, лучше всего интенсивным движением направить в какую-то Чёрную дыру. Вот он, прогресс: триста лет назад цигуно-любители про такие дополнения не могли и мечтать.

Поместить вселенную в
Чайник, в общем, несложно.
Может, она там и есть.

НЕМНОГО СЧАСТЬЯ

— Ты знаешь, — как-то сказал мне друг Мишка, — есть вещи, которые невозможно понять, или хотя бы сделать для себя какое-то заключение, обобщение.

— Наверное. Это ты о чём?

— Я навещал как-то одного коллегу, долго вместе работали, друзьями, правда, близкими не были. Он болел долго. Безнадёжно, медленно угасал. И он мне как-то сказал: «А я ведь счастливее всех вас. Потому что я знаю своё будущее, я знаю, от чего умру и приблизительно когда. Врач сказал родственникам, мол, больше полугода не протянет. Вы все строите планы, хотя и боитесь, что все они могут рухнуть хоть завтра. А я ничего не боюсь. Владею временем, хоть и небольшим. А время владеет вами».

Тысячи метеоритов кружат
Вокруг планеты. Один зацепился за
Атмосферу. Сгорел. Остальные кружат.

03.04.23

СИММЕТРИЯ ВРЕМЕНИ

Один друг Владимира Ивановича Вернадского писал о нём, о его жизни очерк и при этом интересно размышлял о времени: «Наука позволила нам понять, что мгновение так же богато содержанием, как бесконечное время космоса: В микроскопическом разрезе мира — один гептамилионный сантиметр, мера протона — есть такая же реальность, наполненная содержанием, как десятая доля секунды, в течение которой атом полония, проходя через атом висмута, даст атом свинца. Каждый из атомов в этот ничтожный промежуток времени получает своё сложнейшее, резко различное строение. В этом явлении микрокосмоса, для нашего сознания бездонного, мы подходим к длению нашей личности: сколько бессознательных и осознанных процессов переживает каждый из нас за ничтожную долю времени! Бывают мгновения в жизни, когда это ощущается ясно и определённо».

Мгновенье Большого взрыва породило
Вечность нашего космоса.
Как бы опять не свернулся. До точки.

10.11.22

ЧУЖИЕ ЛЮДИ

Судьба приводит иногда в столь нежелательные места, что и вспоминать не хочется. Клиника, в которой должны сказать, будешь ты жить или страдать придётся, может, и недолго. Чувство какого-то стыда от само собой возникающего заискивания перед врачом, сестрой, даже санитаркой, которая шастнула только что с ведром. Унизительное заискивание или желание увидеть не то чтобы сочувствие, но что-то добросердечное? Но посмотрите на этих эскулапов — они сами бегают, как муравьи, может быть, они тоже хотят, чтобы их пожалели. И потом, они же тоже болеют. И когда они болеют, тоже хочется им добросердечия. Надо бы устроить какой-то обмен добротой. Приятная динамика. Сестра, которая делал укол, сначала смотрела угрюмо. Расставаясь, пожелали друг другу удачи.

На Пасху поехали в собор Святого Пантелеймона.
Пока Пантелеймон был жив, помогал людям.
Теперь вряд ли поможет.

25.04.23

РАЗДВОЕНИЕ И КОНТРОЛЬ

Когда-то давно, триста лет тому, Пётр Первый, тот, что (где-то, в чём-то) Великий, ввёл государственные должности фискалов. Они должны были шпионить, ябедничать и доносить, то есть быть не только индикаторами плохого (что дела всегда неважные и могут быть лучше, известно всем), негативного для государства, общества, но персонифицировать негатив. Хотя доносчиков-любителей и так хватает, в любом социуме, здесь появились дополнительно ещё и профессионалы. Они, видимо, знали чёткую грань между «что такое хорошо и что такое плохо». А знать это надо. Я всё больше чувствую необходимость раздвоения, чтобы часть меня стала фискалить, приглядывать, напоминать, контролировать. Не потому, что я утерять ориентиры в плохом и хорошем, а потому, что стал меньше концентрироваться на сиюминутном, а это иногда опасно. По мысли Петра, эти фискалы и были, в первую очередь, защитниками, в конечном счёте — его самого.

Где, в каких эмпиреях и далях
Пребывает сознание, когда
Оставляешь включённым уют?

ПРОВОЖАНИЯ

Теперь моя очередь. Теперь я стою около автобуса. И дочка смотрит в окно. Я когда-то также смотрел на своих отца и мать — и они провожали меня. Мы ехали из их дома на автовокзал, это было похоже на какой-то ритуал. Заканчивался недолгий приезд к родным. И багаж уже погружен, и я сижу и смотрю в окно, а они стоят за окном и не уйдут, пока автобус не отправится, не убегут до реального отъезда по своим делам, ибо это не просто эпизод, а одно из событий жизни: приехал сын, уехал сын. А у меня в голове уже много планов, я уже почти не здесь, не только в дороге, не только в гоголевском предчувствии пути, но и уже где-то там, у цели, где ждут какие-то дела, на самом деле не очень важные. Но я понимаю это только сейчас, что важное, истинно важное, было вот в этих двоих, но сейчас это уже не имеет значения. Ибо я не расскажу этого дочке, которая уже листает в своей голове список неотложных и обязательных дел. Автобус трогается, и я смотрю ему в след. И я вижу, как мои родители, вздохнув, возвращаются домой, к своим делам, заботам, многих из которых я не знал. И каждый уходит к своим делам, потому что то, что их связывало — я, уже не здесь. Уже в дороге. Они желают мне хорошего пути.

Дорога, дорога. Путь от А
До Б. Время и расстояние.
Да вечные круговороты.

19.11.22

СЛУЧАЙНЫЕ КНИГИ

На даче пёстрая библиотека. И все попытки как-то её упорядочить не увенчались успехом. Но это не хаос, между ними существуют какие-то связи, может быть, когда никого нет, они даже поют какую-то общую песню. Или беседуют, или гомонят, как на базаре. Большая их часть знала моего отца — это его собрание, его библиотека, правда, теперь уж библиотечка. Потому и его вкусы, его интересы. И, наверное, ничего странного в том, что они мне близки и понятны. Мне нравится брать случайную книгу с полки и вдруг узнавать её по тем, другим домашним полкам, вспоминать теперь уж далёкие времена. Станешь перечитывать — будто встретишь старого друга. А некоторые случайно взятые тома откладываю на стул около кровати. Думаю, мечтаю, что буду читать перед сном, в остальное время на даче как-то некогда. Попались рассказы Булгакова — отложил, некоторые не читал. А вот книга с портретом Мэрилин Монро на обложке. Случайно открыл: «но поскольку мать приходила очень редко, то так

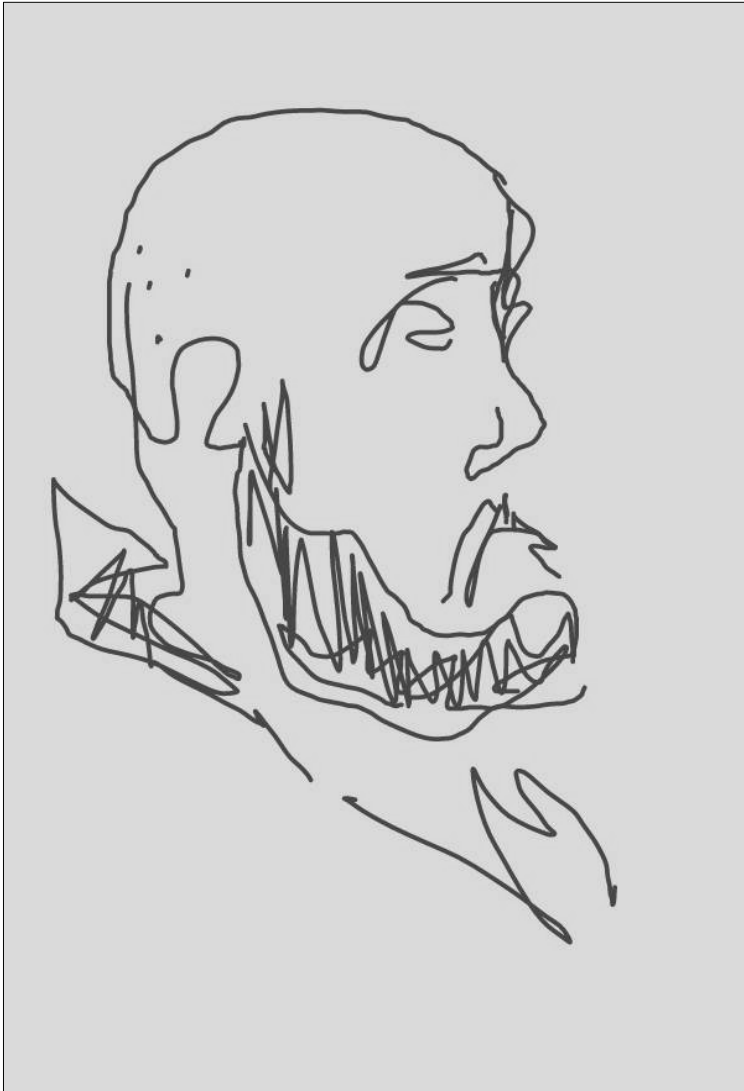
и осталась для меня «женщиной с рыжими волосами»... Одно воспоминание, одна фраза, сказанная какому-то Жоржу Бельмону, а в ней вся судьба. Или вот, снимаю с полки сказки Оксаны Танюк: «Сон Лакшми, увиденный Вишну в своём сне, или медитация на темы игры богов».

И миллионы лет /Наш длился поцелуй
Нектар амриты / Пил я с губ твоих

И эти две книжки отложил. Когда только я буду их читать? Нет, дело не в том, что я обязуюсь обязательно прочитать. Мне просто хочется с грустью перебирать эти книги. А ещё хочется, чтобы внуки тоже смогли их поддержать в руках.

И миллионы лет...
Это палеонтология уже.
Хотя бы год-другой.

Май-июнь 2023

ЖИЗНЬ КАК САВАННА

Один путешественник, вспоминая саванну, заметил, что это самый обманчивый ландшафт. Вот оно, редколесье, но кажется, что там, впереди, лес сгущается, и ты идёшь и идёшь к этому лесу. А его всё нет. Микропространство между деревьями сжимается перспективой, сжимая и макропространство. Я так спешил делать всё на даче по своему списку: ремонт того, подновление сего. Я спешил закончить все дела на работе. Спешил, рассчитывая, что вот, закончу этот список и сяду читать, играть с внучками в домино, наблюдать за жизнью окрестных полей в неспешных прогулках. Но список всё не заканчивался, появлялся новый. Так я и жил в этой саванне, всё приближаясь и приближаясь к миражу успеха.

Бесконечные хлопоты.
Дети уже подросли.
Теперь называются — внуки.

**Генералы, и те признают:
Жизнь человека бесценна.
Подписывая преискурнты смерти.**

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Говорят, при разбирательстве дела с этим проповедником, Понтий Пилат несколько заинтересовался приведённым к нему нарушителем спокойствия и даже, проникшись, может быть, и уважением, между прочим, спросил у того, немного скучая: «А что есть истина?». Конечно, он тогда ничего не знал наперёд и не подозревал, что этот ещё молодой, но измученный и постаревший человек после смерти, на которую римский наместник его отправит, воскреснет, станет Богом и через своих посредников многим и многим будет излагать эту истину, какой она есть, с его точки зрения. Собственные боги Пилата в те времена стали уже довольно сильно очеловеченными, у них был свой быт, свои заботы, и было им мало дела до философии. А если не этот, которого отправили на казнь, если бы Будда или другой пророк? У них были бы свои истины. Если истина — это то, во что веришь, то где же правда? А правда, как оказалось, есть только то, что безоговорочно подтверждает то, во что я верю.

В конце января — начале февраля 2022 года кроме вирусной появилась ещё история о предчувствии войны. Американцы и иже с ними громко трубили, что вторжение России в Украину неизбежно, но были и сомневающиеся. Что действительно за этим всем стояло, понять тогда было невозможно. Но простой люд метался между тупым безразличием и острой фазой паники. Одни верили в искреннее дружелюбие Америки и её друзей. И всё, что они говорили, было правдой, потому что они в это верили. А для других вообще не было никакой правды, потому что они не верили никому. Вообще-то это была змея, которая кусала себя за хвост. И ни у кого не хватало мудрости и сил, чтобы разорвать круг.

Истинно, истинно, говорю тебе,
Ибо верую.
Но что же было на самом деле?

12.02.22

ЧЕСТНАЯ ВОЙНА

В одном, по словам Монтеня, варварском царстве, именуемом Тарнатским, обычаи запрещали идти войной на неприятеля, не объявив её предварительно, не сообщив врагу полного перечня всех средств нападения и защиты, количества воинов. У неприятеля был шанс оценить соотношение сил и, может быть, решить дело миром. Конечно, речи не было о том, чтобы дать неверные сведения. Победа должна была достигаться не хитростью, а мужеством и боевым искусством. В первом случае она как-то не считалась настоящей. В государстве инков был обычай трижды предупреждать племена, которые они собирались покорить, а их земли присоединить к своей империи. Более того, они излагали им все преимущества сосуществования в союзе. И уж те выбирали, что для них важнее — свобода или навязанная дружба. Впрочем, Монтень приписывал эти качества военного благородства римлянам, напрочь отрицая его у древних греков. Но разнообразие войн, в отличие от состояния мира, огромно. Можно ли облагородить гражданскую войну? Впрочем, стоит

выделить из соплеменников некую обособленную партию, субэтнос, да и просто по-другому одевающихся и говорящих, и враг готов!

Но тут есть ещё один аспект. Как подсчитал один из героев Ремарка, во времена Цезаря убийство одного солдата обходилось в среднем в 70 центов. В эпоху Наполеона, когда уже массово применялось огнестрельное лёгкое и тяжёлое оружие, цена поднялась до 2000 долларов. В Первую мировую, при огромных затратах на авиацию, танки, артиллерию, оборонительные сооружения один труп обошёлся в немалую сумму — \$10000. Но коммерция и тут берет своё. Если снизить затраты на вооружение нельзя (прогресс требует), то, как подсказывает бухгалтерия и логика, надо увеличить количество жертв, приходящихся на один боеприпас. Хиросима — тому печальный пример. Кроме того, тут уничтожены и потенциальные солдаты, которых могли произвести мирные мужчины и женщины, останься в живых. Простые расчёты.

Генералы, и те признают:
Жизнь человека бесценна.
Подписывая преискуранты смерти.

СВОИ И ЧУЖИЕ

В одной из своих книг о путешествии по Ориноко Александр фон Гумбольдт делает такую заметку. Рассуждая о каннибализме среди индейцев, он приходит к выводу, что в основе его лежит глубокое, прямо физиологическое убеждение, что люди другого племени совершенно иные, скорее из разряда тапиров, обезьян, капибар, то есть того, что может быть предметом охоты и потребления. (Кроме того, в этих, казалось бы, богатых кормами краях, был сильнейший дефицит белковой пищи, есть кого-то надо...). И если мы пытаемся убедить индейцев в неправильности этих жизненных установок, то, замечает Гумбольдт, они ведут себя совершенно так же, как мы, просвещённые европейцы, которым вегетарианец индус, весь в слезах, пытается доказать, что все животные с тёплой кровью, как и люди — одной, тёплой крови.

Включай телевизор —
На Ориноко
Ехать не надо.

ХРУСТАЛЬНЫЕ ХРУСТАЛИКИ

Дмитрию Витальевичу

Когда сама жизнь начинает терять свою ценность, когда становишься мишенью каких-то маньяков, которые запускают против тебя, лично против тебя, какие-то летающие предметы, улучшение зрения, или там, кариес, уже не имеет той значимости, что до войны. Доктор, который виртуозно меняет хрусталики живые на синтетические, стал как-то терять свою клиентуру. И я понимаю его досаду, и мы с ним понимаем причины, и мне неудобно показать ему свою новую, недавно напечатанную книжку и похвастаться ею, может быть, даже, увидев интерес в глазах, ему подарить, потому что понимаю: когда сама жизнь начинает терять ценность, то что может значить какая-то книжка, хоть и новая. Хоть и сильно умная.

Хрустальный лёд.
Так красиво!
Мёртвую речку сковал.

ИГРА В БЕЖЕНЦЕВ

Немного истории неизбежно надо вспомнить. В феврале 2022 года происходили странные события. Не то чтобы дипломатическими намёками, просто прямым текстом звучало со всех околиц интернета, что такого-то числа начнётся война. Никто уже не помнил, почему и ради каких целей она должна была начаться. Самые в чём-то осведомлённые страны начали эвакуировать свои посольства из столицы. Мало кто слушал местные власти, все читали, что в интернете — оттуда, из внешнего мира. Дочка решила, что для детей риски слишком велики. Надо ехать хотя бы в западные области, если не на Мальдивы. И поехала-таки, забравши детей. Забронировали какой-то отель. В некотором смысле она брала пример со своей матери, которая в черномыльский год, в начале мая, сорвалась и улетела с детьми туда, куда достали билет на самолёт — поначалу в Прибалтику, потом на юг. Тогда ещё турций никаких не было. Намучались, понятное дело — беженцы, хотя и не военные, а экологические, жили то у родственников, то в санатории. Вот и теперь надо было проявить волю, не подчиняться обстоятельствам, не сидеть сложа руки и ждать, когда же начнётся обещанная война. Не будем судить о реальности опасений, в наше время прогнозы — дело сложное. Но лучше поиграть в беженцев, чем стать ими на самом деле.

Детьми играли в войну.
Почему-то не в мир и любовь.
Дочки-матери.

Война началась на следующий день...

УБЕЖИЩЕ

Когда приходится спускаться в убежище, простой подвал дома, и там торчать, к счастью, пока безо всякого эффекта, как отрицательного, так и положительного, то я открываю на планшете и читаю — нашёл недавно в интернете — книжку о творчестве Басё. Автор приводит русскую транслитерацию хайку, а потом свою версию перевода:

Сакаринару умэ-ни судэ хику кадзе мо кана.

Послушай ветер, успокойся!
Не трогай сливы лепестки.
Боюсь, ты точно их погубишь
Прикосновением руки.

Впервые мне попался перевод, который не подстрочник, а сам в виде стиха. Мне кажется, что это интересный подход, ведь это поэзия! Кстати, в книге этой при подробном описании истории традиций японского стихосложения ни разу не попала идея насчёт Хай или духа Хай.

Душа не хочет верить,
Ищет убежища. Всё искусство —
Укрытие. Темноты слишком много.

Захотелось послать этот хайбун, как мой привет, Изуми.
Вот такой получил ответ:

«Не могу найти слов. Глубоко тронута... нет, меня как будто молнией ударило. Вы, посреди бомбёжек, в такой ужасной ситуации, читаете Басё и размышляете о Хай. У нас есть такое выражение — “Небо всё видит”. Молюсь день и ночь, чтобы небо видело и сохранило Вас и Украину.

P.S. Что касается идеи Хай, то даже у нас редко упоминается. Он настолько слитен в слове хайку, что уже автоматизирован в нашем сознании. Также как носители русского языка обычно не обращают внимания на “втро” (то есть “утро”) в слове “завтра”».

Вот, а я про «втро» и не знал. Что значит настоящий профессиональный филолог. Вот в польском сохранилось — «jutro», тоже — «завтра». Интересно, и по-испански «тапапа» — это тоже «завтра», но и «утро». Что маньяна завтрашнего дня нам готовит? Вот, это как раз мысль для убежища.

01.03.22

МИРНОЕ НЕБО

Заканчивалась моя тетрадка, в которой я вёл дневники, записи, первично хайбуны записывал. Как всегда, долго выбирал новую, ведь это важно — вид и качество тетради, в которую попадают фрагменты уходящей жизни. «Scripta manent» — «Написанное остаётся», — говорили римляне, и в своём оптимизме они были правы. Действительно, иногда остаётся. Остаётся, само не зная, зачем. Тетрадь, стопка переплетённых белых листов. Белых, чистых листов, которые уже хранят в себе будущее. Интересные метаморфозы: чем больше на листе всяких букв, тем больше на нём прошлого, и всё меньше будущего. И будет ли оно, это будущее? Такие мысли не приходят в голову под мирным небом. Небо как небо, оно вообще нами не интересуется, а уж давать ему имена совершенно бессмысленно. Просто облака и голубой фон, и солнце, которое уже повернуло свой свет на весну. Когда-то, в чернобыльский год, небо грозило радиоактивной пылью, и вся жизнь была изуродована этим. И вот сейчас я тоже смотрю на небо. А на горизонте, по его краю, поднимается чёрный дым. Там, наверное, ракета взорвалась, какой-то склад давно горит. И облака такие же светлые, как и всегда, но ждёшь, чего недоброго, из этого облака вынырнет чужой самолёт. И это небо — оно не мирное, не военное, оно просто небо — покрывает немирную землю.

В голубой дыре между двух облаков
Чёрная точка.
Хорошо бы — птица.

27.02.22

ЦЕЛЬ РАКЕТЫ

Ракета попала в садик. Хорошо, не детский, а с деревьями, в парк. Куда летела? Что за цель была у этих?.. Скорее всего, не парк. Может, памятник поэту Шевченко? Может, красный старый корпус Университета, может, жёлтый корпус, бывшая Первая гимназия, в которой Булгаков учился? Может, Министерство образования и науки? Может, Музей западного искусства, где Сергей Гиляров был хранителем фондов, лелеял найденного им Кранаха? Может, в конце концов, Музей русского искусства, где у входа — небольшой памятник художнику Репину? Неужели, действительно — детская площадка, где теперь воронка? Нет ответа...

Киевская осень двадцать второго года.
Листья, как отпечатки рук на асфальте.
Грохнул каштан — разлетелись скорлупки.

15.19.22

МИШКИН СОН

Приснился мне Мишка. Мой друг покинул нас уж с полгода как. Шёл я вчера по улице, недалеко от его квартала, размышлял. Подумал тогда: «Вот, не видит он всей этой войны, наполняющей разрухи, страха, всего этого». Потому и приснился, что я его вспоминал.

— Вот, Мишка, хорошо, наверное, что ты уже не видишь всего этого.

— Почему же, через всех, кто помнит, всё доходит и сюда. Может, не так переживаю. Я же теперь знаю, что всё заканчивается. Знаешь, сон один приснился.

— А вы что там, спите? И зачем там спать?

— А для разнообразия. Сон такой. Как будто что-то заставляет меня совершить суицид. Да ещё неким странным способом: засунуть голову между каких-то плоскостей, чтобы раздавило.

— Во, блин, сложно у вас там...

— Да уж. И как-то мне совсем не страшно, но оказалось, что плечо правое с этим не согласно, влезло между этими досками и раздвинуло. Голова цела. Я как-то с ним, плечом, согласился.

Пропал Мишка, я проснулся: темно и страшно. Мне страшно, значит, и ему станет страшно, всем страшно.

Ручей чистой-чистой воды. Сны
Плывут по нему. Это правый приток
Реки под названием Лета.

28.10.22

ЗАРНИЦЫ

Ночью встал. Не спалось, болела спина, надо намазать лечебной мазью. Сонно, сумеречно, и сумерки не с неба, а от земли — огоньки, огонёчки, полоска красных огоньков. Где-то там, в той стороне аэропорт, с началом войны закрытый. Вдруг боковым каким-то зрением заметил: что-то блеснуло. Стало тревожно. Военная ночь. Постоял, подождал. Вот, действительно, над горизонтом всполох, даже облака осветились. Уже октябрь, время летних гроз прошло. Опять, чуть в другом месте, на северо-востоке. Мгновение света. Когда-то, раньше, подивился бы этим осенним зарницам, теперь про взрывы да про ракеты мерещится. Как раз полемика в интернете о возможностях применения тактического ядерного оружия. Тактического, бля, достаточно, будет уж не до стратегического. Уж хотел в телефоне новости посмотреть, да опомнился, ибо между событием и новостями нужен некий латентный период. Привыкли, что ещё ничего не случилось, а все уже в телефонах про это читали. Однажды в феврале гроза была — все удивлялись, и я со всеми. Наблюдения за природой генетически, от далёких

предков заложены. Как и память на знаки, потом — на слова. Была в пионерском детстве такая игра «Зарница», патриотического характера, сидели там, в ЦК по работе с молодёжью, придумывали разное. Что-то с военным и патриотическим акцентом. Мелькало в пионерской прессе. Правда, ещё до пионерского возраста мы играли с самодельными автоматами непатриотического характера, такая крафт-модель «Шмайссера». В кусок толстого стебля подсолнуха втыкали две заострённых палочки — одна короткая — рукоятка, другая длинная — магазин. Выбор модели был определён простотой конструкции. Для оружия это важно.

Мальчик, один, играющий на улице,
Видимо, поджидает друзей.
Пластиковый АКМ в одной руке,
Жовто-блакитный флажок в другой.
Игры похожи. Другие детали.

02.10.22

БРОДСКИЙ И ВОЙНА

Мне всегда думалось, что это некая провокация, подделка. Но вот, читаю в «Крещатике» Марковского нечто документальное. О том самом стихе, по поводу независимости Украины. До войны и сейчас. Разные эпохи, разные взгляды и точки отсчёта для размышлений. Буквы те же — фон другой. Смысл другой.

(размышления автора)

Ранним февральским утром 2022 года поэт прошлёпал на кухню. «С сердцем стало лучше, давно надо было бросить курить», — подумал он. Серо за окном, серо. В этом Нью-Йорке почему-то всегда серо, даже летом. А вот в Питере два времени года: лето, когда в городе как-то пусто, но светло, и прочие дни, когда все ходят туда-сюда и мечтают о светлых днях, не говоря уж про ночи. Сколько можно вспоминать? Из восьмидесяти с лишним полвека уж не был в этом самом Питере. Но почему-то вспоминается всё больше и больше деталей. Мелочи всякой, вроде сумерек во дворах. Запахи воды Большой реки. Чашка кофе и новости. Кофе — дело хорошее, а с новостями надо заканчивать, как с куревом. Одна брехня, только сидишь и думаешь: кому это выгодно — именно так преподнести какой-то факт. Объективное и субъективное. Экран на стенке. Почему так много придумали разного, а экран телевизора, или там телефона, всегда чёрный? Почему бы для кухни не сделать в цветочки, в полосочку? Может, даже сине-белую, со звёздами. Пришёл утром на кухню — а флаг уже поднят! Какие-то

танки. Опять Сирия? Не, пейзаж не тот. Знакомый какой-то. Вторжение?! Россия контра Украина? Оказалось, что вся эта шумиха, переговоры, Путин-шмутин — всё было взаправду. Да, дела. Это же война. Скорее — продолжение войны. Украина, Украина... Что-то я писал тогда, как-то сильно задело это... Жили вместе, жили, вдруг все разбежались. Ещё в каком-то культцентре читал стишок, где-то в Калифорнии. Где бывший Союз, где Калифорния, кому читал, оно им надо было? И не запомнилось — что потом сказали слушатели эти? Кажется, нигде потом не было напечатано. Вот и папка девяносто второго года. Среди уж пожелтевших листков: «Дорогой Карл Двенадцатый! Сражение под Полтавой — проиграно...». Всегда замечал: текст на таком, уж пожелтевшем листе, на машинке — это совсем не то, что в книжке. Пока он на листке, он ещё твой, его можно красным карандашом почёркать, а в книжке он уже сам себе хозяин, как незалежна Украина. Почему оно так задело тогда? Ведь все разбежались: и грузины, и литовцы, с туркменами заодно, наверное, они не казались столь родными... Вон как тогда писалось: «Как-нибудь перебежусь. А что до слезы из глаза...», прям как школьник Ёся, которого бросила девочка Катя. А вообще, стишок — дрянь, слава богу, что не напечатал. В телевизоре — всё ползут и ползут танки, тревожный сюжетик прокручивают в сотый раз. Дом, разбитый снарядом. В этой Белокаменной совсем охренели, вздох империи. Что-то сердце заболело...

Такая долгая жизнь.
Фиолетовые чернила выцвели.
Пергамент ушедших дней.

СОСЕД

G. L.

Один коллега, из бывших наших, но давно уж за границей, писал мне осенью 2022 года, что, поскольку он происхождения российского, то чувство стыда не покидает его с конца февраля. Он не бежал на Запад, не был диссидентом, просто нашёл себе научное пристанище, да и работает себе, вполне успешно. Я ему ответил что-то неопределённое, а потом долго ещё наблюдал за своими чувствами. Поделился с ним, что у меня от этого всего непреходящая досада. Был, к примеру, хороший приятель, сосед, нормальный мужик, никакой особой любви, но рюмку водки вместе выпить можно, а оказался таким дерьмом. Досадно мне становится, — то ли я лопух, не видел раньше, не разбираюсь в людях, то ли он заболел. Может, пожалеть надо, может по морде дать? Ответ был: «Думаю, да, мужик заболел — и выздоровление будет очень болезненным. Я просто отсёк общение со всеми «патриотами», но в моём окружении таких и не было почти».

Но жизнь заставляла всё меньше заниматься досадой относительно диагноза, а больше злостью относительно того, что дать по морде необходимо. Уж точно понятно, что без хирурга не вылечиться ему.

Терапия, хирургия.
Может на воды? К примеру —
В Карловы Вары?

Около 1.11.22

ПОЖАРНАЯ ЛЕСТНИЦА

Хорошее изобретение лифт. В древнем Риме тоже строили многоэтажки, этажей, говорят, пять-шесть, но на последних жила беднота, а туалеты, ну, и вся городская жизнь, были внизу, на улице. Вот, набегаясь. Но всё недвижимое всегда более надёжно, чем подвижное. Потому я стал ходить по пожарной лестнице, как в древнем Риме. Потому что положение, военное, обязывает. Потому что если застрянет лифт, то... даже страшно подумать. Днём пожарная лестница по замыслу архитектора должна освещаться через застеклённые двери, которые выходят на пожарный балкон, да уж давно почти все оконца забиты фанерой. Война со стёклами — это война другого рода. Раз фанера, значит и днём темно на этой лестнице. Электричество надо экономить, лампочки не горят. Вот и иду я с фонариком на голове. Как шахтёр, который спускается в забой. А на стенах — история. На одной написано: «Зека — на нары!», это память про президента Януковича, эпоха последней революции. Печатными, рубленным шрифтом: ПТНХПНХ, труднопередаваемое, но это адресовано Путину. Если бы не два этих исторических персонажа, ездил бы я себе на лифте. А так, хожу, как римский плебей, хотя туалета во дворе ещё нет. Но история сплошь и рядом повторяется.

Эволюция — это когда к светлому будущему.

Деволуция, когда назад, к природе.

Жизнь — это когда туда-сюда, туда-сюда.

14.11.22

ЭВЕРЕСТ. ВЕРШИНА

Когда я поднимаюсь по лестнице на свой высокий этаж, я вспоминаю об альпинистах. Я прикинул, что мне надо поднять своё тело, восемьдесят килограмм, где-то на сорок пять метров. А Эверест — восемь тысяч с лишком. То есть, если война продлится ещё двести дней, то мой Эверест будет покорён. Потому что даже если восстановят электричество, надёжнее ходить пешком. Вот поднимаются мирные альпинисты в гору, идут тяжело, воздуха не хватает, идут куда-то прямо в космос. И достигают. Под ногами — вершина, над головой — ничего. Романтично. Но кому-то кажется глупостью. Мой Эверест имеет смысл. Я иду, иду, поднимаюсь, считаю ступеньки, иногда и до двухсот, но никогда не считаю до самого конца, это какое-то суеверие. Иногда, если с грузом, отдыхаю на седьмом или восьмом этаже. И прихожу домой. Домой! Это действительно мой космос. Хорошо, когда стремление к вершине имеет какой-то смысл.

Годы идут, и
Каждая ступенька —
Маленький Эверест.

Начало зимы 23 года

НЕВЗГОДЫ И ТВОРЦЫ

Странная вещь: столько вокруг невзгод, которые принесла эта война, но творческий люд не только не затих в ожидании лучших времён, а наоборот, активизировался. Долгое время как-то пусто было на стене объявлений и афиш Дома художника, что на Львовской, а тут иду — вставка под названием «Цвет»! Этот мой знакомый художник, он не только художник, он ещё и исследователь цвета. Даже побывал в Антарктиде, показывал свои цветовые композиции на снегу полярникам, исследовал разное восприятие цвета. Сёра наших дней. Но кроме роскошных, выверенных оптически цветовых композиций, как бы больше из области физики, чем простого искусства, было много прекрасных пейзажей. Но даже не в пейзажах дело. А в том, что, зайдя на выставку, попал я на лекцию его. О цвете. Об искусстве. Залы не отапливаются, сумерки какие-то надвигаются за окном. Воздушная тревога объявлена. А люди собрались, слушают. И художник рассказывает о своём, о цвете, о волшебстве света. На днях Игорь позвонил: «Приходи на презентацию книги, будем презентовать вместе с одним поэтом». А рисунки — Игоря, нашёл-таки место, куда свою графику пристроить. Надо пойти, хоть все и носят, и передают друг другу информацию из телефонов, что в среду враг собирается своими ракетами в очередной раз жизнь попортить. А тут ещё и Петрович звонит. Хорошо, мол, поработал, буду показывать своим близким друзьям серию графики про Марусю Чурай. Надо поехать. Не просто совпадения, это странным образом невзгоды стимулируют творчество.

Форму лепит, как известно, свет
Но содержание
Подвластно только цвету.

29.11.22

РОМАНТИКИ ВОЙНЫ

Приглашали в компанию близких друзей, а пришёл — там близких только двое, всё какие-то далёкие. Был один план, предчувствие, может быть, даже задушевного разговора, а пришлось слушать чужие впечатления. Один, с длинными висячими усами, похоже, он закручивает их на бигуди, второй — просто молодой, никакой. И всё про войну да про стрельбу. Только, вот, думаю, когда-то из отца клещами нельзя было вытащить его военные впечатления, воспоминания. А эти всё про виды оружия да про огневую мощь, через каждые два слова. Похоже, что они — самые обыкновенные романтики войны. Война, она вообще на двух подпорках держится: на тех, кто с неё выгоду свою имеет, да на романтиках войны. Отец был молчалив, наверное, оттого, что разделял мнение того шофёра, что сделал как-то для лейтенанта Генри глубокое эмпирическое обобщение: война это просто дерьмо.

Бывает пусто в людном
Мире. Бывает тесно
В пустоте.

ВОЙНА И ВРЕМЯ

Время — это и есть прошлое, настоящее и будущее. Эта война сильно изуродовала прошлое. Многие простые и милые воспоминания оказались какими-то чёрными нитками связанными с настоящим, может, даже не из-за времени, а из-за единства пространства. Кажется, что мои собственные старые мысли как-то вписались в целый придурковатый эпос, который призван оправдать эту войну. Она изуродовала настоящее, ибо страх и неуверенность — не лучшее окружение в жизни. Украла будущее, которое всегда бывает безупречным. И надо сопротивляться всем трём ипостасям времени, чтобы просто выжить.

Вчера, сегодня, завтра. Часы.
Календарь. Печаль.
Моего личного времени.

Декабрь 2022

РЕАЛИИ

Проснулся и не рано, и не поздно. Что-то вроде снега появилось в сером утре, в самом начале года. А может быть, и в конце, до Старого Нового года ещё три дня. Планы на день записаны на бумажке ещё с вчера, полупенсионерская жизнь продолжается и даже даёт свои плоды. На работе холодно и слишком дискомфортно, поэтому идёт удалённая работа. От чего удалённая? Работа — со мной. Надо послать статью, вчера только закончили с одним коллегой, даже хочется себя похвалить, интересно получилось. Надо отправить письма, после физзарядки и завтрака. И надо спешить, пока электричество есть. И тут вид двух тазиков в ванной — запас воды — и самодельная лампа аккумуляторная над столом возвращают к реальности. Война-то за ночь не умерла! И ничего не изменилось.

Серое утро, серая зона
Между надеждой и
Правдой жизни.

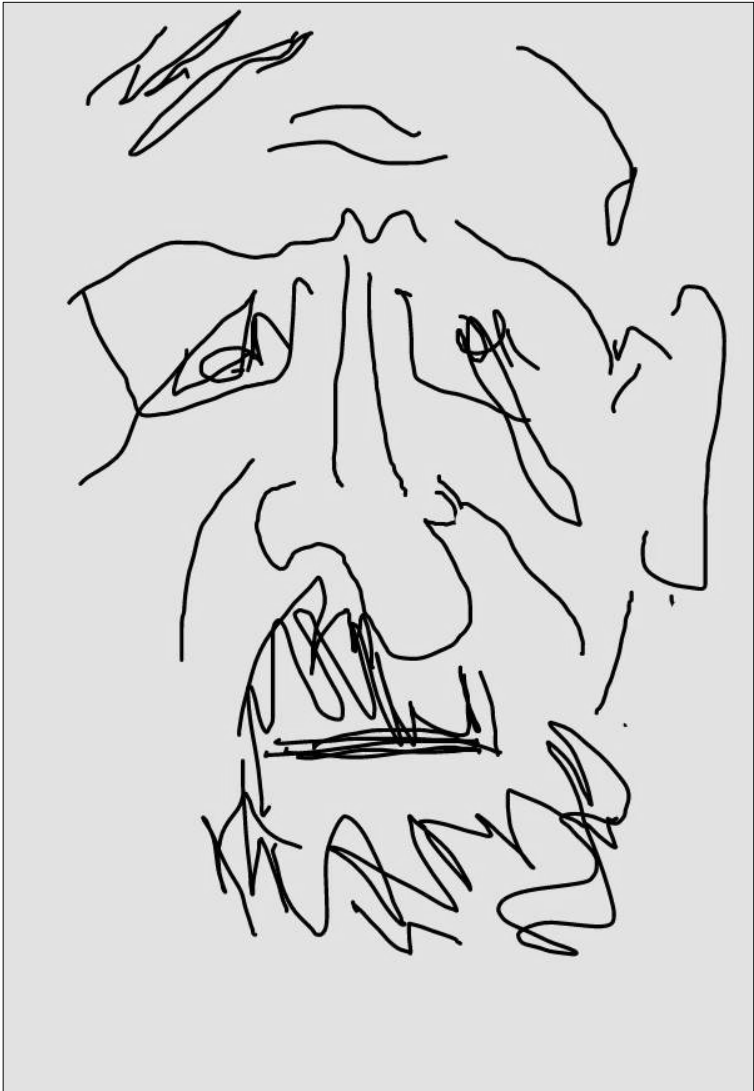
09.01.23

ОРДА

В каком-то там 1200... 1300... году двигалась к Городу орда. Кочевники. Они и на запад двигались, и на восток. Но на востоке построили Великую стену. Этому растеканию живого вещества поставили некий заслон. Правда, потом оказалось, что торговля шёлковыми нитями привела их за стену тихо и мирно. Орда таки пришла и сожгла Город. И люди в последней надежде прятались в соборе, собор тоже сожгли. Прошла чуть не тысяча лет, опять Орда. Что за странные круги истории?

Наверное, у каждого было своё лицо,
Чёрная туча пришла,
Где вóроны, где ворóны — не различить.
Стена? Собор?
Или — шёлковые нитки?

03.02.23

ДАТЫ ФЕВРАЛЯ

У февраля, как и у любого месяца, свои даты. Личные, общественные, даты социума. В первой половине февраля был день рождения отца. Но я не помню, чтобы когда-нибудь эту дату отмечали, каким-то праздником, застольем и подарками. Были, конечно, какие-то круглые даты, которые стоило отметить, да только в период больших круглых отцовских дат я жил далеко. А вообще, Февраль — особенный, урезанный месяц. Больно, наверное, когда от него отрезают невысокосный день. Никогда не понимал у Пастернака: «Февраль — достать чернил и плакать...». Хотя, в общем-то, это шаг к весне.

Двадцать пятое февраля.
SMSка от Анны. Москва:
Рыдала вчера целый день.

22.02.23

ЧТО МИР, ЧТО ВОЙНА

Наткнулся на интервью одного мудреца. Вопрос: вот вы пишете в своих стихах, мол, войны от мира не отделить, что это значит? Ответ: война сеет смерть, но смерть и так ходит рядом с нами. Постоянно и всегда, нет жизни без смерти. Война разрушает строения, но дома и так разрушаются, ветшают. Ну, и так далее. Война только обостряет то, что и так существует. Да, действительно, тонкое наблюдение и эмпирическое обобщение. Особенно если наблюдать из Нью-Йорка. Одна маленькая деталь: жизнь и смерть, действительно — атрибуты биосферы, только в природе к этой смене онтогенезов, возрастанию энтропии скал и материков нигде не примешивается сколько бы то ни было ненависти.

Был костёр какого-то дурака
Лесной пожар. Обгоревшее деревце,
А могло вырасти огромным дубом.

28.01.23

ЗИМНИЕ ОКНА

В начале зимы 2022 (которая после осени, а не после Нового года), когда отключали, то по часам, то просто как Бог на душу положит, электричество, сумерки отличались особой жемчужной серостью. И если ты вышел из дому в полдень, спускаясь по слабо освещённой редкими лампочками пожарной лестнице, то возвращаешься в полчетвёртого уже во мрак, включаешь фонарик и идёшь себе, как печальный альпинист, на свой этаж, вспоминая улицу, где уже тихие сумерки. И в этих сумерках, в соседних домах, где по какой-то прихоти горэнерго свет продолжает гореть, медовым светом приветствуют тебя зимние окна. И в них, и в полутьме ранних сереньких сумерек, столько неизвестного тебе дальнего, как в другом, очень тёплом и милом мире, уюта, так много совершенно необоснованной надежды. И понимаешь, что они, эти зимние окна, существуют, в общем-то, для того чтобы вернуть что-то важное, какой-то долг внешнему миру. Это время обратного движения света.

Море зимы, плещется
Своими сугробами. Дальний маяк
Чужого окна.

15.12.22

ПАРКОВЫЙ ЛАНДШАФТ

Как долго ни бродил я по местным лесным дорожкам, всё равно пришёл опять на кладбище. Тут оно огромное, такой парково-кладбищенский ландшафт. Может быть, именно потому сюда захотелось, потому что лиственный лес с высокими деревьями слишком тёмн, хотя и не мрачен. Тишина летнего вечера и кладбищенский покой. Дорожки между кустами рододендронов, живых стен. Жалко, что уже отцвели. Хорошо здесь было, наверное, весной. Странное кладбище, как для городского, в довольно большом городе. Никакой тесноты. Там могилка, сям могилка. На могиле камень. И никаких тебе портретов на лабрадорите. Никаких тебе мониторов, на которых крутятся ролики из жизни усопшего. Кто — и даты. Следующая стадия редукции — фамилия и имя, последняя — только имя. Или только фамилия. Вот, на одном: MINDT? Что это, фамилия или имя? Неважно. Ох уж эти иллюзорные попытки обращения небытия в формы бытия. Было как-то у одного поэта: «поставьте на могиле крест, как знак сложенья». Поэт был живой, потому так и писал, не хотел минус, хотел ещё плюс. Но этот камень, кажется, ближе к истине.

Что-то должно остаться
От того, что было.
У будущего нет пока формы.

Июнь, 2022, Эссен

ФРОНТ И ТЫЛ

В этот, второй год войны угрюмое состояние природы между зимой и летом, которое обычно называется весной, сильно затянулось. Циклон сменялся циклоном, будто в атмосфере забыли, что крутиться можно не только против часовой стрелки (в северном, холодном полушарии). На улице часто встречались люди в униформе, но эти все камуфляжи уже давно вошли в быт: то охранники, то просто рыбаки, то мода. Но все же военных как-то можно было выделить их прочим, хотя по знанию знаков отличия я вполне сравнялся теперь с моей бабушкой, которая напрочь не понимала различий между сержантом и полковником. Все чаще мелькал камуфляж в сугубо мирных когда-то поликлиниках и больницах, которые и мне сейчас приходилось посещать. Навстречу шёл парень в форме, и почему-то вспомнилось время моей службы. И то, что далеко на востоке, где служил, совершенно не было уважительного отношения к людям в погонах. Вернее, никакого отношение —

ни любви, ни ненависти. И как-то ясно понял, что в ту, уже почти древнюю войну, то место тоже было тылом, как и сейчас — города, далёкие от фронта. Но тогда далеко не летали ракеты. Сейчас фронт стал ближе, может прямо в дом пожаловать. Но все равно, фронт и тыл — это были какие-то разные жизни, разные ипостаси бытия. Разные миры. И эти грани стали вдруг так очевидны. И всё, что читал и слышал, было только той стороной войны, которая отвечала за поддержание духа. Та, описанная много раз война, была пёстрой, и тоже был тыл, где не было войны, и она была везде. Цельная картина распадалась, и её можно было собрать вместе под лозунгом защиты отечества только умственно, искусственно, зная, что нет пути другого, как давать отпор врагам.

Война как катастрофа.
Пожар — на луне, как
Погасить, не выходя из дома.

25.04.23

ЛИПА ЦВЕТЁТ

Вышел из метро и в который раз заспорил с Гоголем: не полудень столь хорош, так упоителен, так роскошен, а вечер. А, в общем-то, многоуважаемый Николай Васильевич, просто хорошо жить, в любое время суток, в любое время года. Но, согласитесь, есть какая-то мозаика времён, разнообразие. Надо бы задуматься над ней, как над некоторой целостностью, в чём прелесть этой пестроты. А, может, и не пестроты, может, какой-то неизвестной нам системы. В природе всё рационально. Она, эта природа, слишком нежна, слишком хрупка, чтобы легкомысленно относиться к своему существованию. Но пока — не система, пока — выдающиеся индивидуумы. Есть замечательные фрагменты этого мозаичного времени. Да, жаркий полдень, с его сонным блаженством. А кто будет против белого солнечного зимнего дня? Сверкающий снег, морозно чистый воздух. А лунная ночь над заснеженным полем! Но есть какое-то одно состояние природы, которое затрагивает, кажется, только твои душевные струны. Летний долгий вечер. И чем севернее, тем он дольше, этот намёк на белые ночи. Вышел я из метро, ещё на Оболони меня окружали остатки дня, а здесь (полчаса в дороге) солнце уж за домами и катится где-то там, к горизонту. Что за гармония вдруг возникла! Вечерний свет, как бы ниоткуда, тепло ушедшего дня медленно перемешивается

будущей прохладой, и — запах. Чудный запах наполняет весь этот мягкий воздух. Липа зацвела! И это делает улицу, по которой давно хожу, какой-то родной. Почти из детства. Улица, асфальт, а хорошо бы старый двор, старый дом. Или брусчатка старой улицы перед оградой старой церкви. Или горячая ещё после жаркого дня песчаная сельская улица. И на всех картинках — огромная старая липа, которая так посветлела от своих цветов.

А вот, к запаху липы тонко-тонко примешан ещё какой-то запах. Какой-то парень из соседнего дома посадил целый розарий. Все удивляются и радуются. По вечерам, блюдя традиции Маленького Принца, он выходит из многоэтажки с лейкой поливать свои розы.

И что ж этот вечер? Он во мне или я в нём? Оказывается, мы с ним находимся в другом вмещающем. Что-то липкое и противное на душе. Тревога сохранилась от дневной воздушной тревоги. Упоительный полдень в Малороссии был изуродован воем сирен, далёкими взрывами. Парень с лейкой и кто-то, кто нажимает кнопку пуска. Разные миры.

Была б планета
Кубом, не шаром,
Ни утра тебе, ни вечера.
Один упоительный полдень.

Июнь, 2023

ЮБИЛЕЙНОЕ

Год войны как-то прошёл. К недоумению примешалось отращение. Ладно, Путин этот, но страна! Опять про эволюцию пришла мысль. У Красилова есть такой тезис, о сдвиге, шифте эволюции. Это когда не форма меняется, вид биологический вроде тот же самый и выглядит, как миллион лет назад, но уже не тот. Эволюция идёт в другом, невидимом месте. У человека, например, в области социальной. В XII веке захват территорий, рабов, земель и пастбищ за счёт конкурентного вытеснения, агрессии, силы выглядел вполне нормально, соответственно эпохе. Сейчас мы даже такую историю одобряем, как полезную для народа активность вождей наших предков. Но сдвиг произошёл, этикие захваты теперь выглядят некрасиво. Рудименты, однако, остались. И вырваться из XII века непросто. Хуже всего, когда иллюзии старины стоят на плечах вполне современных танков.

С Галлией торговать бы, но
Цезарь, как динозавр,
В клещах эволюции.

27.02.23

УРОВНИ БЕДЫ

Как оказалось, может меняться иерархическая структура беды. Недуги всякие, что может быть хуже? Верхний уровень твоей беды. Однако, худо-бедно, надеешься, что могут прийти на помощь врачи, какая-нибудь скорая приедет. Но приходит война. И понимаешь, что уровень твой не крайний. Города гибнут, а тут — один старик. Это как раковому больному лечить зубы.

Когда тебе плохо,
Подумай о тех,
Кому ещё хуже.
Утешение небольшое,
Но...

Июль, 2023

ОРУЭЛЛ

Оказывается, и у абсурда есть свой диапазон. Насколько представляется кому-то абсурдной организация того общества, в котором живёт герой Оруэлла в «1984»? Казалось бы — Министерство правды чем занимается? Изготовлением неоправды, необходимой для данного момента — переписыванием, реконструкцией истории, уничтожением памяти об одних, придумыванием новых эпизодов. Глупость ведь и полный абсурд. Прошлое когда-то было настоящим, и если в настоящем вы ещё что-то сможете успеть изменить, хотя оно всё время ускользает, стремясь стать прошлым, то всё прошлое уже мертво, потому и неизбежно, помним ли мы его, знаем ли мы его, неважно. Но читая Оруэлла, я совсем не был поражён этим Министерством правды, наблюдения показывали, что практика переделки истории — вполне обычное дело. Да и переделывать ничего не надо: о том промолчали, то подчеркнули, добавили воспоминаний свидетелей. А воспоминания — это не история, это эмоции. Но что в том далёком для автора «1984»

показалось чем-то ЗА абсурдом, хотя искать там нечто «ЗА» уже само по себе смело? Одна деталь жизни: с ракетами. Идёт обыденная жизнь, как-то очень похожая на нашу. Прилетела ракета с другого континента. Где-то взрыв, что-то рухнуло, кто-то погиб. Но жизнь продолжается, работает Министерство правды, пролька развешивает белье и поёт. Показалось, ЗА абсурдом — ракета в никуда, просто так, полетела. И прилетела. Просто чтобы напомнить, что конфликт континентов продолжается. Просто, когда было несчастье с одним человеком, это могло стать событием, а потом стало обыденностью. Вот что тогда казалось за пределами абсурда. А что такое абсурд? Это просто — очень маловероятное событие, к тому же — бессмысленное.

Невероятность абсурда
Легко исправляется.
Повторяемостью.

26.02.23

ИЛЛЮЗИИ ВЛАСТИТЕЛЕЙ

Наполеон вошёл в Россию с самой большой тогда в Европе армией — больше, чем полмиллиона штыков. А сколько тысяч лошадей! Обозы, генералы, примкнувшие маркитантки. Ушёл обратно с половиной. И кто теперь может показать хоть одну могилку: «Неизвестный наполеоновский солдат, 1812» — на пути от Немана до Москвы и обратно? Два миллиона могил растворились в истории. Как будто небольшая страна исчезла. Зачем? Мальтузианский дефицит ресурсов? Несение варварам просвещённых идей? Бредовые амбиции одного императора? Банальные вопросы, банальные ответы. Банальная история. Циклического характера. Сто лет до этого Карл XII тоже путешествовал, но уже с севера на юг, с похожим результатом. Через сто лет Германия, через сто тридцать — опять. Через две-сти десять — опять, та же бухгалтерия, те же сотни тысяч, направление другое, с востока. Ага, хана Батыя напоминает. И что за этой повторяемостью? Знать бы коренную причину, можно было бы прооперировать, да удалить эту патологию. Но подходящего хирурга нет, да и патология циклического появления пациентов неясна.

Старые карты, старинные битвы.
Счёт на армии, полки.
Полк — не человек, его не жалко.

10.11.23

НАДО, ЧТОБЫ ПОВЕЗЛО

Войне только два года, но уже есть традиции. Печальная традиция ракетных ударов если не в новогоднюю ночь, то сразу после. Второго января проснулся в 7:40 от взрывов, потом говорили те, кто не спит, что тревога началась в три ночи. Ещё утренние сумерки. На горизонте чернели дымы. Разбудил жену, чтобы пошла пересидеть тревогу в ванной — правило 2–3 стен, защита. Сидит, вслух читает «Телеграмм»: «С юга две ракеты летят на Киев». Поглядываю в окно лоджии, сфотографировал дымы. Совершенно глупое желание что-то запечатлеть. «Вот какой была жизнь тогда», — это взгляд в будущее, когда, кажется, это будет любопытно. В стороне аэропорта вдруг поднимается белое облако, из которого вылетают одна за другой зенитные ракеты. Они уносятся под крутым углом, подтапливаемые огненными хвостами и оставляя белый виляющий дымный след за собой. Ракеты уходят на юго-запад. Из ванной: «Ракеты развернулись над Белой Церковью». Через пару минут огненный объект пронёсся с юго-востока по небу, прямо на то

место, откуда взлетали ракеты. Там упруго поднялся оранжевый пузырь взрыва, потом чёрный дым. И опять эта глупая мысль — не успел сфотографировать. Глупое, неведь откуда взявшееся чувство репортёра, которое, может, и спасает от страха. В этот день погибла одна пожилая женщина, по стечению обстоятельств, хорошо мне знакомая, почти в самом центре города. Может, тоже в ванной пряталась, но дом не спас. Скорая везла, да не довезла до клиники.

Притягательность катастроф.
Синдром телевизора,
Будто оцифрованная, беда.

P.S. Этот огненный пузырь на месте ПЗРК (*подвижный зенитный ракетный комплекс*) стоял перед глазами весь день. Вечером в каких-то интернет-комментариях прочитал, что, отстреляв, эти хаймерсы и патриоты могут смываться с места за три-четыре минуты. Хотелось надеяться.

3.01.24

**Чтоб распознать иллюзию,
Надо сравнить с истиной,
А что, если и она — иллюзия?**

ИЛЛЮЗИИ

Иллюзии — это, может быть, самое человеческое явление. Пока осужденный на смерть в своей камере несёт в себе иллюзию чудесного спасения... Пока звучит: «Да минует меня чаша сия...». Не минует.

Но иллюзии встречаются и в природе. Если вы думаете, что радуга — это такой предмет в небе, то нет. Это иллюзия, которую непонятно как, но совместно создают миллионы капель воды после дождя.

Периодические писания завещаний — весьма полезное занятие. Во всяком случае, для борьбы с некоторыми иллюзиями. Например, с иллюзией вашей важности в этом мире. Или с иллюзией, что вы можете оставить «след на земле». Ваши материальные достатки выглядят смешно и нелепо в глазах потомков, а духовные и передать-то потомкам нельзя, взять — можно, отдать — нельзя.

Иллюзии тесно переплетаются с заблуждениями. Различие между ними в том, что первые известны, даже объяснимы, как поведение тех двух параллельных прямых, которые мечутся между Эвклидом и Лобачевским, попав в компанию с окружностями. Объясняешь популярно мозгу, мол, это иллюзия, но он всё равно так воспринимает, то этак. А заблуждение не только необъяснимо, но и необъясняемо. Если же я точно знаю, что это заблуждение, то скорее всего, я перестану заблуждаться. Всё относительно.

Классификация иллюзий, конечно, не самоцель, а некий инструмент познания их. И даже, может быть — борьба с ними. Или, наоборот — культивирования. Но, как было отмечено выше, хотя мы и знаем, что они параллельные, всё равно кажутся нам сходящимися. Где-то там, за горизонтом. Кстати, это ещё одна иллюзия (а может быть, и заблуждение), что за горизонтом всё не так, как у нас, мол, там и параллельные линии сходятся (или расходятся), тем более что линиям, собственно, на это наплевать.

ИЛЛЮЗИИ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Надо сказать, что Диоген без своей рекламной бочки — просто БОМЖ с бугра. Мало ли философов среди бездомных, дворников, странников. Да они все, а уж точно — через одного — все философы. В основе философствования лежит иллюзия индивидуальности и неповторимости каждой особи. С этим даже генетически согласиться можно с определённой натяжкой. Но что значит — неповторимость и индивидуальность, если существует принцип Реди? (Принцип Реди: Всё живое — от живого!)

Вот если бы вы могли, братцы, Скворода или Диоген, произойти из дорожной пыли, сдобренной животворной силой какого-нибудь летнего дождика, или из донного ила замшелого озера. Однако, все вы — просто узелок на бесконечной нити жизни. Множество эволюционных иллюзий разбивается об этот непреложный факт: если вы есть и живете, значит у вас были предки 3 млрд лет назад, потому что ваша жизненная нить не могла возникнуть в пятом или там в двадцать пятом веке до нашей эры. Однако на эту нить жизни, имеющую начало где-то там и конец — прямо здесь, нанизаны маленькие и всё-таки разнообразные бусинки индивидуумов.

Оказалось, что не иллюзия вовсе.

Просто —

Ещё одна относительность.

ИЛЛЮЗИИ ВОЗРАСТОВ

Иллюзии детства. Главная иллюзия детства состоит в том, что маленький человек думает, что когда он вырастет, жить станет лучше. Фига с два, станет только хуже!

Иллюзии молодости. Самая печальная иллюзия молодости состоит в том, что молодость отнюдь не то, чтобы не вечна, но и ужасающе краткосрочна. Хотя. Здесь скрыта ещё одна иллюзия — иллюзия ощущения себя мальчиком/девочкой, независимо от паспортных данных.

Иллюзии зрелости. Зрелость — сама по себе иллюзия.

Иллюзии старости. Пейзаж иллюзий старости весьма беден. Напоминает если не пустыню Атакама, то саванну в период засухи. Вроде и деревья какие-то стоят, а как неживые.

И почти обо всём
Уж могу написать:
«Из личного опыта».

ИЛЛЮЗИИ ВАЖНОСТИ НАСЛЕДСТВА

Очень неприятная иллюзия, связанная с иллюзией возможной/неизбежной благодарности. Но! Это одна из редких иллюзий, которую никто осознать в полной мере не может. Поскольку, пока ты жив, ты исповедуешь эту иллюзию, считая таким важным своё наследие (от ковров, книг, сберкнижек до написанных книг), но это становится наследием только после смерти, и тут уж разочарование ну никак невозможно испытать.

Сия иллюзия есть всего лишь отражение всеобщего закона о невозможности познания ещё не наступившего будущего. В основе её вполне оправданное и даже неизбежное проецирование сегодняшних ценностей в завтра.

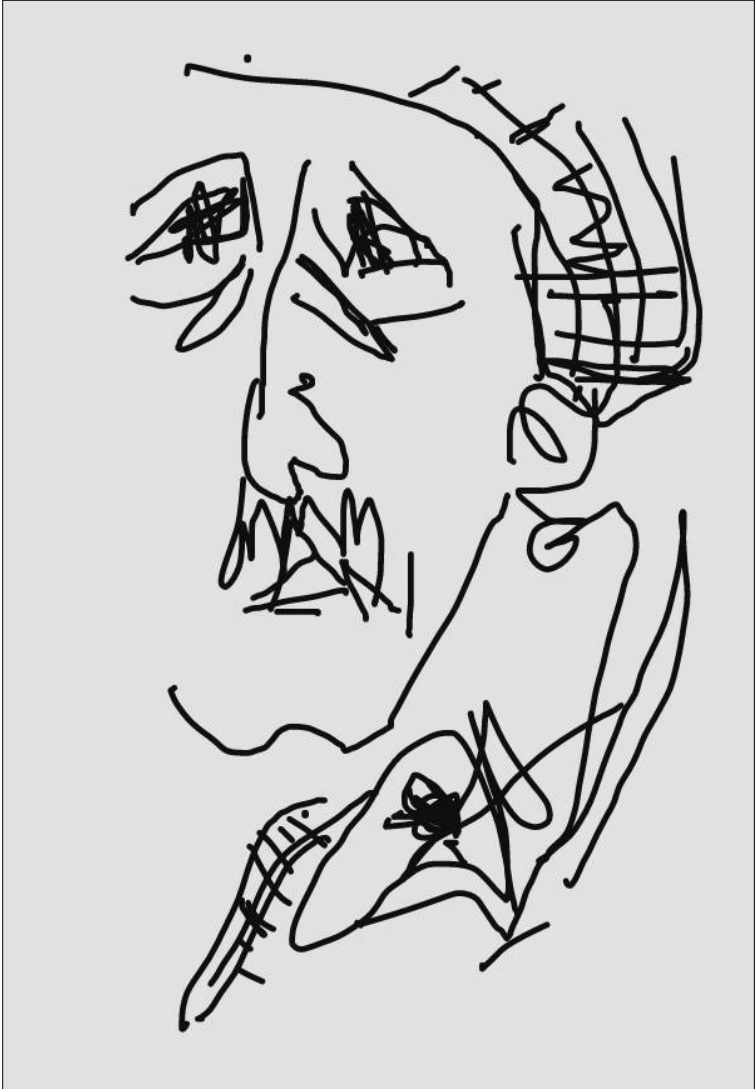
Я уже знаю, что многое, доставшееся мне от родителей (и оно имело весьма большую ценность тогда!) уже ничего не значит и не стоит. Но я думаю, что то, что останется после меня, кому-то будет нужно. Не будет!

Что из этого следует?

Живите себе спокойно.

Да здравствует сосредоточенность

На себе!

ИЛЛЮЗИЯ ОБ УЧЕНИКАХ

Среди многих жизненных иллюзий есть одна, которая, как недосказанная притча, оставляет надежду. Она называется заблуждением, или иллюзией об учениках. Всякое заблуждение — есть квинтэссенция надежды. Хотя появление учеников — процесс стохастический, есть в этом некоторая неизбежность. Ученики — это часть ваших (наших) отношений с миром людей. А живя в этом мире, неизбежно подчиняешься его сценарию.

Ученики появляются, и каждый из них приносит надежду на нечто новое, будущее. Но всё идёт по-обычному, всегда повторяющемуся кругу. Бесталанные остаются, и от них нет никакого проку, а талантливые идут своей дорогой, взяв от тебя, что им надо, бегут вперёд, оставляя тебе твои иллюзии.

Структура этих иллюзий проста. Главное заблуждение состоит в том, что мы слишком трепетно относимся к своему опыту. А он только наш и никому практически не нужен. Нужен, но не до конца.

Любовь к ученикам истинная — это борьба с подспудным стремлением перекормить их своим опытом. Ходите, как Сократ, по тропинке и излагайте свои концепции, не задумываясь о том, слушает ли вас кто, идёт ли кто-то за вами.

Здесь мы оставляем в стороне, однако, такую важную категорию, как преданность. Но, боюсь, она не имеет отношения к собственно ученичеству.

Поэтому справедлив такой совет. Оглянитесь — и если вы увидите на своём пройденном пути оставленных вами учителей — вы талантливы!

Или — сволочь.

Так что, единственным талантливым учеником Христа был Иуда? Хотя именно эти отношения вряд ли поддаются анализу, поскольку невозможно уяснить, что была здесь собственно жизнь, а что — спектакль по сценарию Свыше.

Легенда о двенадцати учениках

Зачем-то была нужна.

Персонажи или массовка?

ИЛЛЮЗИИ О СТИХАХ, ПОЭЗИИ И ВОЗРАСТЕ

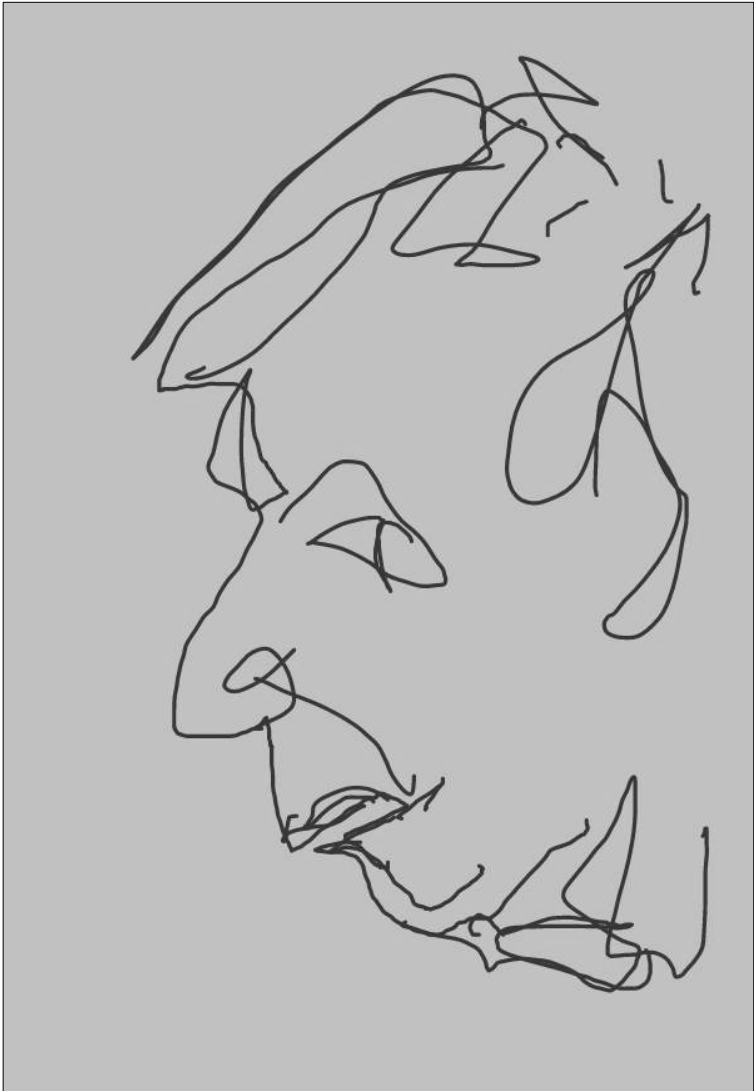
Это не столько иллюзия, сколько заблуждение. Иллюзия — это обман, спровоцированный, может быть, каким-то посторонним явлением. Например, оптическая иллюзия. Нам кажется, что маленькие черные мазочки на картине Писарро — это люди на бульваре Капуцинов, который, к тому же, уходит куда-то вдаль, хотя известно, что там, за холстом — стена. Это ошибки мозга. Заблуждение же — это неправильное суждение. Неправильное с точки зрения правильного. А то, что на самом деле вообще существует правильное — это уже — иллюзия. Тоже — ошибка мозга. Но иногда и души.

Довольно распространено мнение, что стихи надо начинать сочинять лет в десять, писать (записывать?) лет в семнадцать, а в девятнадцать, как Рембо (ударение на О) уже умереть поэтически, а ещё более романтично — и взаправду врезать

дуба. Это полностью физиологическое заблуждение. Гормональные стихи, которые пишут девочки и мальчики в шестнадцать лет, очень хороши потому, что они естественны, как окружающая среда, которая освещает внутреннюю. Чаще всего это происходит на манер смены весны летней засухой. Пейзаж весенний сменяется летним, откровенно сказать, довольно нудным. Это всё объяснимо. Странно то, что некоторые индивиды продолжают сочинять и летом!

Таким образом, иллюзия о поэтических исканиях как свойстве исключительно ювенильного состояния организма связана с заблуждением и незнанием сформулированного мною закона двойственности стихогенных факторов: причина стихов как в гормонах, так и в погоде.

Просто — пишите много!
Невзирая на
Усталость душ.

**ИЛЛЮЗИЯ СПОНТАННОГО
САМОУЛУЧШЕНИЯ В БУДУЩЕМ**
(предложено моей дочкой Олей,
в достаточно зрелом возрасте)

Я сначала записал саму формулировку (заглавие), а потом подзабыл, в чём там была суть. Попробую провести раскопки, восстановить некие связи.

Думаю, она имела в виду бытующее мнение, особенно среди недорослей, что вот, пройдёт время — и окажется, что я стал гораздо лучше, даже не стараясь улучшаться. Конечно, это вредная иллюзия.

Однако, думаю, что автор иллюзии имел не просто какие-то умозаключения, а вполне жизненный материал. Онтогенез есть развитие, развитие есть совершенствование. И к чему мы приходим в старости? Да, здесь заложена иллюзия о поступательности процесса, в то время как процесс унимодален. Как одnogорбый верблюд. У некоторых, правда, два горба.

У верблюда два горба
Потому, что жизнь —
Борьба!

ИЛЛЮЗИИ О ПОУЧЕНИЯХ

Давать советы, излагать разные поучения — это совсем не то, что передавать свой опыт (если он кому-то нужен). Здесь дело, конечно, в форме. Мы же не считаем почему-то инструкцию поучением. Или Десять заповедей, почему бы не назвать их просто Размышлением? При каком уровне навязчивости размышление становится поучением, то есть тем, что вызывает иронию, хотя не вызывает возражения по сути? Иллюзия в том, что правильность инструкции якобы не должна заботиться о форме.

Тогда как же мне оградить вас и себя от ненужных иллюзий? Тем более, от поучений.

Говорят, к старости можно
Научиться поучать.
«Учитесь... настоящим образом!»

ИЛЛЮЗИЯ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Эта иллюзия имеет происхождение, скорее, возрастное (не считая обычно упоминаемого сакрального). Строится не столько на принятии концепции бесконечности существования (в это не верит никто), сколько на уяснении конечности. Доживая до семидесяти-восемидесяти лет, особь ничего не понимает ни в вечности, ни в конечности, однако просто замечает, что слишком многим согражданам тут и приходит конец. Чистая эмпирика без всякой философии. Приходит конец иллюзии исключительности и приходится признать, что как все, так и ты.

А положение о вечности души — это не иллюзия, это постулат. Может быть, она и живёт вечно? Конечно, это же всем известно! Но при этом она не существует потому, что есть материальное ничто. А жизнь ничто (ничта?) никак нельзя отличить от смерти. Наверное, здесь какая-то иллюзия относительности материального.

Трудно поверить.

Но приходится.

Уж больно много примеров.

ИЛЛЮЗИИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

Главная экономическая иллюзия (относится к иллюзиям социума) состоит в широко тиражируемом представлении о возможности честного получения прибавочной стоимости. Вредная экономическая иллюзия состоит в том, что без прибавочной стоимости можно обойтись (может быть названа Кошмаром Социализма).

Пролетарии всех стран!
Да просто хотелось
Пожить!

ИЛЛЮЗИИ О ПРИМЕТАХ

Согласно одной примете, ощущение необходимости почесать ладонь правой руки — это к деньгам. То есть, кто-то за это вам даст денег или потеряет, чтобы вы нашли. Или вернёт старый долг. Но давно замечено, что сколько бы вы ни чесали правую руку, денег всё равно нет. Левую тоже. Дело в том, что чувство необходимости почесать — это следствие, скорее всего, какого-то решения, там, где-то, может быть — Судьбы, может, Случая, может, и Начальства. В то время как хитро задуманное (предварительно) почёсывание — это причина того, что не может осуществиться, потому что, собственно, акта где-то в чём-то недостаточно. Это не исключает счастливых стечений обстоятельств, когда и достаточно.

То есть, главное — не путать
Причину со следствием.
Спасает от разочарований.

ИЛЛЮЗИИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ

Когда я смотрю на наскальную роспись с лошадью, начертанной где-то в верхнем палеолите, я начинаю верить в божественное создание человека. Нельзя представить себе эволюцию творческого духа. Так же, как сразу возникла на Земле экосистема, а с ней и биосфера, так и человек со своим социумом. Ибо живой организм не может существовать вне сообщества, как и человек вне семьи своих же. Но, если была эволюция, то почему за тысячи лет человечество не ушло от этой лошади хоть чуть-чуть дальше? В чём же тут иллюзия? Может быть, в том, что мы никогда не знаем, что такое это — «дальше»? Наверное, и в том, что мы хотим увидеть эволюцию в результате, а не в процессе. Результаты, обычно — плачевные, бывают только у революций.

Эволюция — это процесс и
Полная непредсказуемость
Результата.

* * *

Чтоб распознать иллюзию,
Надо сравнить с истиной,
А что, если и она — иллюзия?

2020–2023

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Хайбун: заметки о форме	7
В духе Хай	12
Ни прибыли, ни убыли	13
Duende	14
Свеча горела	15
Хайбун как бриколаж	17
Этюды усталости	18
Рука ангела	19
Время и пространство	21
Натюрморт с яйцом	22
Художественный долг	23
Геологические пласты и роман	25
Чайка	26
Как Волошин объяснил Басё	27
Просто мудрость	28
Ещё один пленэр	29
Грачи прилетели	30
Старый и строгий редактор	32
Третье откровение (от Вл. Африканыча)	34
Галерея	35
Мистик	36
Морские камешки	37
Булочка	38
Воспроизводимость	40
Истина	41
Рай	44
В хижине одинокой, в тумане	44

Дополнение сюжета	45
Хаос	46
Нормальная жизнь	48
Неразрешимое противоречие	50
Нож фараона	52
Самозарождение	53
Знаки	54
Пауки и гормоны.....	56
Алфавит	57
Жизненный след.....	58
Летоисчисление	60
Земляки	61
Валя и эволюция	62
Путешествие Монтеня	64
Обелиск	66
Сейчас — голые ветки	67
В маленьком городе.....	68
Манипуляции со временем	69
Мир развлечений	70
Жалко, что внук никогда не увидит	71
Когда все равны	73
Из истории далёких островов.....	74
Кусочки времени	75
О росте камней	76
Деньги.....	78
Король Лир	79
Вернадский, или Популяция Маленьких Принцев	80
Хитрый портрет	82
В музее Ленина	84
Избранность	85
Спор	86
О пользе исторических книг	88
Базар	89
Мы.....	90

Без дома	91
Колокола звонят	92
Катарсис.....	93
Иней и трава.....	96
Взгляд из ушедшей весны.....	97
Избыточность осени	98
Шорох	100
Первый снег.....	101
Разная осень.....	102
Активность.....	103
Осень.....	104
Зима	106
Белая ночь в феврале	107
Время inside.....	108
Май зелёный.....	109
Лето уходит	110
Песок.....	112
Плоды сирени	114
Опять про август.....	117
Маленький сокол.....	118
Дети, убегающие от грозы	120
Сумерки	122
Первый снег новой зимы	124
Снег на крышах	125
Над Горынь-рекой	126
Разочарование	127
Осень как искусство.....	129
Ручей.....	130
Магия зимних крыш	131
Повелитель вод.....	134
Несколько калорий домашнего уюта.....	136
Не придёт	138
Стикс как пограничный водоток.....	139
Звезда	140

Доктор.....	142
Циклизм.....	144
Воспоминание о будущем	145
Отчий дом.....	147
Будда.....	148
Каменноугольный период, или Карбон	150
Уходящие эпистолы.....	151
Токайдо.....	152
Маленькое путешествие	154
Маленькое время и большое время.....	155
Острова	156
Опыты перемен	158
Эпиграф.....	159
Нумерологический этюд	161
Старый дом	162
Хайбун о маленьком мире.....	163
На одной ноге	164
Тропинки	165
Раскаяния и похвалы	167
Психическая геронтология	168
Порядок вещей	169
Вечное движение	170
Удвоения	171
Книжный рынок	172
Каллиграфия.....	174
Напутствия	176
Что там созвездья?	177
Бессонница.....	178
Подписи на картинах.....	179
Переписка.....	180
Прости меня, мой город.....	180
Чувство потери должно быть.....	181
Подделка	182
Атлантида	184

Игра на гитаре	186
Случай с ангелом	188
Раковины на берегу	189
Количество и результат	190
Музыка.....	191
В Крыму	192
Успехи	193
Часы и время.....	194
Стеклянная дорога.....	196
Счастливый глаз	199
Карета	200
Как я нашёл лишний день.....	202
Порядочно надоевший порядок	204
Двое	205
Верка.....	206
Целые отары белых облаков	207
Вне дома.....	208
Деревянный стол	209
Пиксельный взгляд.....	210
Чёрное и белое, немного жёлтого	212
Поворот.....	215
Сны	216
Чёрная молинезия	218
Гадания	220
Круговорот.....	222
Встреча со старым другом	223
Важное и важнейшее	224
Снежный шторм.....	225
Фантазии подкорки	226
Немного счастья.....	228
Симметрия времени.....	229
Чужие люди.....	230
Раздвоение и контроль	232
Провожания	233

Случайные книги.....	234
Жизнь как саванна.....	237
Что есть истина?.....	240
Честная война.....	242
Свои и чужие.....	244
Хрустальные хрусталики.....	245
Игра в беженцев.....	247
Убежище.....	248
Мирное небо.....	250
Цель ракеты.....	251
Мишкин сон.....	252
Зарницы.....	254
Бродский и война.....	256
Сосед.....	258
Пожарная лестница.....	260
Эверест. Вершина.....	261
Невзгоды и творцы.....	262
Романтики войны.....	263
Война и время.....	264
Реалии.....	265
Орда.....	266
Даты февраля.....	268
Что мир, что война.....	269
Зимние окна.....	270
Парковый ландшафт.....	271
Фронт и тыл.....	272
Липа цветёт.....	274
Юбилейное.....	276
Уровни беды.....	277
Оруэлл.....	278
Иллюзии властителей.....	280
Надо, чтобы повезло.....	282
Иллюзии.....	286
Иллюзии об индивидуальности.....	288

Иллюзии возрастов.....	289
Иллюзии важности наследства.....	290
Иллюзия об учениках	292
Иллюзии о стихах, поэзии и возрасте	294
Иллюзия спонтанного самоулучшения в будущем	297
Иллюзии о поучениях.....	298
Иллюзия о вечной жизни	300
Иллюзии экономические	301
Иллюзии о приметах	302
Иллюзии об эволюции	304

Літературно-художнє видання

**СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році**

**Олександр Протасов
(російською мовою)**

Редактор О. Мордовіна

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60 x 84 1/16. Зам. №9138
Папір 80 офсет. Ум. друк. а. 19,5
Гарнітура «Candara».
Підписано до друку 12.02.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

俳

Иероглиф «хай» означает «игра, забава». Это не просто игра, а особого рода игра, которой утешают богов. То есть, в древности люди сочиняли прекрасные песни или стихи или музыку, чтобы утешать богов. Вот это «хай». Другими словами, хайку и хайбун — это утешение для богов!

ПЕЧАТНИЦА
ОЛЕГА ОВДОРОВА

